

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Сборник научных трудов

**Выпуск 4
2012**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

УДК 316.014
ББК 60.504/506
П 29

*Печатается по решению
Ученого совета Социологического института РАН*

Р е д к о л л е г и я:

И.И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., засл. деятель науки РФ
(главный редактор); *Р.Г. Браславский*, к.с.н. (зам. главного редактора);
А.С. Быстрова, к.э.н. (отв. секретарь); *Е.А. Иванова*, к.и.н.;
Я.В. Костюковский, к.с.н.; *М.В. Масловский*, д.с.н., проф.

П 29 Петербургская социология сегодня — 2012 : Сборник научных
трудов Социологического института РАН. Вып. 4. — СПб. :
Нестор-История, 2013. — 288 с.

ISSN 2308-3166

В сборнике представлены результаты исследований научных сотрудников Социологического института РАН и их коллег в области цивилизационного анализа в социологии, инновационного развития, социального контроля, личности и семьи, методологии социологии, включая социологию здоровья.

Для социологов, историков, экономистов и методологов науки.

УДК 316.014
ББК 60.504/506

ISSN 2308-3166

© Социологический институт РАН, 2013
© Издательство «Нестор-История», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Цивилизационные исследования в социологии

<i>Р.Г. Браславский.</i> Автономия человеческого разума: первый проект цивилизационных исследований	7
<i>Ю.А. Прозорова.</i> Интегративная перспектива в цивилизационном анализе	31
<i>J. Subrt.</i> The Civilization Theory of Norbert Elias Today	57

Образование и инновационное развитие

<i>Б.И. Максимов.</i> Инновационно активные организации	69
<i>Л.В. Земнухова.</i> «Айтишники чаще любят свою работу»: к обсуждению результатов исследования	88
<i>А.Г. Щелкин.</i> Об одном существенном недостатке образовательных стандартов высшей школы в сфере социальных наук	116

Социальный контроль

<i>А.А. Яковлева.</i> Общественные инициативы в сфере контроля девиантности как современный социальный институт	127
<i>И.Н. Гурвич.</i> Перспективы изучения социального контроля подростковой девиантности с позиций конструктивистского подхода	147

Личность и семья

<i>К.С. Дивисенко.</i> Ценности и установки в структуре жизненного мира	159
<i>Н.Н. Цветаева.</i> Семья и гендерные отношения в биографических нарративах женщин	175
<i>Т.З. Протасенко.</i> Мир пожилого человека в социальных показателях	187

Проблемы методологии

<i>Л.В. Панова.</i> Модель социальных детерминант как основа многоуровневой методологии изучения здоровья	221
<i>Г.В. Каныгин.</i> Анализ качественных данных как научный метод	253
<i>В.С. Корецкая.</i> Контекстно-ориентированная концептуализация понятий	267
Summaries	281
Сведения об авторах	285

CONTENTS

Introduction	5
--------------------	---

Civilizational Research in Sociology

<i>R.G. Braslavsky.</i> Autonomy of Human Reason: First Project on Civilization Studies	7
<i>Y.A. Prozorova.</i> Integrative Perspective in Civilization Analysis	31
<i>J. Subrt.</i> The Civilization Theory of Norbert Elias Today	57

Education and Innovation Development

<i>B.I. Maximov.</i> Innovation Active Enterprises	69
<i>L.V. Zemnukhova.</i> “IT-Workers Enjoy Their Job More Often”: Towards Discussion of the Research Results	88
<i>A.G. Schelkin.</i> About Significant Fault of Education Standards of Higher School in the Field of Social Studies	116

Social Control

<i>A.A. Yakovleva.</i> Community Initiatives in the Control of Deviance as a Contemporary Social Institution	127
<i>I.N. Gurvich.</i> Perspectives of Investigation of Social Control of Adolescence Deviance from the Social Constructivism Point of View	147

Personality and Family

<i>K.S. Divisenko.</i> Values and Attitudes in Life-world Structure	159
<i>N.N. Tsvetaeva.</i> Family and Gender Relations in Women’s Biographical Narratives	176
<i>T.Z. Protasenko.</i> The Reality of Aging in the Social Indicators	187

Problems of Methodology

<i>L.V. Panova.</i> Model of Social Determinants as the Basis for Multilevel Methodology in Health Studies	221
<i>G.V. Kanygin.</i> Qualitative Data Analysis as Scientific Method	253
<i>V.S. Koretskaya.</i> Context-oriented Conceptualization of Terms	267
Summaries	281
Authors of the Issue	285

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нам посчастливилось жить в эпоху перемен, когда востребованность социологии многократно возросла. Социология перестала восприниматься только как «собственность» профессионального и академического сообщества. Как говорит известный французский социолог М. Вервёрка, речь идет о «реституции социологии», то есть возвращении социологического знания его истинному владельцу — обществу.

В прошедшее 20-летие российским социологам нужно было, с одной стороны, не упустить «уходящую натуру» — тот стиль жизни, социальные типы и межличностные отношения, которые принадлежали прошлому, а с другой, — уловить новые черты трансформирующихся социальных институтов и практик. В переплетении драматических событий социологи оказались готовыми выполнить заказ общества на самопонимание. Взор социологов был обращен, прежде всего, на широкий спектр социальных проблем, именуемых в народе «чернухой»: на изучение проституции, наркомании, алкоголизации, табакокурения, преступности, межэтнических конфликтов. Популярность приобрели исследования бедности и социального неравенства, преимущественно на основе депривационного подхода. Социологи смогли показать неприглядную изнанку жизни, которая прежде тщательно скрывалась. Но другие темы, не менее важные с точки зрения перспектив развития российского общества, оказались в тени: это семья и ценности семейной жизни, представления молодежи о жизни и ее планы на будущее, межличностные отношения на работе и дома, образование и его значимость, здоровье и т. д. Перечень можно продолжить. Изменилось общество, изменяется человек, и в гораздо большей степени — среда его обитания. Нельзя не видеть, насколько изменилась повседневность под воздействием новых информационных технологий: развития и повсеместного распространения средств мобильной связи и массовой коммуникации. И все это — в пределах одной человеческой жизни. В результате технологических инноваций возникают социальные сети и арены

социального взаимодействия. Технические средства расширяют возможности общественной самоорганизации, включая коллективные политические действия. Социологам предстоит ответить на вызовы времени.

Современная российская социология родилась в начале XX в. в Петербурге—Петрограде в трудах П. Сорокина, М. Ковалевского, Н. Тимашева и возродилась в Ленинграде в 1960-е гг. силами В. Ядова, И. Кона, Б. Фирсова, О. Шкаратана, В. Водзинской и др. Сегодня петербургская социология уступает первенство москвичам прежде всего в проведении масштабных эмпирических исследований: общероссийские выборки-лонгитуды принадлежат московским социологам; даже сравнительное исследование населения Шанхая и Санкт-Петербурга выполнено москвичами¹. Несмотря на достижения и признание отдельных исследователей и исследовательских коллективов, петербургская социология в целом никак не выйдет из полосы стагнации. Но институциональная среда для поддержания и возникновения точек роста есть. Это, прежде всего, факультет социологии СПбГУ, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Центр независимых социальных исследований, Санкт-Петербургский филиал Высшей школы экономики и, конечно же, родившийся в перестроечное время Социологический институт РАН. Каждая из этих организаций привносит что-то особенное в понимание и исследование новых реалий российского общества. Академическая социология в Петербурге имеет свои традиционные и вновь осваиваемые ниши: это исследования в области истории российской социологии и цивилизационного подхода, социологии власти и социального контроля, инновации и образования, сексуальных отношений и гендерных траекторий, семьи и межпоколенных связей, здоровья и морали. По-прежнему важное место занимает разработка методологических аспектов получения социологического знания.

Особенность академической науки — в ее претензии на фундаментальность, т. е. на получение нового знания, выявление в текущей жизни неких паттернов, на основе которых формируются социальные тренды. Осуществление этой миссии предполагает наличие многих условий.

Одним из свидетельств деятельности академической социологии в Петербурге может служить настоящий сборник — четвертый выпуск научных трудов Социологического института РАН, выходящих под названием «Петербургская социология сегодня».

¹ Россияне и китайцы в эпоху перемен. Сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI века / Под общ. ред. Е. Н. Даниловой, В. А. Ядова, Пан Давэя. Москва: Логос, 2012. — 452 с.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Р.Г. БРАСЛАВСКИЙ

АВТОНОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА: ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

В статье рассматривается формирование во второй половине XVIII в. просветительского проекта всеобщей истории цивилизации в контексте перехода от дискурса моральной и политической философии к дискурсу социальных и исторических наук. Главная теоретическая новация, связанная с появлением понятия «цивилизация», состояла в открытии культурно-исторического измерения в человеческом способе существования.

Ключевые слова: цивилизация, эпоха Просвещения, автономия человеческого разума, культура, цивилизационный анализ, социология, модерность.

Цивилизационные исследования обычно считаются уделом историков и антропологов, с которым социологи, сосредоточенные на изучении современных индустриальных и постиндустриальных обществ, мало соприкасаются. Более того, среди представителей академического социологического сообщества распространено представление о цивилизационном анализе как чуждой по своим концептуальным основаниям области исследований. Социальные науки до сих пор испытывают трудности с включением понятия «цивилизация» в собственный концептуальный аппарат и использованием его в качестве аналитической категории. Однако обращение к истории социальных наук ставит под сомнение весьма распространенное представление

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-00840а.

о нерелевантности понятия «цивилизация» социологическому анализу. Понятию «цивилизация» принадлежала важнейшая роль в тех эпистемических и концептуально-дискурсивных трансформациях, в ходе которых возникли социальные науки и, в частности, социология. С понятием «цивилизация» непосредственно связаны области исследований и способы теоретизирования, в соотношении и во взаимодействии с которыми происходило самоопределение социологии, конституирование и трансформация ее собственных исследовательских «программ» и «парадигм». Социологи не только обращались к понятию «цивилизация» в поисках решения теоретических проблем собственной дисциплины, но также способствовали развитию самого цивилизационного анализа, причем во многих отношениях вклад этот носил решающий характер. В середине 1970-х гг. на волне критики структурного функционализма произошел «цивилизационный поворот» в социологии, который сопровождался конструированием особой «социологической традиции» в полидисциплинарной области цивилизационных исследований и открытием «цивилизационной» аналитической перспективы в социологии².

Истоки до сих пор существующего напряжения между социологией и цивилизационным анализом обнаруживаются в истории возникновения и возвышения фундаментальных категорий, вокруг которых конституируется каждая из этих двух областей социально-исторической науки. Образование понятий «цивилизация» и «общество» было частью концептуальной и эпистемической революции, сопровождавшей глубокие трансформации политического и экономического порядка западноевропейских обществ во второй половине XVIII — первой половине XIX в., которые получили название «демократической» и «индустриальной» революций. Важнейшая интеллектуальная трансформация этого периода состояла в переходе от дискурса моральной и политической философии к дискурсу социальных и исторических наук³. Возникновение понятий «цивилизация» и «общество» относится к числу тех концептуальных новаций, которые определили новую проблематику, задали новые линии последовательностей и новые границы разрывов в интеллектуальной истории модерности. Каждое

² *Arnason J.P.* Civilizations in Dispute: Histoical Questions and Theoretical Traditions. Leiden and Boston: Brill, 2003. — 380 p.; *Eisenstadt S.N.* The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Thesis Eleven. 2000 (August). Vol. 62. P. 1–21.

³ *Wittrock B.* Social Theory and Global History: The Three Cultural Crystallizations // Thesis Eleven. 2001 (May). Vol. 65. P. 27–28.

из этих понятий по-своему отразило опыт и ожидания «переломного времени» (*Sattelzeit*) — так Р. Козеллек назвал период постепенного исчезновения сословного общества между 1750 и 1850 гг. «Это время Козеллек рассматривал как границу современного мира, время коренного изменения социально-политических понятий, отсылающих к концепту “Новое время” (*Moderne*)»⁴. До сих пор существующая проблема признания научного статуса понятия «цивилизация» является последствием сопровождавших рождение и подъем социальных наук и сохраняющихся до сих пор разрывов «социального» с «политическим» и «культурным».

Возникновение понятия «цивилизация» в дискурсе Просвещения

Главная новация, связанная с формированием понятия «цивилизация», состояла в открытии культурно-исторического измерения в человеческом способе существования. В дискурсе позднего Просвещения (вторая половина XVIII в.) слово «цивилизация» (фр. *civilisation*; англ. *civilization*) стало использоваться для обозначения нового понятия, которое подразумевало «торжество и расцвет разума не только в сфере законности, политики и управления, но и в области моральной, религиозной и интеллектуальной»⁵. Понятие цивилизации трансформировало весьма жесткую иерархическую шкалу, применявшуюся французскими авторами еще в XVII в. для классификации народов. Л. Февр описывает эту шкалу следующим образом: «На самой низшей ступени — “дикари”. Несколько выше — притом что точно определенных отличий не было, — “варвары”. После чего, поднявшись еще на ступень, мы находили народы, обладавшие “*civilité*”, “*politesse*” и, наконец, мудрой “*police*”»⁶.

Понятие «цивилизованность» (*civilité*) заключало в себе представление об «учтивости», «вежливости», «обходительности», т. е. характеризовало определенные манеры поведения во взаимоотношениях с другими людьми. Ей отводилась низшая позиция в иерархии качеств народов, стоящих на ступени более высокой, чем «дикость» и «варварство».

⁴ Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Под ред. Х.Э. Бёдекера. Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 38.

⁵ Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей (1930) // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 253.

⁶ Там же. С. 249.

Следующая по рангу «любезность» (*politesse*) добавляла к «внешним» проявлениям учтивости (*civilité*) «внутреннее» расположение, более внимательное и сердечное отношение к другим людям. Понятия *civilité* и *politesse* воплощали идентичность придворной аристократии и утверждали ее превосходство над другими социальными слоями. Так, в вышедшем в 1690 г. «Полном трехтомном словаре» Фюретьера в качестве примера употребления глагола «цивилизовать» (*civilizer*), означавшего «делать благовоспитанным и вежливым, общительным и любезным», приводится выражение: «Крестьяне не столь цивилизованы, как буржуа, а буржуа — не в такой мере, как придворные»⁷. Наконец, бесспорно наделявшееся наибольшим престижем «полус» (*police*) отсылало к сфере права, администрации, хорошего (*sage*) правления, соблюдению законов и правил поведения «ради существования и поддержания государства и человеческих обществ вообще», как писалось в одном из французских словарей конца XVII в.⁸

В середине XVIII в. со словом *police* начинают происходить важные семантические изменения, в которых нашли выражение процессы усиления бюрократических и интеллектуальных слоев среднего класса, лишавших придворную аристократию политической монополии. Л. Февр фиксирует две противоположно направленные тенденции в реинтерпретации значения слова *police*. С одной стороны, «люди, занятые управлением, а также пуристы и лингвисты-профессионалы» стремятся придать этому слову более узкое, специально-юридическое значение регламентации и охраны общественного порядка, преимущественно в городах. С другой стороны, в произведениях целого ряда писателей-философов — Ш.П. Дюкло, Вольтера (Ф.-М. Аруэ), Ж.-Ж. Руссо, А.-Р. Тюрго — отчетливо прослеживается тенденция добавлять к традиционному политическому смыслу слова *police* новое значение — «моральное и интеллектуальное»⁹. В результате в отношении самого слова *police* возобладала тенденция к ограничению его значения полицейскими функциями. Одновременно с этим попытки расширительного толкования *police* привели, в конечном счете, к его замещению новым словом «цивилизация».

Первое печатное употребление слова «цивилизация» встречается у маркиза де Мирабо-старшего (Виктора де Рикети, 1715–1789)

⁷ Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей. С. 249.

⁸ Там же. С. 249–251.

⁹ Там же. С. 251–253.

в произведении «Друг человечества, или Трактат о народонаселении» (1756–1757). Однако понятие, для обозначения которого стало использоваться слово «цивилизация», ко времени выхода в свет трактата В. Мирабо уже существовало. Так, отчетливый набросок просветительской концепции цивилизации содержался в знаменитой речи А. Тюрго (1727–1781) «Последовательные успехи человеческого разума», произнесенной в университете Сорбонны в 1750 г. Так что, употребляя в своем тексте слово «цивилизация», Мирабо не столько создавал новое, сколько фиксировал уже существовавшее, пусть и с недавних пор, понятие.

При этом новое понятие цивилизации не отвергло полностью прежние значения слов *civilité*, *politesse* и *police*, но вобрало их в себя в качестве подчиненных по отношению к своему главному «морально-интеллектуальному» содержанию. Л. Февр охарактеризовал понятие цивилизации как «в конечном счете, понятие синтетическое»¹⁰. Ж. Старобинский также отмечает: «Слово “цивилизация” оттого столь быстро прижилось, что это [было] синтетическое обозначение для уже ранее бытовавшего понятия, формулировавшегося многообразными способами: “смягчение нравов”, “образование умов”, “развитие учтивости”, “изучение искусств и наук”, “подъем торговли и промышленности”, “обретение материальных удобств и роскоши”»¹¹.

В то же время семантическое пространство синтетического понятия цивилизации было весьма отчетливо структурировано и центрировано. Непосредственным доменом цивилизации выступала сфера «наук и искусств», т. е. сфера духовной культуры — интеллектуального и художественного производства. Самым тесным образом к ней примыкала сфера экономики — «торговли и промышленности». Начиная с В. Мирабо «цивилизация» и «богатство» образуют устойчивое конъюнктивное сочетание в дискурсе эпохи Просвещения. Так, Наполеон, обращаясь к войскам, отплывающим в Египетскую экспедицию, взывал: «Солдаты! Вам предстоит осуществить завоевания, чьи последствия для мировой цивилизации и торговли неисчислимы»¹².

В семантическом пространстве всеобъемлющего синтетического понятия цивилизации религия и политика составляли внутреннюю

¹⁰ Там же. С. 262.

¹¹ Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры / Пер. с франц. В 2-х т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. С. 113.

¹² Там же. С. 131.

зону отчуждения. Что касается религии, то просветителями, всерьез принимавшими ее (такими как В. Мирабо, А. Тюрго, А. Фергюсон), она воспринималась как откровение божественного разума (имелось в виду, конечно же, христианство); для тех же, кто отвергал религию, она была не более чем подлежащим искоренению заблуждением и предрассудком человеческого разума. Политика изначально отчуждалась от разумной человеческой природы, воспринималась как сфера проявления человеческих страстей, лишь со временем, по мере прогресса цивилизации, подпадающая под контроль разума¹³. Таким образом, внутри синтетического понятия цивилизации основная разграничительная линия проходила между культурой и экономикой, с одной стороны, и религией и политикой — с другой. Эта разделительная линия имела ярко выраженный социальный, сословно-классовый смысл. Науки и искусства, торговля и промышленность — это все были сферы деятельности буржуазии, тогда как религия и политика воспринимались как традиционные домены духовенства и аристократии.

Понятие цивилизации задавало новую рамку восприятия и оценивания индивидов, сословий и обществ. Им были привнесены новые ценностные критерии в иерархическую шкалу классификации народов: оно наделяло превосходством те из них, которые не просто обладали «мудрым правлением» (*sage police*), но имели также «богатую философскую, научную, художественную, литературную культуру»¹⁴. Одновременно новая ценностная шкала продолжала применяться и по отношению к различным социальным группам внутри отдельно взятых «цивилизованных» обществ, и в соответствии с ней наибольшим престижем наделялась уже не придворная аристократия, а «интеллигенция» — культурная элита, слой культурных деятелей: ученые, художники, писатели, изобретатели. В умах французской интеллектуальной элиты все более важное место занимают моральные качества — человечность, благодеяние, гражданственность — которые в языке революционной эпохи как раз и начинают ассоциироваться со словом «цивилизация»¹⁵.

Идея моральности (добродетели) была одной из ключевых в понятии цивилизации. Как пишет британский историк науки Роджер

¹³ Тюрго А. Последовательные успехи человеческого разума [1750] // Тюрго А. Избранные философские произведения / Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 54.

¹⁴ Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей. С. 252–253.

¹⁵ Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 127–128.

Смит, «авторы эпохи Просвещения были озабочены основаниями и истоками морали, добродетели и цивилизации»¹⁶. Мирабо-старший в своей неоконченной рукописи «Друг женщин, или Трактат о цивилизации» (вероятная дата — 1768 г.) подверг критике ложные, по его мнению, представления о цивилизации как внешней «цивилизованности». Он писал: «цивилизация ничего не совершает для общества, если она не дает ему основы и формы добродетели»¹⁷. В изданном в 1795 г. в Гёттингене Леонардом Снетлаге словаре французских неологизмов (*Nouveau Dictionnaire français contenant de nouvelles créations du peuple français*) слово «цивилизация» определялось как «действие цивилизования или же наклонность некоторого народа смягчать, а вернее исправлять свои нравы и обычаи, внося в гражданское общество ясную и деятельную нравственность, исполненную любви и добрых дел»¹⁸.

Понятие цивилизации задавало способ нравственного исправления общества через культурное творчество, «прогресс человеческого разума» (Ж. Кондорсе), развитие наук и искусств, хотя и роль религии в деле совершенствования общественной нравственности многими протагонистами «цивилизации», такими как В. Мирабо, А. Тюрго, А. Фергюсон, также не отвергалась. У В. Мирабо встречается характеристика религии как «главной движущей силы» цивилизации, более других способствующей общежительности людей, братскому объединению и смягчению нравов. Этим, кстати говоря, не преминули воспользоваться оппоненты просветителей — иезуиты, включившие в 1771 г. в издававшийся ими «Всеобщий словарь» Треву слово «цивилизация» в значении «общежительность» со ссылкой на явно комплиментарный для религии пример его употребления «другом человечества»¹⁹. Конфликт интерпретаций сопровождал понятие цивилизации практически с момента его возникновения, которое изначально формировалось как орудие социальной критики и политической легитимации в руках представителей среднего класса.

В понятии цивилизации, заключавшем в себе самопонимание особого слоя поднимающегося третьего сословия — интеллигенции,

¹⁶ Смит Р. История гуманитарных наук / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 146–147.

¹⁷ Цит. по: Бенвенист Э. Цивилизация. К истории слова (1954) // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 389.

¹⁸ Цит. по: Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 111.

¹⁹ Там же. С. 113.

находили выражение две главные ценности буржуазной культуры: «добродетель» и «польза», которые особым образом соединялись и преломлялись в идее культурного творчества. Добродетель и польза прямо отождествлялись друг с другом, находя выражение в концепции «общего блага». Как писал П.-А. Гольбах, «добродетель есть не что иное, как польза людей, соединенных в общество». Буржуа, как отмечал А. Гоулднер, «часто ощущал моральный долг быть полезным»²⁰. «Польза» при этом берется в непосредственном соотношении с идеей «производительной деятельности», «труда» в самом широком смысле (не столь важно, в какой сфере — материально-экономической или духовно-культурной). В буржуазном понимании «быть полезным» означало «что-то производить», причем это «что-то» должно было быть признанным или востребованным другими. Буржуазия сознавала себя как «производительный» класс, в отличие от аристократии и духовенства. «Средний класс воспринимал себя как полезный потому, что, с одной стороны, он ощущал себя в первую очередь производителем, а не потребителем подобно дворянству, и, с другой стороны, понимал, что то, что он производит, нужно другим»²¹. Для интеллигенции легитимацией служили «достижения в духовной, научной или художественной деятельности» в противоположность высшему слою придворной аристократии, «который в этом смысле “ничего не делает”, но видит свое отличие, осознает себя и оправдывает отличия, ссылаясь на особого рода поведение»²².

Понятие человеческого разума, составлявшее ядро просветительской концепции цивилизации, интегрировало мораль, пользу и знание. Но делало это таким образом, что центр внимания все более смещался в сторону познавательного аспекта при одновременном ограничении и редукции моральной сферы. Для буржуазного утилитаристского понимания морали был характерен акцент не на чистоте намерений индивидов, а на полезности их действий. Внимание к оценке последствий действий усиливало значение познавательных суждений и ставило в зависимость от них моральные суждения²³. В перспективе это вело к оппозиции «факта» и «ценности».

²⁰ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. С. 99.

²¹ Там же. С. 92.

²² Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования / В 2-х т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. I. С. 64.

²³ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. С. 94-95.

«Цивилизация» и «культура»: сходство и различие

Присущие буржуазной утилитаристской культуре и просветительской концепции разума внутренние напряжения между моральными, утилитарными и когнитивными аспектами имели тенденцию превращаться в явные противоречия, разрушающие осуществленный в понятии цивилизации синтез. В последующей культурной истории модерна «добродетель», «польза» и «творчество» имели тенденцию не только расходиться, но и вступать в оппозицию друг к другу. И эта дивергенция находила выражение в реинтерпретации понятия цивилизации, которое начинало в большей степени идентифицироваться с внешними, рациональными (рассудочными), материальными, утилитарными, организационными и функциональными аспектами общественной жизни в противопоставлении ее внутренним, духовным, экспрессивным, ценностным, моральным и эстетическим сторонам, ассоциируемым с понятием «культура» в узком смысле. При этом с оценочной точки зрения «цивилизация», как правило, проигрывала «культуре». Противопоставление культуры цивилизации разрывало то взаимопроникновение и единство когнитивных, утилитарных и моральных компонентов, которое предполагалось просветительской концепцией разума и цивилизации.

При том, что в Германии возникла традиция противопоставлять «культуру» (*Kultur*) «цивилизации» (*Zivilisation*), именно термин «культура» в значении форм и продуктов духовной деятельности людей, наиболее точно передает то новое содержание, которое привнесло с собой французское понятие «цивилизация». Так, Н. Элиас отмечал, что «понятие цивилизации, когда оно впервые встречается у французских писателей, во многом напоминает то понятие культуры, которое многими годами позже Кант стал противопоставлять “цивилизации”»²⁴, а точнее, если строго следовать букве и смыслу кантовского словопотребления, «цивилизованности» (*Zivilisierung*). В этом кантовском понятийном противопоставлении «культуры» и «цивилизованности» Н. Элиас видел выражение более давней и широкой полемики немецкой интеллигенции с придворной аристократией. Таким образом, французское понятие «цивилизация» и немецкое понятие «культура» первоначально выполняли очень схожие функции выражения социального отличия и превосходства интеллигенции и принципиально совпадали друг с другом в своей противопоставленности понятию

²⁴ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 95.

«цивизованность» (*civilité*), в превознесении «внутренних» моральных и интеллектуальных качеств над «внешними» манерами и приличиями, принятыми в придворном «хорошем обществе». В то же время немецкое понятие культуры и французско-английское понятие цивилизации не были идентичны друг другу.

В Германии та оппозиция, которую французские, а также английские мыслители пытались удержать в рамках единого, синтетического понятия цивилизации, проводя различия между его взаимодополняющими составляющими, приняла форму конфликта конкурирующих и по-разному называемых понятий. Понятие цивилизации изначально подразумевало сильные социальные, политические и экономические коннотации. «Французское и английское понятие “цивилизация” может относиться к политическим или хозяйственным, религиозным или техническим, моральным или социальным фактам. Немецкое понятие “культура” употребляется главным образом по отношению к духовным, художественным, религиозным фактам. Более того, имеется сильно выраженная тенденция противопоставлять их политическим, экономическим и социальным фактам, проводить между этими двумя областями четкую разграничительную линию»²⁵. Однако позже, с середины XIX в., термин «культура» начинает использоваться также и во всеобъемлющем значении. Не случайно впоследствии термины «культура» и «цивилизация» часто использовались как взаимозаменяемые и в научной лексике конкурировали друг с другом как эквивалентные понятия с совпадающими денотатами.

В различиях трактовок понятий «цивилизация» во Франции и Англии и «культура» в Германии преломлялись особенности положения буржуазии в целом и интеллектуалов в частности в социальных структурах и властных конфигурациях каждой из этих западноевропейских стран. В отличие от французской и английской интеллигенции, немецкая интеллигенция представляла собой сравнительно тонкий, рассеянный по всей стране «слой, оттесненный от всякой политической деятельности, едва ли мыслящий в политических категориях и лишь робко начинавший мыслить в категориях национальных»²⁶. Немецкая интеллигенция не была вхожа (за редкими исключениями) в придворное «хорошее общество», но она также была лишена и широкой

²⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 60.

²⁶ Там же. С. 64.

опоры в буржуазии, которая была еще слабо развита в большинстве германских государств XVIII в. По выражению Н. Элиаса, «пишущая немецкая интеллигенция как бы парит в воздухе»²⁷. Если во Франции противостояние среднего класса и дворянства переросло в открытый насильственный политический конфликт, то в Германии оппозиция этих двух сословий приняла вид полемической атаки интеллигенции на дворянство, которая велась почти исключительно за пределами политической сферы.

В Англии, пережившей революцию в середине XVII в., буржуазия и аристократия образовали устойчивую коалицию, и произошло это в немалой степени под влиянием французского революционного опыта. Английский средний класс, травмированный Французской революцией, вместо того чтобы бороться с аристократией за гегемонию, примирился с ней, чтобы образовать «составной» правящий класс²⁸. На примере «Размышлений о революции во Франции» (1790) Эдмунда Бёрка видно, как понятие цивилизации осваивается и присваивается консервативной мыслью. Бёрк выступает против Революции, но от имени и в защиту Цивилизации. Поддержание и развитие «искусств и торговли» (сфер деятельности буржуазии, непосредственно ассоциируемых с понятием цивилизации) ставится им в зависимость от сохранения государства, которое, в свою очередь, поддерживается совместным действием дворянства и религии. Аристократия и духовенство получают у Бёрка легитимацию в качестве двух «основополагающих начал», главных опор, столпов государства и цивилизации. Он предрекает гибель цивилизации («искусств и торговли») в результате французского революционного опыта и превращение нации в сборище «грубых, жестоких, тупых варваров, да еще и бедных и грязных»²⁹. Бёрк прибегает к дискурсу цивилизации в своей полемике с французскими революционерами, обвиняя их в «тирании», «самонадеянном невежестве» и «диком зверстве», т. е. приписывает своим оппонентам все атрибуты «варварства» в противоположность «свободе», «знанию» и «человечности» — т. е. как раз всему тому, с чем теснее всего связывалось понятие цивилизации. Однако Бёрк не просто приспособливает понятие «цивилизация» для оправдания институтов и сословий «старого режима» (еще до революции это,

²⁷ Там же. С. 81.

²⁸ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. С. 159.

²⁹ Цит. по: Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 133.

как уже было отмечено выше, попытались сделать иезуиты). Консервативная реакция Бёрка свидетельствовала не только о страхе перед революцией, но и об изменении в самопонимании и дискурсе правящей аристократии, которая начинает несколько иначе воспринимать свою общественно-политическую роль и свои отношения с поднимающимся средним классом. Бёрк прибегает к характерной для утилитарной культуры буржуазии аргументации, доказывая «полезность» дворянства и духовенства для поддержания и развития «искусств и торговли», а тем самым и для самой буржуазии. В результате в Англии сложилась прочная коалиция между аристократией и буржуазией, которая в дальнейшем только укрепилась ввиду революционной угрозы со стороны рабочего класса.

Итак, возникнув, слово «цивилизация» само занимает верховное положение и начинает обозначать собой некую непреложную ценность и политико-моральную норму: «именем цивилизации начинают выносить приговор»³⁰. «Хорошее правление» ставится в зависимость от «разума», воплощающего морально-интеллектуальные ценности новой культурной элиты — интеллигенции. Государственная власть, причем не только действия правителей, но политический порядок в своих институциональных формах и легитимизирующих принципах, становится объектом критической рефлексии. Содержавшееся в понятии цивилизации представление о подчиненном положении «власти» по отношению к «разуму» выражало политические притязания интеллектуальных слоев среднего класса. Концептуальная революция, произведенная понятием «цивилизация», состояла в том, что оно переопределило культуру в качестве непосредственной сферы реализации человеческого разума. Отныне науки и искусства, а не политика и законодательство стали считаться главной сферой осуществления разумной человеческой природы. Этот сдвиг от политики к культуре в позднем Просвещении отчетливо заметен при сравнении работ «О духе законов» (1748) Ш.Л. Монтескье и «Рассуждения о всеобщей истории» (1750) А. Тюрго. Смыслы, кристаллизовавшиеся в понятии «цивилизация» в самый период его формирования, заключали в себе проблематику отношений культуры и власти, которая ныне признается ведущей темой цивилизационного анализа³¹.

³⁰ Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 128.

³¹ Arnason J.P. Civilizations in Dispute. P. 53, 59.

Первый проект цивилизационных исследований: всеобщая история цивилизации

Наряду и в тесной связи с культурным значением возникает историческое и процессуальное значение нового понятия «цивилизация». «Обозначая собой некоторый процесс, слово “цивилизация” возникает в истории идей одновременно с нынешним значением слова “прогресс”»³². Идея прогресса была связана не только с признанием науки и экономики в качестве ведущих сфер человеческой деятельности, но и с открытием нового и вместе с тем «подлинного» субъекта мировой истории — «человеческого рода». В работах французских и шотландских просветителей второй половины XVIII в., таких как А.Р. Тюрго, Ж.А. Кондорсе, А. Фергюсон, Дж. Миллар, развитие получила всеобщая история цивилизации, которая стала хронологически первой программой «цивилизационных исследований».

По сравнению с XVII в., когда в политической философии доминировали теории естественного права и общественного договора, XVIII в. оказался более открытым для сравнительных и исторических исследований. Основная тенденция в изучении истории в XVIII в. состояла в переходе (1) от сравнительной истории народов ко всеобщей истории человеческого рода; (2) от циклической истории империй к прогрессистской истории цивилизации; (3) от политической истории к истории гражданского общества. Важно отметить, что в процессе и в результате этого перехода предыдущие концепции не отбрасывались, а интегрировались в новую систему представлений и преодолевались в ней.

В трудах первой половины XVIII в. становятся привычными сравнения западноевропейских народов с античной Грецией и древним Римом, с восточными империями: персидской, китайской, японской, османской, индийской, — а также с американскими племенами. Возникает представление о качественных различиях между обычаями, нравами и образами правления европейских и неевропейских народов: в частности, распространение получает концепция восточного деспотизма. В описаниях истории империй превалирует теория круговорота — подъема, упадка и гибели империй, вытеснившая позднеантичную и средневековую концепцию *translatio imperii* — «перехода империи». Просветительская мысль вообще крайне враждебно относилась к империи, превознося республику. Книги Шарля Луи

³² Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 114.

Монтескьё (1689–1755) «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734) и «О духе законов» (1748) являются наиболее выдающимися примерами сравнительно-исторической и политической литературы того времени.

В трудах просветителей второй половины XVIII в. унитарная и линейная теория культурного и экономического прогресса человеческого рода интегрировала в себя в качестве подчиненного момента плюральную и циклическую теорию политического развития человеческих обществ. Как писал один из основоположников теории прогресса Анн Робер Жак Тюрго (1727–1781), «Империи расширяются, имеют период своего расцвета и упадка, но само их падение способствует усовершенствованию искусств и улучшает законы»³³. Или в другом месте: «Империи возникают и падают; законы, формы правления следуют друг за другом; искусства и науки изобретаются и совершенствуются. Попеременно то задерживаемые, то ускоряемые в своем поступательном движении, они переходят из одной страны в другую»³⁴. Таким образом, на смену идее «перехода империи» выдвигается концепция «переноса цивилизации», без которой оказывается невозможным обосновать идею прогресса.

Понятие человеческого рода не было абстракцией человека. Оно предполагало реальную совокупность взаимодействующих индивидов. В основе единства человеческого рода лежало представление о человеческом индивиде как действующем субъекте и творце культуры. Согласно А. Тюрго, духовный прогресс является «продуктом объединенных усилий гениальных людей различных стран», всего человечества³⁵. Предпосылка о реальном единстве человеческого рода и гомогенности человеческой природы позволяла рассматривать в качестве «вторичного», производного социетальный («средний», располагающийся между отдельными индивидами и человечеством как целым и представленный ограниченными социополитическими структурами) уровень мировой истории, на котором изменения носят циклический и флуктуационный характер. Различение двух уровней мировой истории ставило не только проблему соотношения культуры и политики, а также экономики и политики, но и проблему соотношения индивида и общества, действия и социальной структуры. И эту последнюю проблему теоретики

³³ Тюрго А. Рассуждение о всеобщей истории // Тюрго А. Избранные философские произведения / Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 92.

³⁴ Тюрго А. Последовательные успехи человеческого разума. С. 51.

³⁵ Тюрго А. Рассуждение о всеобщей истории. С. 85.

цивилизации склонны были решать в целом с позиций так называемого «социологического номинализма», или признания «автономии индивида», или, точнее, «автономии человеческого разума». Человеческий род как совокупность взаимодействующих индивидов стал считаться реальностью более фундаментальной и первичной по отношению к реальности социальных и политических единств — народов, обществ, государств. Просветители полагали прогресс цивилизации эндогенным по своей природе, т. е. обладающим внутренним, независимым источником саморазвития, заключенным в разумной человеческой природе. Как писал Тюрго, «плодоносные зародыши наук находятся всюду, где появляются люди»³⁶. В то же время концепция прогресса цивилизации не только подчеркивала момент человеческой рациональности и креативности, но и учитывала непреднамеренные последствия человеческих действий. Случившееся в истории, пишет Фергюсон, представляет собой «несомненно, результат человеческой деятельности, но не исполнение какого-либо человеческого замысла»³⁷.

При этом, как это видно уже у А. Тюрго, позитивные последствия для прогресса человеческого рода имеют не только разумные действия индивидов, но и те действия, мотивами которых являются «бурные и опасные» страсти, такие как честолюбие, тщеславие, алчность, зависть, ненависть. Положительная роль человеческих страстей и произведенных ими потрясений и опустошений, кровавых войн и революций в прогрессе человечества заключается в том, что они способствуют распространению и смешению народов, не давая человечеству оставаться разделенным на множество обособленных наций, а также пробуждают человеческий разум к деятельности, предоставляя ему новый и богатый опыт. Таким образом, страсти и производимые ими эффекты оказываются необходимым условием культурного прогресса человечества. «Только вследствие потрясений и опустошений нации распространялись, администрация и формы правления постепенно совершенствовались»³⁸. «И сами честолюбцы, создавая великие нации, содействовали видам провидения, успехам просвещения и, следовательно, увеличению счастья человеческого рода. Они бессознательно шли туда, куда толкали их страсти и неистовства»³⁹.

³⁶ Тюрго А. Последовательные успехи человеческого разума. С. 52.

³⁷ Цит. по: Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 115.

³⁸ Тюрго А. Рассуждение о всеобщей истории. С. 87.

³⁹ Там же. С. 85.

Экономика и наука были двумя сферами, применительно к которым идея прогресса могла быть обоснована наиболее очевидным образом. Просветителями было выдвинуто две схемы прогресса человеческого рода: одна описывала его как последовательность стадий дикости, варварства, цивилизации; другая относилась к смене четырех способов пропитания: охота, пастушество, земледелие, торговля. Во второй половине XVIII в. индустриализация только набирала обороты, и торговля рассматривалась в качестве ведущей сферы экономической деятельности, к тому же более всего способствующей прогрессу цивилизации, благодаря своей функции коммуникации — передачи, распространению и тем самым сохранению и накоплению человеческим родом достижений наук и искусств. Хотя связь науки и промышленности также вполне отчетливо осознавалась в то время, особенно ближе к концу века. Так, в 1794 г. Ж. Кондорсе писал: «Прогресс наук обеспечивает прогресс промышленности, который сам затем ускоряет научные успехи, и это взаимное влияние, действие которого беспрестанно возобновляется, должно быть причислено к наиболее деятельным причинам совершенствования человеческого рода»⁴⁰. Эта «научно-индустриальная» положительная взаимообратная связь стала определяющей в понимании цивилизации на протяжении всего XIX в. — от А. Сен-Симона до Э. Дюркгейма, сохранив свою актуальность вплоть до настоящего времени.

В то же время просветительская теория прогресса не исключала циклическую концепцию развития, которая обнаруживается в непосредственной связи с новым значением слова «цивилизация» сразу же, как только оно впервые появляется в печатном виде в текстах В. Мирабо. Так, в трактате «Друг человечества» он пишет о *«естественном круге»*, ведущем от варварства к упадку, проходя через цивилизацию и богатство». В другом своем произведении — «Теория налога» (1760) В. Мирабо ссылается на «пример всех тех империй, что... прошли весь *круг цивилизации»*⁴¹. Таким образом, из слов В. Мирабо становится понятно, что в истории имеют место циклы, и цивилизация образует лишь недолгую высшую фазу в жизни народов. Но отсюда еще преждевременно делать вывод о том, что В. Мирабо выдвигает циклическую концепцию развития *цивилизации*. Тем более что у него встречаются значения термина «цивилизация», приписывающие «движению» всего рода человеческого

⁴⁰ Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума [1794] / Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 250.

⁴¹ Цит. по: Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 116.

некоторое единое направление совершенствования «общежителности» и увеличения «движимого богатства»⁴². Данная коллизия между циклической и прогрессистской интерпретацией истории находит объяснение, если принимается во внимание различие между двумя планами мировой истории: глобальным и локальным, культурным (цивилизационным) и политическим. Распад отдельных государств и народов не ведет к исчезновению человеческого рода. Как писал А. Тюрго, «человеческий род оставался всегда неизменным в своих потрясениях»⁴³. Но, даже высказываясь в духе «теории круговорота» о развитии отдельных обществ, Мирабо, тем не менее, полагал, что «порочный круг варварства и упадка может быть разорван в пользу цивилизации и богатства умелым и внимательным министром, который остановит эту машину, пока она не достигла своей цели»⁴⁴. И такой министр, с которым сторонники реформ связывали самые радужные ожидания, в правительстве Франции появился. Им стал не кто иной, как А. Тюрго.

Понятие цивилизации, движение реформ и Французская революция

Революции 1789 г. предшествовал период реформ, достигших наибольшего масштаба во время нахождения А. Тюрго на ключевом министерском посту генерального контролера финансов (1774—1776) и прерванных с его отставкой, в которую он был отправлен Людовиком XVI. Свертывание «либерального курса» Тюрго означало политический провал умеренно-оппозиционного, реформистского движения и усиление республиканских настроений, реализованных во Французской революции. Реформа и революция представляли собой разные политические стратегии буржуазии, сопряженные с различными дискурсами. Если революционеры-республиканцы использовали концептуальные ресурсы традиционной политической философии естественного права, то реформаторы-либералы прибегали к дискурсу нарождающихся социальных наук, одной из первых среди которых начала конституироваться политическая экономия.

Хотя понятие «цивилизация» возникло и получило большую популярность в эпоху Просвещения, оно не было порождением «революционного

⁴² Там же. С. 116.

⁴³ Тюрго А. Рассуждение о всеобщей истории. С. 78.

⁴⁴ Цит. по: Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 303.

духа». Так, слово «цивилизация» «почти никогда не встречается в полемических текстах Мирабо-сына, Дантона, Робеспьера, Марата, Демулена, Сен-Жюста»⁴⁵. Французская революция провозгласила своими принципами «свободу», «равенство» и «братство», но не «цивилизацию»⁴⁶. По словам Н. Элиаса, понятие цивилизации было «лозунгом реформы, а не революции»⁴⁷. Оно возникло в рамках реформистского движения физиократов, которые выступали за ограничение государственной власти и возлагали надежды на просвещенный абсолютизм. Политика, управленческая технология просвещенного абсолютизма физиократами понималась как самоограничение правительственного вмешательства в те сферы общественной жизни, где действуют естественные законы самоорганизации, прежде всего, в область экономических интересов, но также в сферу культурного производства, которое во всё большей степени сводилось к производству знания. Процесс научного познания, основывающийся на наблюдении (Ф. Бэкон) и рассуждении (Р. Декарт), рассматривался как подчиненный собственным правилам (методу), накладывающим ограничения на проявления человеческого догматизма и субъективизма («идолы познания» Ф. Бэкона), а также на вмешательство внешних инстанций (будь то церковь или государство). Возникшая по крайней мере уже в XVII в. «лаборатория» (в качестве примера можно привести опыты Р. Бойля) была, используя выражение М. Фуко, «местом истины», где вещи «говорят сами за себя», а ученые лишь наблюдают и записывают их свидетельства (Б. Латур). «Рынок» оказывается другим таким «местом истины», которое позволяет проявиться естественным, спонтанным механизмам на этот раз уже в сфере человеческих отношений⁴⁸. Физиократы и политэкономы рассчитывали иметь возможность наблюдать в условиях свободной торговли и конкуренции образование «естественной», или «нормальной», цены, которая (в отличие от средневекового понятия «справедливой» цены) выражает адекватное соотношение между затратами на производство и объемом спроса. «Естественная» цена оказывается и наиболее эффективной, «наилучшей» ценой с точки зрения полезности: она выгодна и продавцу (максимизирует его прибыль) и покупателю (минимизирует

⁴⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 111, 128.

⁴⁶ Boer P. den. Civilization: Comparing Concepts and Identities // Contributions to the History of Concepts. 2005. Vol. 1. N 1. P. 55.

⁴⁷ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 106.

⁴⁸ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. СПб.: Наука, 2010. С. 49.

его издержки). Однако как лаборатория является местом постановки эксперимента естествоиспытателем, так и рынок оказывается частью практик государственного управления, воспроизводимым результатом особой «правительственной технологии»⁴⁹, осуществляемой в соответствии с принципом *laissez-faire*. Императивы знания и богатства, с которыми самым непосредственным образом было связано понятие цивилизации, накладывали ограничения на вмешательство в сферы науки и экономики со стороны государства, а также, например, церкви, которая имела черты политического института. Провозглашенный физиократами принцип *laissez-faire*, или, по выражению Адама Смита, естественной свободы, накладывал ограничения на политический волюнтаризм, имея в виду увеличение благосостояния нации и наиболее эффективное удовлетворение индивидуальных и государственных интересов.

«Реформа» и «революция» предполагали две разные логики ограничения государственных интересов. Во Французской революции нашел выражение «аксиоматический, юридически-дедуктивный» путь решения проблемы ограничения осуществления государственной власти, артикулированный в традиционных позициях публичного права. Он состоял в том, что естественные и неотчуждаемые права человека ставят внешний предел компетенции государственной власти. Здесь прослеживается преемственность между теоретиками естественного права XVII в. и юристами и законодателями Французской революции, заново поднимающими проблему государственного права, которую юристы XVII в. противопоставляли государственным интересам⁵⁰. Другой путь был избран французскими физиократами, шотландскими политэкономами и английскими утилитаристами. Этот путь предполагал внутреннее ограничение правительственных интересов, основанное на знании природы явлений и естественного хода вещей (само слово «физиократия» означает «власть природы»). Как поясняет М. Фуко, этот путь состоял в том, чтобы исходить не из права, но из самой правительственной практики и пытаться ее анализировать в зависимости от фактических пределов, которые могут прийти из «естественного» порядка вещей, а также в зависимости от желательных пределов, устанавливаемых в виду целей правительства. Предел компетенции правительства определяется границами полезности правительственной деятельности. Так возникают две совершенно разнородные концепции свободы: одна

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 58–59.

мыслится с позиции естественных прав человека, а другая воспринимается исходя из независимости и интересов управляемых⁵¹. На практике эти две концепции свободы могли совпадать или не совпадать друг с другом: экономический либерализм может сочетаться с более или менее существенным ограничением политических свобод (например, период «новой экономической политики» в советской истории). Ж. Кондорсе упрекал французских экономистов-физиократов в том, что те обнаруживали «слишком часто забывчивость относительно политической свободы ради интересов свободы торговли»⁵². Следует отметить, что различие между этими двумя путями ограничения государственных интересов не было исключительно диахронным, т. е. различием между «старым», «политико-философским», и «новым», «социально-научным» подходом. В действительности, как отмечает А. Гоулднер, это различие было проявлением присущего утилитарной культуре буржуазии постоянного конфликта между полезностью и моралью или «естественными правами»⁵³. Однако доминирующая тенденция состояла в соединении дискурса естественных прав человека и дискурса естественной свободы индивидов. Ж. Кондорсе в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» (1794) писал: «Забота обеспечить каждому его естественные права является одновременно единственно полезной политикой, единственным долгом социальной власти и единственным правом, которое общая воля могла бы закономерно осуществлять»⁵⁴. Таким образом, в годы Французской революции цивилизационный дискурс инкорпорировал философско-юридический дискурс естественных прав человека. Представление об экономической и политической свободе стало определяющим в нормативной концепции цивилизации.

Возвышение понятия «общество» и возникновение социологии

Термин «цивилизация» восстанавливал гражданские и политические значения своего латинского предшественника *civilis*, утраченные в слове *civilité*. Понятие «цивилизация» смещало ценностно-смысловые акценты с «государства» на «гражданское общество» (можно сказать,

⁵¹ Фуко М. Рождение биополитики. С. 58–59.

⁵² Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. С. 179.

⁵³ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. С. 173.

⁵⁴ Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. С. 168.

что само направление подобного смещения подсказывалось более ранним юридическим значением термина «цивилизация», обозначавшего перевод уголовного дела в разряд гражданских). Само понятие гражданского общества подверглось существенному переосмыслению по сравнению с политической философией XVII – первой половины XVIII в., опиравшейся на концепции «естественного права» и «общественного договора». В политической философии XVII в. гражданское общество и политическое общество возникали одновременно в учреждающем государстве акте общественного договора. Главная концептуальная новация второй половины XVIII в. состояла в отделении социальных связей от политических. Гражданское общество теперь стало рассматриваться как реальность *sui generis* по отношению к политике. Однако это разделение «политического» и «социального» было сделано для того, чтобы в качестве следующего шага концептуального развития включить «политическое» в состав «общественного». В большинстве общественных теорий XIX в. характер и объем социальных связей концептуализировался таким образом, что мог включать и политические связи⁵⁵.

Подъем социальных наук, начавшийся в самом конце XVIII в., представлял собой «постреволюционный феномен». «Общество» как объект социальных наук оказалось «постреволюционным открытием»: социальная теория была способом уменьшения принципиальной неопределенности и случайности, порожденной собственными усилиями людей⁵⁶. Переход от дискурса моральной и политической философии к дискурсу социальных наук, произошедший в рудиментарной форме в конце 1790-х гг. во Франции, «сопровождался решающим сдвигом от агентского (*agential*) — можно даже сказать волюнтаристского — взгляда на общество к взгляду, который подчеркивал структурные условия»⁵⁷. Представление об «автономии социальной структуры» стало конститутивной «доменной предпосылкой» социологии⁵⁸.

Структурно-институциональный способ анализа стал определяющим в социологии. При этом социальные науки сохранили унаследованное от эпохи Просвещения представление о социальной и культурной креативности человеческого действия. Однако это видение человеческой свободы и креативности, в противоположность

⁵⁵ Вагнер П. Социальная теория и политическая философия // Логос. 2008. № 6. С. 59.

⁵⁶ Там же. С. 60–61.

⁵⁷ Wittrock B. Social Theory and Global History: The Three Cultural Crystallizations. P. 42–43.

⁵⁸ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. С. 78–82.

подчеркиванию детерминирующего потенциала социальной структуры и культуры, имело устойчивую тенденцию к тому, чтобы оставаться на периферии внимания социологии. По словам А. Гоулднера, «это целостное понятие о человеке — основной господствующий взгляд на него как на управляемый продукт общества и культуры в сочетании с дополняющим его понятием о человеке как творце общества и культуры — образует уникальное противоречие, отличающее социологию»⁵⁹.

В социологии понятие «цивилизация» постепенно было вытеснено понятием «общество», которое задавало иную интерпретацию «социального», «культурного», «политического» и их взаимоотношений, а также другое понимание человеческой агентности. Каждое из этих двух понятий стремилось быть всеобъемлющим и охватывало собой все сферы человеческой деятельности. При этом каждое из них ограничивало сферу «политического», подчиняя ее неполитическим факторам. Однако между ними было и принципиальное различие. Если термин «цивилизация» акцентировал внимание на культуре, продуктах человеческой деятельности, то термин «общество» — на социальной структуре и социальных формах человеческого взаимодействия. В первом случае человек наделялся качествами творца культуры и субъекта истории; во втором — выступал как носитель или даже продукт общественных отношений, объект детерминирующего воздействия социальной структуры. В социологии предпосылка «автономии социальной структуры» сменила лежавший в основании просветительской всеобщей истории цивилизации принцип «автономии человеческого разума».

Просветительский проект всеобщей истории цивилизации был воспринят и получил продолжение в «ранней» социологии. У О. Конта встречается определение социологии как «науки о цивилизации». В начале XIX в. в ранней социологии (в работах А. Сен-Симона, О. Конта, Г. Спенсера) присущее просветительскому понятию цивилизации напряжение между культурой и экономикой, с одной стороны, и религией и политикой, с другой, вылилось в противопоставление двух типов общества, один из которых описывался как «военный и теологический», а другой — как «индустриальный и научный». «Цивилизация» в контексте такого противопоставления рассматривалась в качестве атрибута второго, «современного» типа общества и понималась как «комплекс», состоящий из «науки, искусства и промышленности». Это

⁵⁹ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. С. 81.

понимание цивилизации устойчиво воспроизводилось во французской социалистически-социологической традиции на протяжении всего XIX в. — от А. Сен-Симона, Ш. Фурье, О. Конта до Э. Дюркгейма. Однако постепенно, к концу XIX в., унитарное понятие цивилизации было целенаправленно вытеснено на периферию социологического дискурса и анализа. Э. Дюркгейм в своих работах 1890-х гг. подверг критике теории прогресса и индустриального общества О. Конта и Г. Спенсера именно как «теории развития цивилизации», противопоставив им «социальную морфологию». Однако в «классической» социологии в трудах Э. Дюркгейма и М. Вебера был не только совершен разрыв с линейно-эволюционистской концепцией цивилизации и просветительским проектом всеобщей истории цивилизации, но также осуществлен поворот к сравнительным исследованиям цивилизаций и заложены основания плюралистической традиции цивилизационного анализа в социологии. Уже в самом начале XX в. Э. Дюркгейм реабилитировал понятие цивилизации в качестве одной из центральных категорий общей социологии и приступил (совместно с М. Моссом) к разработке плюралистической концепции цивилизации⁶⁰. Таким образом, понятие цивилизации играло важную роль и в «ранней», и в «классической» социологии. Но если в первом случае это была унаследованная от просветителей унитарная концепция цивилизации, то во втором — плюралистическая интерпретация этого понятия.

Плюралистическая концепция цивилизации постепенно кристаллизовалась с начала XIX в. В ней, в отличие от унитарной концепции цивилизации, на первый план вышли как раз религия и политика, рассматриваемые в тесной связи друг с другом. В дальнейшем религиозно-политическая взаимосвязь вообще становится преимущественной темой цивилизационного анализа⁶¹. Таким образом, внутреннее напряжение, изначально заключавшееся в просветительском синтетическом понятии цивилизации, привело к образованию двух оппозиционных по отношению друг к другу концепций цивилизации — унитарной и плюральной. При этом в центре каждой из них находилось понятие так или иначе трактуемой *культуры*, сводимой то к науке,

⁶⁰ Durkheim E. Civilisation in General and Types of Civilisation [1902] // Durkheim E. The Rules of Sociological Method. New York: The Free Press, 1982. P. 243–244; Durkheim E., Mauss M. Note on the notion of civilization [1913] // Social Research. 1971. Vol. 4 (38). P. 808–813.

⁶¹ Арнасон Й. Понимание цивилизационной динамики: вводные замечания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 6.

то к религии; то к эмпирическому знанию, то к космологическим воззрениям, включая представления о трансцендентной реальности. И проблемный узел как просветительской унитарной, так и более поздней плюралистической концепции цивилизации составляли отношения между культурой и властью. Другой узел цивилизационной проблематики, формулируемый в терминах соотношения культуры и социальной структуры, кристаллизовался в контексте подъема понятия «общество» и конституирования социологии в качестве самостоятельной и всеобъемлющей социальной науки. Различные способы решения этой «двойной проблематики» в рамках цивилизационного анализа и социологии способствовали как дивергенции, так и конвергенции траекторий концептуальной эволюции этих двух областей социально-исторического исследования.

ИНТЕГРАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ АНАЛИЗЕ¹

Статья посвящена изучению интегративной перспективы в цивилизационном анализе. Основное внимание уделено реализации принципа уровневой интеграции в цивилизационных концепциях, «связи микро и макро» как важнейшей теоретико-методологической проблеме в социологии. Обращается внимание на выраженный интегративный характер цивилизационных концепций Н. Элиаса, Ш. Эйзенштадта и Р. Коллинза, демонстрируемый в отказе от уровневого детерминизма, замененного принципом взаимодействия и взаимозависимости институтов макроуровня, масштабных структур и процессов и микроуровня индивидуальных действий и межличностных взаимодействий. Подчеркивается, что в современном цивилизационном анализе развиваются и другие направления интеграции — теоретико-концептуальный синтез интегративного анализа культуры, структуры и действия, а также культуры, экономики и власти как измерений цивилизационных комплексов.

Ключевые слова: интегративный подход, метатеория, цивилизационный анализ, цивилизация, интеграция микро и макро, структура, культура, действие, интерактивный ритуал.

Введение

Становление интегративного подхода является одним из важнейших направлений теоретико-методологической эволюции социологии XX в. Актуальность и широкое распространение данного подхода позволили Дж. Ритцеру² определить его как особую социологическую парадигму. Развитие интегративного подхода хронологически совпало с «цивилизационным поворотом», ренессансом цивилизационной проблематики в социологии, который произошел в 1970-80-х гг. Концепция Ш. Эйзенштадта, с которой связано возрождение социологической рефлексии о цивилизационных феноменах, как и последующие идеи и теории в цивилизационном анализе, демонстрируют восприимчивость к актуальным теоретическим дискуссиям о принципе

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-03-00840а.

² *Ritzer G. The Recent History and the Emerging Reality of American Sociological Theory: A Metatheoretical Interpretation // Sociological Forum. Vol. 6 (1991). N 2. P. 269–287.*

интегративности. Следует отметить, что идея интегративного подхода и цивилизационная тематика были озвучены гораздо раньше в еще довоенных работах Н. Элиаса, посвященных «процессу цивилизации». Однако идеи Элиаса, высказанные в изданной в 1939 г. монографии «О процессе цивилизации», очень долго оставались незамеченными социологическим сообществом. Осмысление его концепции процесса цивилизации и методологической позиции произошло значительно позже, после переиздания книги в 1969 г., отчасти совпав с дискуссией о мультипарадигмальности в социологии, развитием сравнительно-исторической социологии и возвращением цивилизационной проблематики в социологический дискурс.

Данная статья ориентирована на изучение интегративной перспективы в цивилизационном анализе. Основное внимание уделено ключевой для интегративного подхода проблеме отношений микро- и макроуровней анализа, описанию релевантных эпизодов истории теоретической дискуссии, метааналитическому инструментарию Дж. Ритцера и исследованию с его помощью цивилизационных концепций Н. Элиаса, Ш. Эйзенштадта и Р. Коллинза³.

Интегративная парадигма в социологии

К 1970-м гг. XX в. социологическая наука вступила в период ослабления позиций макросоциологии, которая постепенно утрачивала свое лидирующее положение. Прежняя доминанта макросоциологических концепций стимулировала развитие микросоциологии, становление которой в конце 1950 — начале 1960-х гг. протекало в условиях жесткой оппозиции между представителями этих двух социологических доменов⁴. Гегемония макросоциологии сменилась биполярностью микро- и макросоциологических парадигм, которые стали подвергаться критике в теоретико-методологическом радикализме. Эта ситуация способствовала развитию интегративного подхода

³ Ввиду ограниченного объема в настоящей статье не рассматриваются «цивилизационно-историческая перспектива» в сравнительной социологии Б. Нельсона, а также «парадигма» цивилизационного анализа Й. Арнасона, заслуживающие особого внимания в контексте обозначенной интегративной проблематики. Анализ интегративной ориентации этих теоретических проектов будет осуществлен в последующих публикациях.

⁴ *Ritzer G. The Rise of Micro-Sociological Theory // Sociological Theory. Vol. 3 (1985). N 1. P. 88–98.*

и формированию альтернативных интегративных теорий, призванных преодолеть противоречия холизма и индивидуализма, объединить оппозиционные макро- и микро подходы, субъективизм и объективизм и определить компромиссные варианты синтеза классической для социологии антитезы структуры и действия. В своей статье Дж. Ритцер⁵ отмечает, что в 1980–1990-е гг. все более очевидным в социологии, особенно американской, становится движение от «теоретического сепаратизма» к теоретической интеграции и синтезу. Несмотря на то, что «микро–макро дилемма» всегда была в фокусе социологического теоретизирования, в том числе и в трудах классиков М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Маркса и даже самого ортодоксального макросоциолога Т. Парсонса, тем не менее послевоенный этап ее решения рассматривается как принципиально новая фаза, которая характеризовалась «беспрецедентным» в истории социологии настойчивым обоюдным стремлением двух теоретических традиций преодолеть эту великую теоретическую (и внутридисциплинарную) схизму⁶.

Интегративный подход, по мнению Дж. Ритцера⁷, фокусировался на двух ключевых теоретических проблемах: «связь микро и макро» (интеграция микро- и макропозиций) и «структура vs. действие». Проблематизирование моноуровневого детерминизма в социологическом анализе и интеграция аналитических измерений «макро- и микро» является важнейшей характеристикой развития теоретической социологии с конца 1970-х гг.⁸ Теории и метатеории интегративного направления стремились объединить микро- и макроуровни анализа,

⁵ *Ritzer G.* The Recent History and the Emerging Reality of American Sociological Theory: A Meta-Theoretical Interpretation // *Sociological Forum*. Vol. 6 (1991). N 2. P. 269–287.

⁶ *Alexander J.C., Giesen B.* From Reduction to Linkage: the Long View of the Micro–Macro Link // *The Micro–Macro Link* / J.C. Alexander, B. Giesen, R. Munch, N.J. Smelser (eds.) University of California Press, 1987. P. 1–44.

⁷ *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.

⁸ См., например: *Collins R.* Micro-Translation as a Theory-Building Strategy // *Advances in Social Theory and Methodology* / K. Knorr-Cetina and A. Cicourel (eds). New York: Methuen, 1981. P. 81–108; *Idem.* On the Microfoundations of Macrosociology // *American Journal of Sociology*. Vol. 86 (1981). P. 984–1014; *Haynor A. L.* Micro-Macro Integration in Sociology: Whither Progress? // *Sociological Forum*. Vol. 4 (1989). N 3. P. 447–453; *Eisenstadt S.N., Helle H.J.* (eds.) *Macro-Sociological Theory. Perspectives on Sociological Theory*. Vol. 1. Sage Studies in International Sociology, 33 (1985); *Idem.* *Micro-Sociological Theory. Perspectives on Sociological Theory*. Vol. 2. Sage Studies in International Sociology, 34 (1985); *Alexander J.C., Giesen B., Munch R., Smelser N.J.* (eds.) *The Micro-Macro Link*. University of California Press, 1987.

уровень анализа индивидуального действия, взаимодействий, ментальных и эмоциональных процессов и уровень изучения институтов, масштабных структур и процессов, демонстрируя их взаимосвязь и взаимозависимость. Важнейшей максимой интегративного подхода стал отказ от микро- или макроуровневого редукционизма, детерминизма и однонаправленности воздействия микро- или макрофакторов. Интегративность реализовывалась через утверждение методологического принципа взаимообусловленности явлений микро- и макропорядка.

Ш. Эйзенштадт и Х. Хелле⁹ выделили три основные теоретико-методологические позиции, связанные с конвергенцией «микро и макро»: (1) анализ деятельности различных акторов, через которую конструируются институциональные порядки и ситуации взаимодействий; (2) утверждение автономности индивидуальных социальных акторов, которые участвуют в конструировании социальных ролей, структур и порядков; (3) ориентация на изучение измерений власти и символического конструирования реальности в формировании институциональных порядков и ситуаций взаимодействия. Проекцией последней позиции в современном цивилизационном анализе в социологии является проблематика отношений культуры и власти, которую некоторые исследователи позиционируют как центральную для цивилизационного анализа (например, Й. Арнасон¹⁰).

Сама проблематика «связи микро и макро» рассматривалась как различие уровней анализа, а не социальной онтологии. При этом вопрос трактовки «микро» и «макро» остается открытым, среди социологов нет единого понимания того, что считать и относить к «микро», а что — к «макро». В различных вариантах теоретического решения «микро—макро» проблемы основные аналитические единицы, соотносящиеся с данными уровнями, интерпретируются по-разному. Приведем несколько возможных интерпретаций того, что относят исследователи к микро- и макроуровням¹¹:

⁹ Eisenstadt S.N., Helle H.J. General Introduction to Perspectives on Sociological Theory // Macro-Sociological Theory. Perspectives on Sociological Theory / S.N. Eisenstadt, H.J. Helle (eds.) Sage Studies in International Sociology, 33 (1985). Vol. 1. P. 1–3.

¹⁰ Arnason J. Civilizational Analysis: A Paradigm in the Making // Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS) World Civilizations / Holton R. (ed.). Oxford: Eolss Publishers.

¹¹ Munch R., Smelser N.J. Relating the Micro and Macro // The Micro-Macro Link / J.C. Alexander, B. Giesen, R. Munch, N.J. Smelser (eds.). University of California Press, 1987. P. 356–385.

	«Микро»	«Макро»
Г. Блумер	Социальные интеракции, характеризующиеся интерпретативной деятельностью индивидов (когнитивные)	Популяция
Дж. Александер	Малые социальные единицы	Большие социальные единицы
Р. Коллинз	Интеракции (встречи и обмены)	Повторяющийся опыт множества индивидов, имеющий пространственно-временное измерение
П. Блау	Социальные процессы, порождающие отношения между индивидами	Структура разных позиций в популяции и ее органичения, проецирующиеся на популяцию
	Индивиды	Популяции

Второй наиболее важной проблематикой для интегративной перспективы стала дихотомия структуры и действия (агентности), преодоление противопоставленности социального и индивидуального, институтов и индивида, детерминизма и волюнтаризма, холизма и индивидуализма и поиск объяснений их взаимосвязи. Традиционно представители микросоциологии рассматривали структуры как эпифеномен агрегации и повторяемости индивидуальных действий, а приверженцы макросоциологии трактовали индивидуальные действия как детерминированные социальными институтами, сформированные структурой и ее ограничениями. Задача синтеза, соответственно, заключалась, во-первых, в отказе от представлений о доминирующей роли структуры или действия и, во-вторых, в объяснении конституирующего структуру эффекта действий и одновременно форматирующего воздействия структуры на действия индивидов. Структура и действие неразрывно связаны друг с другом и предполагают друг друга, однако механизмы их взаимодействия объяснялись по-разному в предлагаемых социологами вариантах интеграции действия и структуры (например, теория структуриации Э. Гидденса и морфогенетическая концепция М. Арчер).

Важнейшей связанной с проблематикой «структура vs. действие» темой, которая акцентировалась М. Арчер¹², является анализ отношений

¹² Archer M.S. Culture and Agency. The Place of Culture in Social Theory. Cambridge University Press, 1996.

и интеграция культуры и действия. Введение культурного измерения в поле интегративного анализа расширяет его эвристические возможности. Как отмечает Арчер¹³, проблема отношений структуры и действия «затмила» вопрос отношений культуры и действия, культурное измерение либо исключается из социологического анализа как не относящееся собственно к сфере социального, либо сливается со структурным измерением, либо признается детерминирующим, подавляя иные.

Арчер рассматривает структуру и культуру как существенно различные и относительно автономные домены, которые, тем не менее, часто признаются идентичными и объединяются. Методологический принцип относительной автономии культуры и структуры, принятый Арчер в контексте интегративного подхода, имеет особое значение для современного цивилизационного анализа как одно из ключевых положений его программы. Согласно Арчер, социологический анализ должен фокусироваться на отношениях «структуры—культуры—действия». Эта методологическая триада стала ключевой для цивилизационного анализа в его современной интерпретации. Данный принцип сформулирован Ш. Эйзенштадтом, в работах которого наряду с анализом структуры и действия отмечается важность включения культурного, идеационного измерения.

Особое внимание необходимо уделить вопросу концептуализации интегративной проблематики в терминах «микро—макро» и «структура—действие». Некоторые исследователи отождествляют микроуровень с агентностью, а макроуровень со структурой¹⁴. Ритцер¹⁵, напротив, считает, что в рамках интегративного подхода «микро- и макроинтеграция» и интеграция «структуры и действия» представляют два самостоятельных направления, нетождественных друг другу. Европейской социологии свойственно оперировать терминами агентности и структуры/культуры (например, Э. Гидденс, М. Арчер). М. Арчер полагает, что фундаментальная проблематика дилемм «микро—макро» и «структура—действие» в целом идентична, однако критикует «микро—макро» перспективу за предполагаемую иерархичность, а главное — размерность «малое—большое» анализируемых единиц, которые соотносятся в этих уровнях. Реальные свойства и качества социальной реальности

¹³ Archer M.S. Culture and Agency. P. xi.

¹⁴ Tsekeris C., Lydaki N. The Micro—Macro Dilemma in Sociology: Perplexities and Perspectives // Sociologija. LIII (2011). N 1. P. 67—82.

¹⁵ Ritzer G. The Recent History and the Emerging Reality of American Sociological Theory: A Meta-Theoretical Interpretation. P. 479—481.

не являются по определению связанными с размером взаимодействующих элементов. Арчер предлагает переформулировать «микро—макро» в отношении социального и системного, действия и среды (*environment*), приходя к выводу, что концептуализация «структура—действие» является более адекватной¹⁶. Критика соотношения микроуровня с деятельностью, а макроуровня со структурой, представленная Ритцером, основана на том, что деятельность может соотноситься не только с индивидами, но и с макроколлективными образованиями, организациями, государствами. В то же время структуры соотносятся не только с масштабными структурами, но могут представляться в виде микроструктур, включенных в человеческое взаимодействие, таким образом «микро» может относиться или не относиться к «агентам», а «макро» не обязательно связано со «структурами»¹⁷.

Арчер и Коллинз¹⁸ сходятся во мнении, что «микро» и «макро» реляционны и определяются относительно друг друга. «Микро» и «макро» не являются фиксированными, правильнее говорить о микро—макро континууме, в котором «микро» и «макро» определяются, исходя из масштаба рассматриваемых феноменов. «Микро и макро надо рассматривать не как абсолютные категории, а как полюса континуума»¹⁹. Например, если рассматривать государство как макроуровень, то институты, организации, индивиды будут определяться как «микро». Мир-система является образованием еще более «макро», чем государство, последнее можно рассматривать как составляющее первого, а потому уже оно оказывается относительно «микро». Коллинз подчеркивает, что важнейшими измерениями являются пространство и время. Макрообразования более продолжительны во времени и охватывают большие территории. Исходя из изложенного выше, микро- и макро-аналитические измерения релевантны для изучения столь масштабных феноменов, как цивилизации, которые охватывают, без сомнения, большие территории и существуют в течение продолжительного периода времени.

Однако в отличие от Ритцера и Арчер, Коллинз настаивает, что измерение «микро—макро» более адекватно научному анализу, чем

¹⁶ *Archer M.S. Realist Social Theory: the Morphogenetic Approach. Cambridge University Press, 1995. P. 7–12.*

¹⁷ *Ритцер Дж. Современные социологические теории. С. 446–447.*

¹⁸ *Archer M.S. Realist Social Theory: the Morphogenetic Approach. P. 9; Collins R. Theoretical Sociology. San Diego: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1988.*

¹⁹ *Collins R. Theoretical Sociology. P. 386.*

«агент—структура», считая последнюю оппозицию идеологически нагруженной. Микросоциологию нельзя сводить к изучению действия, поскольку она в первую очередь занимается изучением микроструктур. Следуя позиции Коллинза, который полагает, что ресурсы для разрешения проблематизируемой им агент-структурной оппозиции сосредоточены именно в сфере отношений микро- и макросоциологического анализа²⁰, исследование уровней анализа и их интеграции представляется наиболее приоритетным для данной статьи. Аргументом в пользу фокусирования на микро- и макроуровнях является признание релятивности «микро» и «макро», существования макроакторов и микроструктуры, присутствия агентности и структуры на всех уровнях, что заставляет избегать отождествления «микро» с действием, а «макро» со структурой. Социальные явления и процессы необходимо рассматривать как конституируемые и включенные в отношения взаимовлияния относительных их микро- и макроуровней, исследуя механизмы, через которые реализуется эта уровневая сопряженность. «Микро—макро» формат предполагает возможность включения в анализ как радикальных микросоциологических факторов (эмоциональных и ментальных, действий и межличностных интеракций), так и макросоциологических (институтов, культуры, социоисторического контекста).

Актуализация проблемы интеграции в социологии уровней анализа и синтеза теорий почти совпала с «цивилизационным поворотом» в социологии в 1970—80-е гг.²¹, который во многом был обусловлен развитием концепции множественных модерностей, связанной с работами третьего поколения исследователей в области сравнительной социологии и оппозицией европоцентристской унитарной модели модернизации²². Особый интерес представляет тот факт, что эксплицитно интегративные теории в цивилизационном анализе были разработаны Н. Элиасом, Ш. Эйзенштадтом и Р. Коллинзом, которые активно участвовали в интегративной дискуссии в социологии XX в. Акцентуация в социальных науках проблематики отношений индивида и общества, индивидуального и социального, действия и структуры и поиск

²⁰ Collins R. The Romanticism of Agency/Structure Versus the Analysis of Micro/Macro // Current Sociology. N 40 (1992). P. 77—97.

²¹ Arnason J.P. Domains and Perspectives of Civilizational Analysis // European Journal of Social Theory. Vol. 13 (2010). N 1. P. 5—13.

²² Arnason J.P. Civilizational Patterns and Civilizing Processes // Rethinking civilizational analysis / Said Amir Arjomand and Edward A. Tiryakian (eds.), Sage Studies in International Sociology. Vol. 52. London: Sage Publications, 2001. P. 103—118.

теоретических объяснений их взаимодействия, исключающего макро-детерминизм и редукционизм, является симптоматичной для дискурса модерности и ее культурной программы, в центре которой находится концепция активного действия и идеи автономности индивида²³ и рациональности, антиномии индивидуальной автономии и коммунальности. Ввиду этого собственно интегративный дискурс в социологической науке может рассматриваться как участвующий в конструировании модерности и научной легитимации проблематики модерности, становясь предметом изучения цивилизационного анализа.

Метаисследование уровней анализа цивилизационных концепций в социологии

Метаисследование цивилизационного анализа как особой перспективы в социологической науке предполагает изучение его теоретико-концептуального комплекса с помощью инструментов метатеоретического исследования, важнейшим из которых является «уровень исследования»²⁴: благодаря ему могут быть выявлены аналитические уровни концепций цивилизационного анализа и их соотношение. Изучение аналитических микро- и макроуровней позволяет не только выявить внутреннюю логику построения концепций и их конституцию, но и определить, как организуются концепции по признаку фокусирования на микро- и/или макроуровнях анализа. Данная статья фокусируется на исследовании интегративного статуса концепций цивилизационного анализа посредством выявления вариантов уровневой интеграции и логики межуровневых связей. Исследование уровней анализа в цивилизационных концепциях позволяет проследить, насколько актуальная дисциплинарная среда, контекст, внутринаучные тенденции нашли отражение в развивающейся в социологии цивилизационной перспективе.

Подобные исследовательские интенции соотносятся с первым типом (Mu) метатеоретического анализа в типологии, разработанной Дж. Ритцером²⁵ — исследование «внутренней структуры существующих

²³ Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Briel Academic Pub, 2003. P. 33—56.

²⁴ Ritzer G. Explorations in Social Theory: from Metatheorizing to Rationalization. Sage Publications Ltd, 2001. P. 80.

²⁵ Ibid.

социологических теорий»²⁶, «исторического, когнитивного, организационного контекста» социологической теории, перспективы²⁷. Изучение аналитических уровней связано с «внутренним интеллектуальным измерением» теории, одним из четырех измерений метатеоретического исследования когнитивной структуры социологической теории²⁸.

Апологет современного метаанализа в социологии Дж. Ритцер, анализируя внутридисциплинарные теоретические тенденции в социологии, гегемонию макросоциологии и становление микросоциологии²⁹, одним из первых заявил о развитии интегративной парадигмы в социологии, представив разработанную им интегративную аналитическую модель (рис. 1)³⁰.

Эта модель объединяет в себе микро- и макроуровни анализа, а также объективное и субъективное измерения. По сути, в данной модели Ритцер стремился представить основные компоненты интеграции — уровни «макро» и «микро» (по горизонтали) и области действия

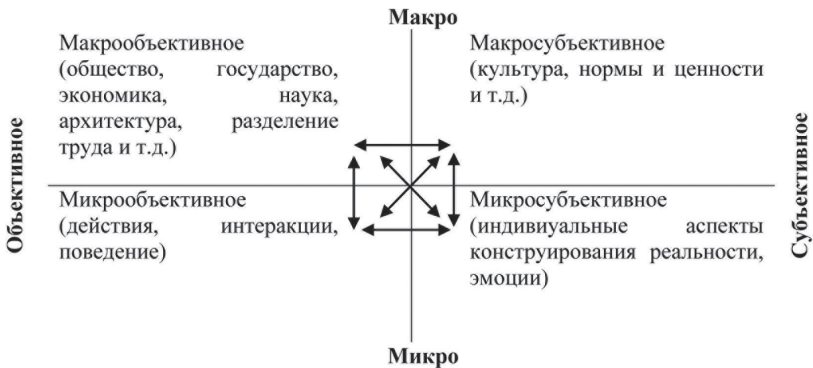

Рис. 1. Уровни социального анализа в интегративной модели Дж. Ритцера

²⁶ Zhao S. Metatheory, Metamethod, Meta-Data-Analysis: What, Why, and How? // Sociological Perspectives. Recent Explorations in Sociological Metatheorizing. Vol. 34 (1991). N 3. P. 378.

²⁷ Turner J. Developing Cumulative and Practical Knowledge Through Metatheorizing // Sociological Perspectives. Recent Explorations in Sociological Metatheorizing. Vol. 34 (1991). N 3. P. 251.

²⁸ Ritzer G. Explorations in Social Theory: from Metatheorizing to Rationalization. P. 25.

²⁹ Ritzer G. The Rise of Micro-Sociological Theory. P. 88–98.

³⁰ Ритцер Дж. Современные социологические теории. С. 420.

(микро-объективный сектор), субъективные факторы (микро-субъективный сектор), структуры (макро-объективный сектор) и культуру (макро-субъективный сектор). Данная интегративная модель может быть использована в нашем исследовании. С ее помощью можно осуществить анализ положений и ключевых категорий концепций цивилизационного анализа, и, локализуя их в секторах данной модели, проследить взаимосвязь и выявить таким образом общую аналитическую направленность концепции. Далее в статье будут проанализированы цивилизационные концепции Н. Элиаса, Ш. Эйзенштадта и Р. Коллинза. Более ранние концепции цивилизации, представленные в работах классиков: Э. Дюркгейма (совместно с М. Моссом)³¹ и М. Вебера, — и включавшие в анализ микро- и макроуровни, носят более однонаправленный макроориентированный характер и не являются эксплицитно интегративными.

Концепция процесса цивилизации Н. Элиаса

Разработанная Н. Элиасом концепция «цивилизационного процесса»³² является одним из наиболее ярких и ранних примеров применения в социологии интегративного подхода. В этой связи Элиаса можно считать одним из основоположников этого направления. В предисловии к своей знаменитой работе «О процессе цивилизации» он артикулирует теоретико-методологические принципы своего исследования, разрабатывая интегративный подход, который в расширенном варианте будет изложен позже в работе «Общество индивидов»³³.

На обширном историческом материале средневековой Франции Элиас проанализировал и продемонстрировал взаимосвязь и взаимозависимость процесса формирования централизованного абсолютистского государства, сопровождаемого *дифференциацией труда*, монополизацией *власти* — сбора налогов и применения насилия — удлинением цепочек взаимозависимости, интенсификацией *взаимодействий* между индивидами с трансформацией психических структур, интернализацией механизмов управления *эмоциями, аффектами и влечениями*. Усиливающаяся взаимозависимость индивидов, формирование социальных

³¹ *Durkheim E., Mauss M.* Note on the Notion of Civilization / trans. by B. Nelson // Social Research. Vol. 38 (1971). N 4. P. 808—813.

³² *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2-х томах. СПб.: Университетская книга, 2001.

³³ *Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

сетей и появление новых форм социальных отношений детерминируют формирование определенного *габитуса*, специфической формы психического устройства, при котором внешнее принуждение интериоризуется, превращаясь в систему внутренних запретов, механизм самодерживания и подавления аффектов. Исторические трансформации социальной структуры происходят совместно и взаимосвязанно с изменениями личностной психической структуры. Этот процесс сопряженных трансформаций на микро- и макроуровнях, в ходе которого формируется новая психическая структура, определяется Элиасом как цивилизационный.

Главный тезис Элиаса состоит в том, что макроуровневые структурные изменения — удлинение цепочек взаимозависимости и усложнение социальных отношений — коррелируют с тем, что происходит на микроуровне. При этом здесь не подразумевается уровневая доминанта, подход Элиаса подчеркивает взаимодействие уровней, производимые ими явления не являются запланированными или преднамеренными. Процесс цивилизации — это социальный процесс «изменений в формах взаимных связей и взаимной зависимости людей, вместе с которыми менялись и их влечения»³⁴. Отвечая на вопрос, почему меняются *институты*, *поведение* и аффекты, и почему они меняются именно таким образом, Элиас отмечает необходимость фиксировать процессуальность и взаимосвязанность процессов, поскольку за трансформацией институтов стоят «изменения в структуре человеческих отношений — изменения, явно не планировавшиеся индивидами, которые вынуждены были подчиняться этим изменениям [...] это относится и к изменениям самого человеческого *habitus*'а, и к процессу цивилизации»³⁵. Важную роль в этих процессах играют *фигурации*, цепочки взаимозависимости, «социальные процессы, в которых люди “сплетены” друг с другом», результаты этого сплетения всегда непреднамеренны. Но в исторической перспективе они, продолжительные во времени и масштабные, приобретают принудительную силу. Однако генезис этого принуждения кроется во взаимоотношениях и взаимодействиях на микроуровне. Понятие *фигурации* являются методологической новацией Элиаса, воплощающей интегративный принцип, связь индивида и общества, действия и структуры, репрезентируя

³⁴ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. С. 29.

³⁵ Ibid. С. 36.

взаимосвязь условных уровней реальности. Она объемлет идею процессуальности, взаимозависимости микроуровневых процессов взаимодействия и одновременного формирования структур. Фигурации — это макросетевые образования, созданные микроуровневыми взаимодействиями, агрегация которых порождает новое эмерджентное свойство, несводимое к самим взаимодействиям.

В межличностной сфере проекцией габитуса, индикатором цивилизационного процесса исторически явилось формирование придворного этикета, куртуазности, совокупности норм и ритуалов взаимодействий, регуляторов поведения индивидов. Формирование этих интерактивных максим стало рассматриваться в глобальном общесторическом масштабе как маркер цивилизованного состояния, а владение ими в конкретной социальной ситуации — как показатель социального статуса и выражение отношения к другому.

Рост взаимозависимостей стимулирует не только появление новых форм самоконтроля («психологизацию») и принципов поведения, но и порождает рационализацию, новый цивилизационный габитус сопряжен с рациональностью. Индивид сознательно применяет механизмы самоконтроля, потому что осознает последствия его отсутствия, он выстраивает взаимодействие с другими наиболее выгодным для себя образом. Тема социально одобряемых конвенциональных принципов, приемов, управляющих межличностной интеракцией, была наиболее полно раскрыта Э. Гоффманом, который ввел для их описания понятие «интерактивный ритуал» (Элиас его не использует, но оно в высшей степени релевантно для его концепции). Интерактивные ритуалы — это приемы, способы поддержания «лица», выражения почтения, уважения, правила инициирования и завершения взаимодействия, техники коррекции и поддержания «интерактивного эквилибриума». Межличностные взаимодействия ритуализированы и основаны на разделяемых участниками интерактивных конвенциях, фундаментальным принципом которых является тактичное, предупредительное, уважительное отношение индивидов друг к другу, управление эмоциями³⁶. Не следует забывать, что куртуазные нормы и манеры поведения, формы контроля аффектов, эмоциональных проявлений в концепции Элиаса являются показателями социальных позиций.

³⁶ *Goffman E. On Face Work. Interaction Ritual // Essays on Face-to-face Behaviour. New York: Doubleday, 1967. P. 5–45; Idem. The nature of Deference and Demeanor. Interaction Ritual // Essays on Face-to-face Behaviour. New York: Doubleday, 1967. P. 47–95.*

Цивилизационная концепция Элиаса отличается от иных процессуальным характером и сингуляристской трактовкой цивилизации, которые противопоставлены цивилизационным паттернам и идее плюральности³⁷. В этой концепции равномерным образом представлены микро- и макроуровни (рис. 2). На макроуровне Элиас рассматривает процессы формирования государства, взаимодействие и соперничество городов, княжеств, сообществ за монополизацию власти и применение насилия, изменяющуюся социальную морфологию, урбанизацию и т. д. Элиас акцентирует проблематику власти и государства, которая находится в авангарде современного цивилизационного анализа в виде проблемы отношения культуры и власти, культурных определений и интерпретаций власти и наиболее артикулирована в работах Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона.

Процесс цивилизации в узком смысле сопряжен с психическими трансформациями и формированием новых личностных структур, механизмов самоконтроля, однако процесс цивилизации имеет место только при определенных условиях, в данном случае — изменении характера социальных отношений и усилении фигуративных процессов. Фигурации формируются переплетениями отношений, взаимодействий.

В этом отношении методологическая направленность цивилизационной концепции Элиаса — методологический ситуационализм³⁸ (как альтернатива холизму и индивидуализму), реальность исследуется через призму ситуаций взаимодействий, эпизодов совместной деятельности и опыта. Элиас своей концепцией затрагивает агент-структурную проблему, но ее решение для него заключается не в том, чтобы показать доминирование структуры или волюнтаризм акторов, а напротив, в демонстрации взаимообусловленности действия и структуры. Действие как таковое не автономно, оно всегда обусловлено фигурациями, которые, в свою очередь, имеют интерактивную природу.

Однако микроуровневый анализ в концепции Элиаса не ограничивается действиями и взаимодействиями, затрагивая интраиндивидуальные процессы и факторы. Элиас привносит в цивилизационный анализ представления о психической структуре, об индивидуальных аффектах и влечениях, он расширяет исследовательские перспективы

³⁷ *Arnason J.P.* Civilizational Patterns and Civilizing Processes. P. 103–118.

³⁸ *Knorr-Cetina K.* Introduction: The Micro-Sociological Challenge of Macro-Sociology: Towards a Reconstruction of Social Theory and Methodology // *Advances in Social Theory and Methodology* / Karin Knorr-Cetina and Aaron Cicourel (eds.). New York: Methuen, 1981. P. 3–47.

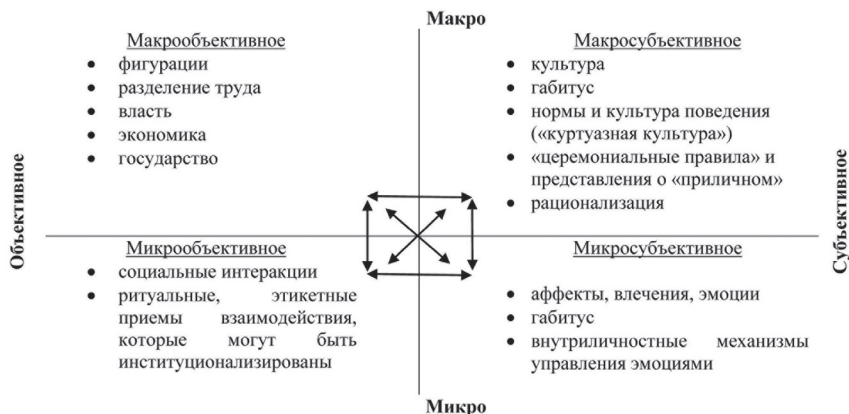

Рис. 2. Уровни анализа в концепции цивилизации Н. Элиаса

цивилизационного анализа, включая в него изучение эмоции и намечая точки пересечения с социологией эмоций. Эта линия микро-анализа не получила дальнейшего развития и остается малоизученной в цивилизационном анализе. Некоторым образом она затрагивается в концепции Р. Коллинза, однако игнорируется в работах Эйзенштадта и Арнасона. Ментальным аспектам цивилизации уделяется больше внимания, чем эмоциональным. Но здесь, говоря о психической структуре личности, можно задаться вопросом, существует ли специфическая психологическая цивилизационная структура, характерная, например, для тех цивилизационных типов «структур сознания», которые выделяет Б. Нельсон³⁹. Очевидно, что разные цивилизационные контексты формируют разные принципы межличностного взаимодействия, определяют допустимые формы эмоциональных проявлений и в целом психологический габитус своих представителей. И если Нельсон полагает возможным регресс структур сознания, возвращение к прежним типам, то Элиас допускает регрессивный процесс «децивилизации»⁴⁰.

³⁹ Nelson B. Civilizational Complexes and Intercivilizational Encounters // Sociological Analysis. Vol. 34 (1973). N 2. P. 79–105.

⁴⁰ Van Krieken R. Norbert Elias and Process Sociology. Handbook of Social Theory. Sage Publications, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sage-ereference.com/hdbk_soctheory/Article_n27.htm.

Габитус относится к личностной психологической структуре, что, очевидно, связано с микросубъективным сектором модели Ритцера, но вместе с тем представляется возможным отнесение его и к макросубъективному сектору модели. Габитус есть проекция на индивидуальном уровне особой исторической психической структуры, характерной для конкретной фазы фигурации и процесса цивилизации. Габитус, являясь индивидуальным образованием, одновременно представляет собой психологическую кристаллизацию, психологическую формацию надиндивидуального свойства. Если обратиться к двум измерениям (пространство и время), с которыми сопряжены явления микро- и макроуровня (Коллинз), то габитус является продолжительной во времени структурой, чье существование детерминировано фигурационными процессами.

Концепция осевых цивилизаций и множественных модерностей Ш. Эйзенштадта

Концепция Ш. Эйзенштадта является важнейшим этапом в развитии современного цивилизационного анализа и, в частности, в построении более сбалансированной в отношении уровневого взаимодействия цивилизационной концепции. Интегративный посыл концепции очевиден, что во многом обусловлено методологическими предпочтениями автора, который разрабатывал свою концепцию, стремясь разрешить в ней столь актуальную для теоретической социологии дихотомию структуры и действия, оппозиции актора и структуры.

В предисловии к сборнику своих главных работ Эйзенштадт отмечает, что одним из направлений его исследований в рамках сравнительного цивилизационного анализа было «изучение процессов, посредством которых отношения между социальным разделением труда, регуляцией власти, конструированием доверия (солидарности), с одной стороны, и смыслом, его воздействием на институциональную и культурную динамики — с другой, переплетаются, способствуя кристаллизации, воспроизводству и изменению социальных формаций». Работая в этом направлении, Эйзенштадт стремился теоретически проработать «отношения между действием, культурой и социальной структурой»⁴¹. Он применил анализ «взаимодействия культурного

⁴¹ Eisenstadt S.N. Introduction: Comparative Studies and Sociological Theory — from Comparative Studies to Civilizational Analysis: Autobiographical Notes // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Brill Academic Pub, 2003. P. 17.

и социоструктурного измерений социальной интеракции и социального порядка» в исследовании макросоциологической динамики осевых цивилизаций и их институциональных арен⁴². Подход Эйзенштада, таким образом, заключается в построении концепции, которая охватывала бы все уровни анализа цивилизационной реальности, а также прослеживала взаимосвязь между ними (рис. 3). Как и Арчер, Эйзенштадт вводит в анализ культуру, культурные ориентации. Таким образом, интегративность его концепции обрела новый регистр, связанный с комплексным анализом культуры, структуры и действия как измерений (помимо уровней) социальной реальности. При этом вводится методологический принцип автономии культуры, согласно которому культура не является вседетерминирующим фактором, но и не сводится к эпифеномену структуры.

Цивилизации Эйзенштадт определяет как «сочетание онтологических или космологических представлений, представлений о трансцендентных и мирских реальностях с определением, конструированием и регулированием основных арен социальной жизни и взаимодействий»⁴³. Ядром цивилизаций является символическая и институциональная взаимосвязь между формулированием, артикулированием, постоянной реинтерпретацией превалирующих в обществе базовых онтологических представлений, идеологических посылок и стержневых символов, с одной стороны, и определением, структурированием и регулированием основных институциональных сфер (политической, экономической, семейной жизни, социальной стратификации и конструирования коллективных идентичностей) — с другой. Дефиниции и регуляторы формируют основные контуры, границы и смыслы ключевых институциональных образований, определяют их легитимацию и оказывают выраженное влияние на их организацию и динамику. *Онтологические представления и идеологические принципы* воздействуют на *институциональные формации* через различные процессы *социального взаимодействия* и контроля, которые активизируются *элитами* (политическими, экономическими, культурными) и теми, кто формирует чувство солидарности и коллективный образ групп.

Эйзенштадт отмечает, что одной из отличительных характеристик осевых цивилизаций, появившихся в результате институционализации новой онтологической концепции схизмы между трансцендентным

⁴² Ibid. P. 19.

⁴³ Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. P. 34.

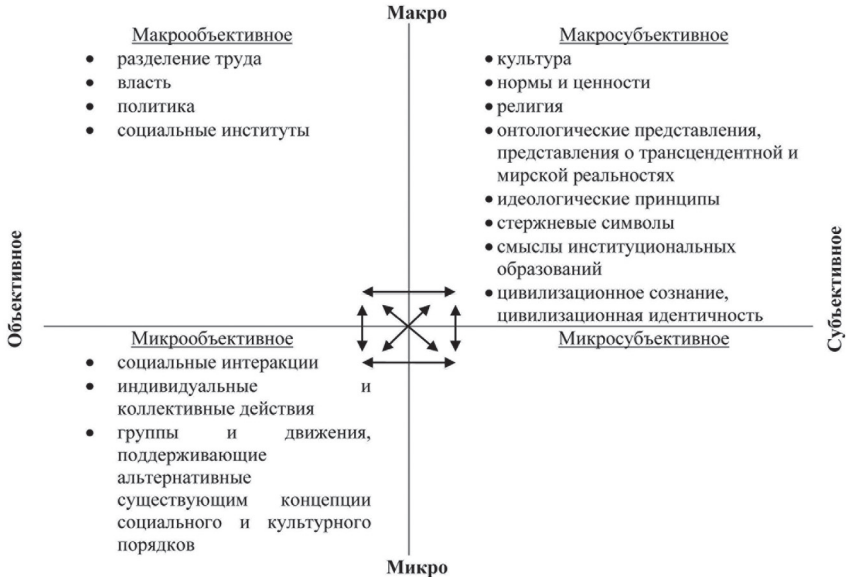

Рис. 3. Уровни анализа в концепции цивилизации Ш. Эйзенштадта

и мирским порядками, стало формирование нового типа *элиты*, носителя моделей культурного и социального порядка. Новые культурные элиты, интеллектуалы создавали новые онтологии, трансцендентные представления и играли важнейшую роль в формировании новых цивилизационных общностей и *цивилизационной идентичности*. Другие элиты, внутренне гетерогенные, стремились занять автономную позицию в формулировании концепций культурного и социального порядков. Дифференциация элиты приводит к появлению *вторичных элит*. Они играют важную роль в развитии новых протестных и оппозиционных движений, в стимулировании социальных перемен и в перманентном конфликте ортодоксии и гетеродоксий.

Эйзенштадт вводит в цивилизационный анализ представление об активных акторах, элитах, группах и движениях, формулирующих концепции макропорядка и способствующих трансформации существующего. Формирующиеся под воздействием макроуровневых идеологий и интерпретаций как реакция на них, действующие на микроуровне протестные группы обладают, как считает Эйзенштадт,

потенциями воздействовать на макропорядок. Это важное положение, подразумевающее наличие взаимовлияний между уровнями цивилизационной реальности. Динамика цивилизаций обусловлена постоянным конфликтом интерпретаций, множественностью видений социокультурного порядка и концепций организации общества, которые формулируют и распространяют элиты (религиозные, политические, интеллектуальные и т. д.) и круг/сеть их последователей⁴⁴. «История предстает как процесс практически бесконечных реконструкций и реинтерпретаций культурных символов, моделей видения мира, идущий параллельно с изменениями моделей поведения индивидов, структуры, государственной власти и т. д.»⁴⁵.

Формирование модерности связано с глобальными трансформациями и рассматривается Эйзенштадтом как «второй прорыв» после появления осевых цивилизаций. Но модерность неоднородна, она представлена множественностью форм, вариаций реализации ключевых программ модерности — культурной и политической. Полиморфизм модерности обусловлен разными ответами на ключевые вопросы и различной реакцией на основные вызовы и проблемы современности. Ключевыми характеристиками модерности являются концепция активного действия и автономности индивида; выраженная рефлексивность; представление о неопределенности онтологических принципов, оснований социального и политического порядков; концепция недетерминированного будущего, открытого для различных сценариев онтологической реальности; приоритет разума и рациональности; критический дискурс и т. д.⁴⁶

Концепция осевых цивилизаций и множественных модерностей Эйзенштадта принципиально отличается от разрабатываемых ранее цивилизационных концепций. Во-первых, в ней полноценно реализовано микроуровневое направление анализа. Микроуровневый анализ здесь не вторичен, он не обусловлен изучением макроуровневой

⁴⁴ Например, христианство как религиозная и отнологическая концепция сыграло ключевую роль в формировании западной европейской цивилизации. В фокусе внимания исследования распространения христианства и осмысления связанных с ним институциональных форм должны быть как отдельные религиозные персоналии, проповедники, Отцы Церкви, так и организованные вокруг них школы и течения, социальные сети последователей, их взаимодействие с политическими элитами и т. д.

⁴⁵ *Эйзенштадт Ш.* Цивилизационные измерения социальных изменений. Структура и история. Цивилизации. Вып. 4. Москва: МАЛП, 1997. С. 20–32.

⁴⁶ *Eisenstadt S.N.* The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. P. 33–56.

проекции, отражения «макро» в «микро». Процессы, происходящие на микроуровне цивилизационной реальности, не являются эпифеноменами, они полноправно участвуют в конструировании, формировании и изменении цивилизационных комплексов. Во-вторых, Эйзенштадт включает в свой анализ активно действующих на микроуровне акторов, чья деятельность обладает трансформирующими структуру потенциалами. Микроуровневые действия не лишены ограничений. Структуры и рамки деятельности и взаимодействия создаются действиями и взаимодействиями, однако последние возможны только в этих фреймах и структурах. Это положение говорит в пользу интегративного статуса концепции Эйзенштадта. В его понимании цивилизационные формации пластичны, они не линейны в своем развитии, а открыты для трансформаций, что определяет их культурную и институциональную вариабельность. В-третьих, отличительной особенностью теории Эйзенштадта является идея культурной автономии, отказ от культурного детерминизма. «Эта версия теории цивилизации не подвержена экстремальным культурологическим объяснениям»⁴⁷. Однако культура в ней представляется важнейшим измерением в формировании институциональных формаций и паттернов поведения.

Культура и социальная структура являются конститутивными факторами друг для друга. Взаимодействие культуры и структуры порождает социальные рамки поведения, базовые институциональные правила. Цивилизации рассматриваются как культурно-институциональные комплексы в рамках подхода, в котором утверждается взаимосвязь структурных аспектов социальной жизни с интерпретативным контекстом. Концепция Эйзенштадта предлагает интегративный анализ цивилизаций, который предполагает изучение в исторической перспективе взаимодействий культуры, структуры и действия, выявление в истории фокальных периодов «осевого времени» и «прорывов», определяющих культурные представления, институциональные формы и исторические траектории развития.

Сетевая концепция цивилизации Р. Коллинза

Цивилизационная концепция Р. Коллинза принципиально отличается от описанных выше, в основу ее положен интегративный в своей основе сетевой подход, который позволяет концепции Коллинза

⁴⁷ Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. P. 55.

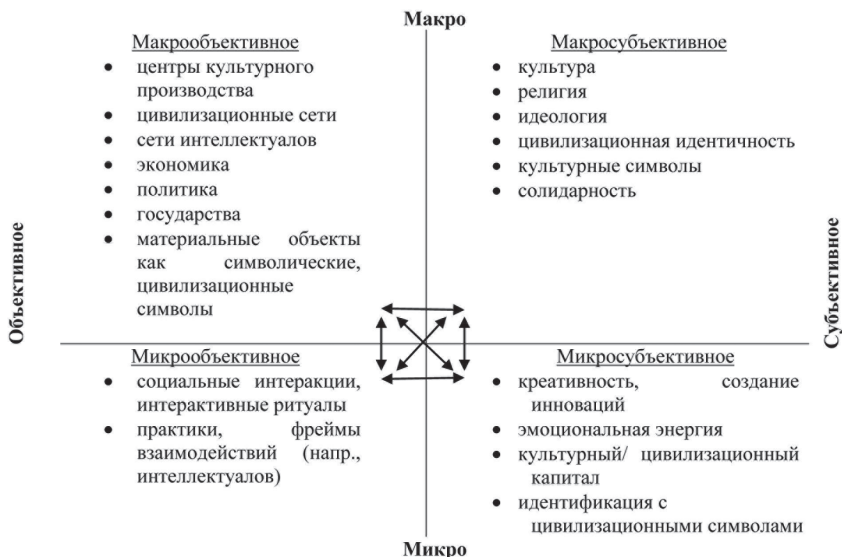

Рис. 4. Уровни анализа в концепции цивилизации Р. Коллинза

оперировать на микро- и макроуровнях, объясняя переход явлений микроуровня в феномены макропорядка (рис. 4). Цивилизационная концепция Коллинза эксплицитно реализует интегративный принцип, что неудивительно, ибо ее автор является одним из апологетов интегративного подхода в социологии и активным участником движения за конвергенцию «микро» и «макро».

Цивилизации трактуются им как «зоны культурного престижа»; сферы культурного влияния; *сети*, сформированные чувством *солидарности*, *идентичностью*, лояльностью в отношении производимых в центре *культурных символов*. Цивилизация — это динамическая сетевая структура с генерирующим культурные объекты центром, сетью, исходящей из этого центра, по которой циркулируют культурные символы, и цивилизационной периферией, очерчивающей границы цивилизации.

Цивилизации формируются вокруг области интенсивной деятельности, связанной с производством культурного продукта, который распространяется по сетям, образованным *связями*, *контактами*, *взаимодействиями* его сторонников, почитателей, приверженцев, потребителей, и приобщение к которому поддерживает их *идентичность* как

членов данной цивилизации. Центр цивилизации — зона повышенной ритуальной активности, импрессивных взаимодействий, обладающих «магнетизмом», притягивающих индивидов; цивилизационный престиж — это «*паттерны социальных контактов*, потоки людей и их внимания, преодолевающего пространство»⁴⁸. Таким образом, цивилизации рассматриваются как зоны лояльности и социальной идентификации и одновременно предстают сетями «притяжения».

Цивилизации — это транснациональные, транссоциетальные сетевые образования, их влияние распространяется вовне с различной степенью притяжения на различные дистанции. Эти дистанции — не только физические пространства, но и сетевые структуры, «паутина», в которой цивилизационный престиж распространяется по разным каналам, проникая в чуждые цивилизационные среды, пересекаясь с иными цивилизационными зонами и формируя связи с ними. Таким образом, междцивилизационные взаимодействия имеют сетевую структуру. Но в этой структуре строго прослеживаются центр(ы) и периферия. При этом если цивилизацию как сетевую структуру с ее способностью проникновения в иные цивилизационные среды довольно сложно локализовать территориально и определить ее физические границы, то порождающий ее центр всегда локализован (конкретные города или «места встреч»). Центры характеризуются наличием «социальной структуры, которая стимулирует интеллектуальную креативность: организационные основания для небольшого количества противоборствующих школ, последователи в других поколениях, сталкивающиеся в интеллектуальном соперничестве в нескольких центрах интеллектуального действия»⁴⁹. Периферией может быть все, что не есть центр, и периферийный ареал определить довольно сложно.

В пространстве производства культурных объектов цивилизационные центры соотносятся с гоффмановским понятием-метафорой *where the action is* — это локусы креативности, в которых осуществляется культурная деятельность, интеллектуальное противоборство и соперничество, сталкиваются различные позиции, школы, взгляды, а индивиды вовлекаются в обсуждения, дебаты, споры. Как и Эйзенштадт, Коллинз акцентирует роль конфликтных позиций, интерпретаций,

⁴⁸ Collins R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // International Sociology. Vol. 6 (2001). P. 421.

⁴⁹ Collins R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact. P. 431.

интеллектуального соперничества и борьбы в становлении цивилизационных центров и в динамике расширения зоны цивилизационного престижа.

В контексте межкультурных контактов происходит процесс, который Коллинз называет «цивилизационный импорт». Он включает не только перенос отдельных культурных идей, но и в целом религий, «форм социальной структуры», экономических и политических структур. Этот процесс тесно связан с экономическим и политическим могуществом экспортирующей стороны и резистентной способностью импортирующей⁵⁰. В некоторые исторические периоды формирование новых цивилизаций происходит вследствие комбинации заимствованных и местных, автохтонных цивилизационных компонентов. Однако впоследствии могут наблюдаться тенденции к цивилизационной автономии, переходящие в конфликты. Политический и экономический факторы играют важную роль в становлении цивилизационных центров, но они не являются тотально детерминирующими. Коллинз, как и Эйзенштадт, придерживается методологического принципа автономии культуры.

В своей цивилизационной конструкции Коллинз применил разработанную им ранее концепцию интеллектуальных сетей и роли интерактивных ритуалов в их формировании⁵¹. В цивилизационную концепцию он не включает описание и объяснение микроуровневых интерактивных механизмов, однако очевидно, что она может быть дополнена положениями теории интерактивных ритуалов, объясняющими микроуровневые цивилизационные процессы⁵². Внутренним механизмом, который движет цивилизацией, являются социальные взаимодействия, интерактивные ритуалы, генерирующие эмоциональную энергию, социальную харизму и культурно-символические объекты. Понятие интерактивного ритуала открывает для цивилизационного анализа широкий спектр межличностных и групповых интеракций в формате соприсутствия, которые осуществляются вокруг культурных объектов и формируют масштабные сетевые структуры.

В каждой из фаз генезиса и становления цивилизации ее двигателем являются ритуалы взаимодействия — в фазе создания культурных

⁵⁰ Ibid. P. 426.

⁵¹ Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. Harvard: Harvard University Press, 1998.

⁵² Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press, 2004.

объектов и формирования пространства внимания к центру культурного производства и в фазе распространения культурных объектов (идей, представлений, идеологий, религий, систем взглядов) из центра на периферию, образования сетей и определения цивилизационных ареалов. Интерактивные ритуалы играют основополагающую роль в производстве и поддержании солидарности и цивилизационной идентичности, способствуют актуализации символов. Идеи Коллинза о роли взаимодействий в цивилизационных центрах дополняют концепцию Эйзенштадта объяснением микропроцессов формирования альтернативных культурных интерпретаций, онтологий, оппозиционных политических идеологий, механизмов их сетевого распространения и роли элит как ключевых акторов культурного производства и коммуникации. Микроуровневые интерактивные ритуалы обладают созидательной потенцией, формируя макроструктуры — сети, «цепочки ритуалов». В свою очередь оформившиеся цивилизационные сети детерминируют идентичность, лояльность индивидов к ключевым цивилизационным символам, формируют культурный (в данном случае — цивилизационный) капитал. Рассмотрение цивилизационной реальности в терминах взаимодействий, контактов, столкновений позволяет отнести концепцию Коллинза к методологическому ситуационализму.

Заключение

Цивилизационный анализ в текущей фазе своего развития характеризуется теоретико-методологической гетерогенностью. Даже рассмотренные в данном тексте концепции дают представление о разнообразии аналитических подходов и интерпретаций феномена цивилизации в современной социологии. Эта ситуация, с одной стороны, не позволяет идентифицировать цивилизационный анализ как сформировавшуюся парадигму, имеющую артикулированную исследовательскую программу и общий методологический подход. С другой стороны, концептуальное разнообразие позволяет цивилизационному анализу, который находится в стадии становления⁵³, синтезировать идеи и подходы разных концепций. Отдельные концептуальные позиции могут дополнять друг друга, возможные точки пересечения и идейные связи являются важным потенциалом в развитии цивилизационного

⁵³ *Arnason J. Civilizational Analysis: A Paradigm in the Making.*

направления. Теоретико-концептуальный синтез представляет собой еще одну важную линию интегративного подхода⁵⁴.

Необходимо отметить, что в цивилизационном анализе наиболее динамично развивается исследовательская линия, связанная с исследованиями Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона. Не будет преувеличением сказать, что современный социологический цивилизационный анализ ассоциируется именно с работами этих социологов, а их идеи являются наиболее значимым вкладом в становление цивилизационного анализа как самостоятельной перспективы в социологической науке⁵⁵. Работы Арнасона во многом ориентированы на то, чтобы вписать цивилизационный анализ в контекст теоретической социологии XIX–XX вв., показать его актуальность и концептуальные связи, например, с веберовской традицией сравнительно-исторической социологии, идеями Дюркгейма–Моссса, а также интегрировать идейное наследие Элиаса, которое в некотором смысле оказалось на периферии по отношению к генеральной линии цивилизационного анализа Эйзенштадта–Арнасона. Исследование интегративных интенций цивилизационного анализа созвучно этой задаче, оно позволяет выявить его соотносительность с общей теоретико-методологической динамикой социологии XX в., в которой интегративная парадигма стала важнейшим этапом. С другой стороны, внимание к цивилизационной тематике, которое прослеживается в работах Н. Элиаса, Ш. Эйзенштадта и Р. Коллинза, активных участников интегративной дискуссии, тоже представляется неслучайным.

Проблематика исследований может быть рассмотрена в двух измерениях, связанных, во-первых, с развитием интегративной парадигмы в современной социологии, во-вторых, с междисциплинарностью как важнейшим трендом в мировой науке XX в.

В данной статье главный фокус внимания сосредоточен на одном из направлений интегративного подхода — взаимодействии уровней анализа, на проблеме «связи микро и макро». Именно различение аналитических уровней определяет линию демаркации между оппозиционными

⁵⁴ Ритцер Дж. Современные социологические теории.

⁵⁵ Существенный вклад в становление цивилизационно-аналитической перспективы в социологии внес Б. Нельсон (см.: *Nelson B. On the Roads to Modernity: Conscience, Science and Civilizations*. Totowa (N.J.): Rowman and Littlefield, 1981). К его идеям, наряду с подходом Ш. Эйзенштадта, обращается в своих работах Й. Арнасон, актуализируя и интегрируя, таким образом, в современную дискуссию интеллектуальное наследие этого американского социолога.

микро- и макросоциологией. Между тем, интегративный подход включает и другие направления интеграции (например, теоретико-концептуальной, примеры которой тоже присутствуют в цивилизационном анализе). В рамках цивилизационного анализа обозначились новые интегративные линии — сформулированы методологические позиции интегративного анализа культуры, структуры и действия (Ш. Эйзенштадт), подразумевающие не только взаимодействие уровней анализа, но и измерений социальной реальности. В концепциях Эйзенштадта и Арнасона утверждается методологический принцип автономии культуры и отказа от культурного детерминизма. Й. Арнасон развивает программу цивилизационного анализа, в которой основными доменами комплексного анализа цивилизационных структур предстают культура, власть и экономика⁵⁶, динамическая взаимосвязь этих измерений социальной реальности, культурных ориентаций и институциональных паттернов в сравнительно-исторической перспективе. Отмеченные методологические позиции в современном цивилизационном анализе вносят вклад в развитие интегративного подхода в социологии, дополняя его новыми вариантами интеграции и открывая перспективы сотрудничества различных исследовательских отраслей социологии и междисциплинарного взаимодействия.

⁵⁶ *Arnason J.P.* Civilizational Analysis, Social Theory and Comparative History // *Handbook of Contemporary European Social Theory* / Gerard Delanty (ed.). Routledge, 2006. P. 230—241; *Idem.* Domains and Perspectives of Civilizational Analysis // *European Journal of Social Theory*. Vol. 13 (2010). N 1. P. 5—13.

THE CIVILIZATION THEORY OF NORBERT ELIAS TODAY

In *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations* (1939) Norbert Elias formulated a theory to explain the long-term process of continuous change that led to the emergence of modern society. His theory encompasses both the development of human personality structures and behaviour (psychogenetic research) and the development of the social structures of inequality, power, and order (sociogenetic research). Violence and its control are central themes of the theory of the civilizing process. On the question of why the de-civilization processes occur, Elias failed to answer satisfactorily. For his students and followers this omission is a motivation to consider furthering Elias's thinking.

Keywords: civilization, civilizing process, psychogenesis, sociogenesis, self-restraint, de-civilization.

The concept of civilization is used in the social sciences in both singular and plural. The singular we encounter when considering the universal historical process of development in which what is called civilization takes shape, develops and is transformed. The plural is most often used to compare various civilizations in terms of their socio-cultural formations.

The concept of civilization in the singular occurs in roughly four different contexts¹. In the first, which is now often regarded as politically incorrect, the term simply refers to a “civilized way of life”, meaning certain achieved forms of human coexistence, rules and standards. In the second case, civilization becomes a synonym for social progress in terms of the historical development of human capabilities (we can find this understanding in Marx when he speaks of the “civilizing mission” of capitalism which he associated with the development of productive forces and the territorial expansion of the capitalist mode of production). The third concept, associated with an effort to draw a certain dividing line between the different stages of history, appears in anthropology, archaeology and prehistory (an example is Lewis Henry Morgan, who uses the expression “civilization” for the third epoch of human development, replacing the stage of savagery and barbarism). The fourth case is the most important in terms of historical sociology because it is represented by the civilization theory of Norbert Elias, in which he talks about the process of civilization, where changes in human behaviour relate to the development

¹ Arnason J.P., Šubrt J. *Kultury, civilizace, světový systém*. Praha: Karolinum, 2010. P. 10.

of forms of human coexistence and society. Reviewing all four concepts, it is obvious the concept of civilization in the singular can be seen as evaluative if used to distinguish between the civilized and uncivilized. In this sense it meets with objections from cultural relativists. In this paper, however, we focus on issues related to the civilization theory of Norbert Elias.

The Life and Work of Norbert Elias

Norbert Elias (born 1897) was a “sociological loner” for most of his life. He only became known and widely recognised in his old age, after the third German edition of his two-volume work, *The Civilizing Process (Über den Prozeß der Zivilisation)*².

Elias graduated in 1924 in Breslau, and in the years 1925–1930 he worked in Heidelberg under Alfred Weber. Here he got to know Karl Mannheim, whom he followed in 1930 to the university of Frankfurt am Main. In 1933 Elias was prevented from gaining his *habilitation*³ in Frankfurt because of his Jewish origins and he went into exile, first to Paris and then in 1935 to London. The first edition of his work *The Civilizing Process* came out almost unnoticed in Switzerland in 1939, at the beginning of the war. After the war Elias worked as a teacher in London. In 1954 he was appointed a lecturer and later reader at the University of Leicester. In the years 1962–1964 he worked in Ghana in West Africa in a professorial capacity. From the 1970s he lived alternately in Holland and Germany. He died in 1990 in Amsterdam.

In the course of the 1980s Elias’s individual works were gradually published in book form and the circle of his admirers, until then composed mainly of a tight group of friends and personal students, expanded with unusual rapidity. This fact, together with what is today a relatively large amount of secondary literature, indicates that the “Eliasian orientation” represents, in contemporary sociology, a significant current and one that cannot be overlooked. This current is connected above all to two major themes: a) the theory of civilization, and b) figurational sociology.

In his work *The Civilizing Process* Elias formulated a theory of the development of human personality structures and modes of behaviour (psychoge-

² Elias N. *Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976. Bd. 1–2.

³ The work was published after the Second World War in a revised form under the title *The Court Society (Die höfische Gesellschaft): Elias N. Die höfische Gesellschaft: Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983.

netic investigation), and the development of the social structures of inequality, power and order (sociogenic investigation). Elias showed that these two developmental processes were mutually dependent. Two related theories emerge from a synthetic overview: the theory of civilization (relating to changes affecting personality and behaviour) and the theory of state formation.

In his study of the civilizing process in western societies Elias used what were, for his time, relatively unusual research materials: Medieval writings on polite behaviour, morals and customs, epic literature and contemporary pictorial evidence. He focused on table manners, bodily functions such as blowing one's nose or spitting, behaviour in the bedroom, relations between men and women, and the life of knights.

In the early Middle Ages behaviour was less regulated (people ate with their fingers, blew their noses into their hands, often spat etc.) and more determined by spontaneous affections and urges (expressed, for example, in the aggressive behaviour of knights). This kind of behaviour changed only slightly during the medieval period, and only the end of the Middle Ages brought increasing refinement (one example was the introduction of forks at table). A new quality can be perceived in the period of the Renaissance, when not only were habits previously considered normal declared to be "uncivilized" and inappropriate, but the whole question acquired a different character. People began to monitor their own behaviour in a systematic way, and to regulate it according to new prescriptions. On the basis of observation of others their motives and intentions could be judged. People moulded themselves with greater self-consciousness than in the Middle Ages. From the observation of self and others a new relationship developed between man and man — a new form of integration. During the XVIIth century this process accelerated and culminated in the etiquette of court society.

This was not, of course, just a matter of gradual refinement of manners. The regulation of behaviour is above all the result of a process of the modelling of personality, i. e. psychogenesis. What is characteristic of this process is the continuous repression of urges and affections in human behaviour. By the creation of particular standards of shame and embarrassment, an invisible barrier is erected around individuals. A shift in the control of urges and affections is accomplished first by external restraint (*Fremdzwang*); but if it is to be permanent it must be transformed into a self-restraint (*Selbstzwang*), that functions automatically and independent of situation⁴. A psychic structure is formed which,

⁴ Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976. Bd. 1. S. 170–194.

in Freudian terminology, might be called the *super-ego*, and to which in ordinary speech we give such names as conscience. This is the structure which as an apparatus of self-control is internalised by individuals through socialisation.

Elias demonstrates the mutual interdependency of psychogenesis and sociogenesis in relation, for example, to the problem of aggression. Historical sources give us a picture of knights who spend their lives destroying, pillaging, killing and torturing others. This was part of the accepted norm in a society of warriors. Behaviour dominated by the affections and an aggression governed by spontaneous emotions were the counterpart of a society in which there was a low level of order and integration, and in which threats, sudden assaults, robbery and murder were daily occurrences.

In a pacified society, by contrast, the individual has sufficient security to renounce violence himself. Social regulation is carried out in the form of a state monopoly on the exercise of violence. At the level of the individual this creates the conditions for psychic regulation, the control of the affections and the blocking of aggressive impulses.

The understanding of social reality as a process plays a key role in Elias's sociological thought. Social processes take place in configurations arising continuously, unplanned and without design. They usually have the character of rise or decline, while the shift from one gradation of the process to another is accompanied by a relocation of power. The fluctuating balance of power forms an integral element of all human relations.

During his life Elias developed his thoughts and suggestions in *The Civilizing Process* in a series of studies that alternated between the extensive and the narrow, such as *The Society of Individuals* (*Die Gesellschaft der Individuen*)⁵, works on sport⁶, the books *Time* (*Über die Zeit*)⁷ and *The Germans* (*Studien über die Deutschen*)⁸, or the smaller piece, *The Loneliness of the Dying* (*Über die Einsamkeit der Sterbenden in unseren Tagen*)⁹.

The works in which Elias's views on sociology are formulated explicitly come mainly from his later creative period. Two works are particularly

⁵ Elias N. *Die Gesellschaft der Individuen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987.

⁶ Elias N., Dunning E. *Sport im Zivilisationsprozeß: Studien zur Figurationssoziologie*. Münster: Lit-Verlag, 1983; Elias N., Dunning E. *Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process*. Oxford: Basil Blackwell, 1986.

⁷ Elias N. *Über die Zeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.

⁸ Elias N. *Studien über die Deutschen: Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20. Jahrhundert* / Hrsg. Schröter M. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.

⁹ Elias N. *Über die Einsamkeit der Sterbenden in unseren Tagen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.

important here — *What is Sociology? (Was ist Soziologie?)*¹⁰, *Involvement and Detachment (Engagement und Distanzierung)*¹¹ — and the article *On the Foundations of the Theory of Social Processes (Zur Grundlegung einer Theorie sozialer Prozesse)*¹². The problem of social inequality is the subject of Elias's study *The Established and the Outsiders (Etablierte und Außenseiter)*¹³ written in collaboration with John L. Scotson.

The extensive discussion provoked by these works shows that Elias's conceptions had grown and developed into an entire new social scientific paradigm. It is also remarkable that in contrast to postmodern irony and scepticism in regard to meta-narration, this paradigm emerges with the accent once again on the long-term historical perspective.

How to understand Elias today

A characteristic feature of Elias's sociological thinking is processuality. His exploratory interest is attracted by processes of continuous, long-term change. These are processes that take place accidentally and unintentionally. Their defining characteristic is bipolarity. This corresponds with the conceptual instruments intended for their study — conceptual pairs such as integration and disintegration, or rise and fall. Another special feature is their persistence and the constant direction that some of them take over the centuries (although unlike the biological process of evolution they can even move in reverse). Elias speaks about directions of social processes (independent of whether they are evaluated as “good” or “bad”) and about the shifts and breakthroughs from one processual grade to another (accompanied by the transfer of power). Shifts of various kinds and intensities can be held simultaneously whereas changes in one direction can make space for changes in the opposite direction; the predominant process of integration can be accompanied by a partial disintegration, or, conversely, the dominant process of disintegration could lead to a new type of reintegration.

It is often stated that throughout its history mankind has made progress in many areas, evidenced by all sorts of criteria. However, Elias considered the idea of many-sided progress as a myth. Nevertheless that does not mean that social development cannot have a specific direction; however, it does not

¹⁰ *Elias N.* Was ist Soziologie? München: Juventa Verlag, 1981.

¹¹ *Elias N.* Engagement und Distanzierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983.

¹² *Elias N.* Zur Grundlegung einer Theorie sozialer Prozesse // *Zeitschrift für Soziologie*. 1977. Jg. 6. S. 127–149.

¹³ *Elias N., Scotson J.L.* Etablierte und Außenseiter. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.

do so necessarily and under all circumstances. When studying development dynamics, it is appropriate to talk not of necessity, but of possibilities and probabilities of various degrees¹⁴. The idea that the discernment of long-term development in the past automatically implies that the same trend necessarily weighs on the future, is false according to Elias.

The author considers the constant clash of civilizing processes with de-civilizing processes (*entzivilisierende Gegenprozesse*)¹⁵ characteristic of recent development (from the Stone Age to the present days). Civilizing and de-civilizing processes have their directions. The direction of the civilizing process is due to shifts in the balance of internal and external regulators of behaviour in favour of self-control. De-civilization means a movement in the opposite direction, which is also characterized by shrinking of self-identification and sympathy with others. In spite of repeated manifestations of de-civilizing processes, according to Elias the civilizing process is predominant. However, there is no reason to believe that this must happen in the future. An especial caution in this respect is the mass genocide committed by German Nazis (which refuted the false impression that such barbarism was not possible in the XXth century)¹⁶.

It is obvious that despite the impressive scope of Elias's work *The Civilizing Process* and the vast range of problems it surveys, it is possible to think how this could or should be extended by a fuller application of civilization theory, and which additional questions could be or should be taken into account. Elias himself definitely did not consider his conception as dogma. Not only did he return to his conception in his later studies, he also added a number of correctives.

When assessing *The Civilizing Process* it may be alleged, among other things, that its author devoted too little attention to the spheres of religion (even though he did not miss it out), art (but later he devoted a separate study to Mozart), labour, production and technology (thus his interpretation differs from conceptions of civilization emphasizing only the development of this sector); meanwhile only a limited part dealt with the Church and the bourgeoisie. Some criticism from historians may point to the fact that Elias's image of medieval knights accentuated the dark shades of brutality and neglected the spiritual dimension (even though this is not entirely clear if we take into account Elias's analysis of courteousness).

¹⁴ Elias N. Was ist Soziologie? S. 181.

¹⁵ Elias N. Zivilisation // Schäfers B. (hrsg.). Grundbegriffe der Soziologie. Bd. 3. Aufl. Opladen: Leske-Budrich, 1992. S. 383.

¹⁶ Elias N., Dunning E. Sport im Zivilisationsprozeß: Studien zur Figurationssoziologie. S. 33.

Among all polemical voices the complaint that Elias ignored the historical significance of the bourgeoisie is heard especially clearly. This is no coincidence. While in the German sociology of the XIXth century and early XXth century bourgeoisie and capitalism were the dominant topics of sociological research, Elias, both in his habilitation work and in civilization diptych, set out to devote particular attention to the nobility. For Marx and Weber a statement of fundamental difference between the era of the bourgeoisie, i. e. capitalism, and the previous period is a signature characteristic. According to some of Elias's critics, concentration on the figurative dynamics of the courtly society led to a failure on his part to examine the revolutionary role of the bourgeoisie, which after all had led to the collapse of the royal absolutist mechanism.

It should be pointed out that Elias did not deny this historical role of the bourgeoisie; however, he interpreted the end of absolutism somewhat differently than through the Marxist theory of class struggle (Elias did not understand the bourgeoisie as a homogeneous class from the interests point of view, but he distinguished in it groups whose interests were associated with the maintenance of state privileges, and groups whose interest was to remove state privileges and the hierarchy). To the relationship of bourgeois classes and the nobility, Elias devoted a whole chapter of the second volume of his works *The Civilizing Process*¹⁷. If he accentuated the problems of the nobility and court, he had his reasons for this.

The decisive phase of psychogenesis and sociogenesis (of the State) took place in his opinion before the bourgeois revolution and can be clarified through an examination of the "balance of power" within the absolutist configuration of the nobility.

What raises greater embarrassment in some of Elias's pupils and followers is the fact that although the theory of civilization does not definitely imply a certain and clear vision of the positive development of society, it does emphasise the more pleasant of the two faces of long-term social processes; in this respect it is not dissimilar to some older conceptions of social progress. To a lesser extent it has also manifested, Janus-like, a face to which other thinkers pointed in the first half of the XXth century, among whom we can (omitting program pessimists of the type of O. Spengler) recall at least two, Sigmund Freud on the one hand (who drew attention to links between

¹⁷ Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes. Bd. 2. S. 409–434.

oppressive civilizational power and increasing personality disorders — neuroses) and Edmund Husserl one the other (with his analysis of the crisis of European thought and sciences).

Polemical and doubting voices address Elias's civilization theory not infrequently from the camp of cultural anthropology. In the polemics of cultural anthropologists we encounter the arguments of cultural relativism. Among the critical objections are accusations of ethnocentrism, arising from the fact that civilization is based on the theory of comparative approaches, in which different historical periods and developmental stages are compared. If, for us, today is more civilized than the past; if we attribute to western countries a higher degree of control over affections than people in developing countries, then these comparisons can be relatively easily interpreted as evaluative judgments. The danger that such comparisons can be considered ethnocentric bias, was warned of by Anton Blok, Elias's former pupil. In the lecture *Primitive and Civilized*¹⁸ he deals with the conceptual antithesis of primitive and civilized. He concludes that these and similar terms are used to legitimize the superiority of one group ("civilized") over the other group ("primitive"). He reprimanded Elias in this context, even accusing him of racism.

The most extensive effort to challenge and deny Elias's civilization theory was developed by cultural anthropologist Hans Peter Duerr (born 1943), the author of the 5-volume work *Der Mythos vom Zivilisationsprozeß*¹⁹. Duerr advances the opinion that Elias's theory is false, that it is a pure myth. In his opinion this myth is identical with the ideology of colonialism that sees other cultures as "uncivilized", even the cultures of our own past. Duerr is not willing to formulate any other theory; he merely puts forward a heap of evidence attempting to falsify Elias's theory²⁰.

¹⁸ Blok A. Primitief en geciviliseerd // Sociologisch Gids. 1982. N 3–4. S. 197–209.

¹⁹ Duerr H.P. Der Mythos vom Zivilisationsprozeß. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988–2002. Bd. 1–5.

²⁰ His approach is based on two steps. First, in his interpretative approach he converts Elias's theory into the form of few general propositions; subsequently he collects extensive empirical material to refute these theses. Duerr abstracts from changes in social macro-structures; he is not interested in topics such as law, power, military, manufacturing, technology, transportation, etc. Civilization theory is interpreted as a theory of the evolutionary development of affection regulation that leads to linear transformations of the mental habits of people in the direction of growth of shame boundaries and barriers of embarrassment and a simultaneous reduction of aggression and cruelty. Duerr criticizes Elias, arguing that the empirical material was adjusted to a pre-conceived theory, used tendentiously and interpreted incorrectly.

Elias (*Elias N.* Was ich unter Zivilisation verstehe: Antwort auf Hans Peter Duerr // Die Zeit. 1988. 17.06. N 25. S. 37) participated in a discussion with Duerr himself arguing that Duerr was deliberately blind to the facts that illustrate the historical differences in the development

In connection with these attacks we must mention that Elias's theory did not work with the dichotomy of *primitive*—*civilized* (used by older generations of cultural anthropologists), this alien approach was foisted on him by opponents. In addition, Elias's conception of the civilizing process is not unambiguously a positive and optimistic one; civilization is associated with human generated pressures, repressions and alienation²¹. Since the concept of civilization was held so ambiguously by Elias, some of the mentioned criticisms lose their foundation. Definitely it cannot be said that Elias would adopt the ethnocentric perspective of promoting the Western European civilization model as a model for the rest of the world. He was apparently aware of the risk of ethnocentrism, which was why he insisted on a value-neutral approach to the study of his own society. In his later works Elias corrected his vocabulary, no longer talking of “higher” and “lower” but of “other” degrees of civilization.

An important aspect of the contemporary debates over Elias's works is the question of what trend is dominating in the current development phase: shifts in accordance with the “civilization” line of development, or “contra-shifts” against it? It cannot be denied that over the XXth century even de-civilization tendencies might be detected. In 1986 Edmund Leach wrote that when Elias formulated his theory of civilizing process, Hitler was contradicting it massively²². It seems that at present — due to the atrocities committed in the name of ideology, leader, nation or race — it is easier to talk about de-civilization than civilization. Modern “civilized” people are able to destroy and kill on an unprecedented scale.

Violence and its control are central themes of the theory of the civilizing process, yet people do not feel safe in city streets; they are threatened by terrorist attacks; there are wars in various places around the globe and, over all, there hangs the threat of the mass annihilation of mankind by modern weapons. Space, which Elias dealt with in his major work, is stigmatized by the word Holocaust. All these facts raise natural doubts about the verity of Elias's theory.

of individual self-regulation. To support his ideas he mentioned the example of learning: the time which is now used to acquire knowledge that one needs to perform an adult function in society, in comparison with the past, is significantly extended. This results in the separation of biological maturity from social maturity. In earlier societies the learning phase was not so long and the transition from childhood to adulthood was smoother compared with today.

²¹ The evidence of that is for example Elias's study *The Loneliness of the Dying: Elias N. Über die Einsamkeit der Sterbenden in unseren Tagen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.

²² Leach E. Violence // London Review of Books. 1986. Vol. 23. № 10. P. 13–14.

Elias says that when he saw with his own eyes in the 1930s the barbarous shift (*Barbarisierungsschub*) which occurred in Germany, it prompted him to pose the question of how it was possible that in the XXth century the civilized conscience of a highly civilized nation could collapse²³. Because he realized how little was known about the sociogenesis and psychogenesis of civilized behaviour and its control mechanisms, he began to address this problem. In the foreword to the *The Civilizing Process*, he pointed out that the questions he asked in the book did not arise from existing scientific tradition but from experience of the world in which he lived, from the experience of crisis and transformation of current Western civilization²⁴.

Elias completed his work at a time when the “final solution” had not acquired its ultimate form, but many features of the Nazi regime were already obvious. Some manifestations seemed ominous. They draw attention to the fragility and vulnerability of civilizational achievements; civilized manners take long to shape, but they can be quickly destroyed. On the question of why such de-civilization processes occur, Elias failed to answer satisfactorily. For his students and followers this omission is a motivation to consider furthering Elias’s thinking.

Since control of violent tendencies is so central to the theory of the civilizing process, the feeling that we live in a world where there is more violence than before is one that has sown doubts about the theory’s correctness. Elias did not expand on his theory of de-civilization, but there are nevertheless many places in his work in which we can find a number of pregnant, original thoughts on this problem.

Elias’s conception of the civilizing process is not an unambiguously positive and optimistic one: civilization is linked to the pressures, repressions and alienation created by people. One of the major driving forces of social processes is tension and conflicts related to the monopolisation of the means of power. A considerable proportion of humanity is now involved in these struggles for sovereignty. Thus potential future development could easily take one of two very contradictory lines: there is the possibility of advance in the direction of widespread integration and pacification, but also the possibility of disintegration and self-destruction.

Although Elias did not develop the theory of de-civilization we can still find a number of imaginative, original ideas on this problem. The implicit

²³ Elias N. Studien über die Deutschen: Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20. Jahrhundert. S. 45.

²⁴ Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes. Bd. 1. S. LXXX.

model of the de-civilization process sometimes used to be called the interpretation of feudalisation in the second part of *The Civilizing Process*. Attempts to elaborate de-civilization theory in terms of Elias's way of thinking derive mainly from the analysis contained in the book *The Germans*²⁵.

Elias among other things shows that from a historical point of view the mass slaughter of defeated enemies is no surprise, on the contrary for a long time it went without saying. For modern society the trend is dual: modern technology makes possible the unprecedented expansion of killing behaviour, while in public opinion mass killing is denounced and the growth of empathy with other people is a symptom of civilization. Elias characterizes the Nazi era by concepts such as the barbarization shift, civilization regress, re-barbarization²⁶. He denounces the Holocaust of Jews as a return to the atrocities and barbarism of the old times²⁷. Elias also pointed out that the slaughter of Jews arose from certain tendencies natural to the structure of the XXth century society; these actions were rationally planned and managed, they were based on the use of an efficient bureaucracy and modern technology (so, for example, as shown by Hannah Arendt, people like Adolf Eichmann did not have to pull the trigger, they "only" sat at the table and carefully worked out timetables). However, Elias at this point does not go into deeper analysis and greater detail. Among the authors who have tried to develop Elias's considerations into a theory of de-civilization processes is Jonathan Fletcher²⁸.

In 1988, Elias responding to H.P. Duerr, returned to considerations regarding the concept of civilization. He said that when he was preparing to write a book about long-term changes of human feelings and behaviour in the 1930s, he wanted to show that they do not arise from the plans and goals of individuals or groups, but in reality unexpectedly, by the overlapping intentions of many individuals. According to Elias the problem lies in the fact that language offers expression and explanation of such social facts that already have a certain ideological character²⁹. This does not concern only the concept of civilization, but also other related concepts — evolution,

²⁵ *Elias N.* Studien über die Deutschen: Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20. Jahrhundert.

²⁶ *Ibid.* S. 45.

²⁷ *Ibid.* S. 394.

²⁸ *Fletcher J.* Violence and Civilization: An Introduction to the Work of Norbert Elias. Cambridge: Polity Press, 1997.

²⁹ *Elias N.* Was ich unter Zivilisation verstehe: Antwort auf Hans Peter Duerr // Die Zeit. 1988. 17.06. № 25. S. 37.

social development, growth, progress. All these terms belong to the core of a once highly appreciated social ideology that in the course of the modern historical events completely lost its persuasiveness; they were part of the belief in progress which assumed that human society is inevitably adapted so that it continually comes near to a desirable state of greater happiness for most of the people. Events of the XXth century caused the collapse of this ideal. It left trauma and confusion. The pain of lost faith manifested itself in a strong backlash. Anything what even remotely reminded of belief in progress, including the concept of civilization, was discredited. Therefore, this concept should be re-examined and clarified. Elias says that he was looking around for other possible concepts, but did not find any more appropriate. Therefore he finally decided to keep this concept and use it in close association with rich empirical documentary material as an ideologically neutral, factual concept and also as a key concept of the theory of civilizing processes. It is in this light that we should consider a truer analysis of civilisation.

ОБРАЗОВАНИЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Б.И. МАКСИМОВ

ИННОВАЦИОННО АКТИВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ¹

Рассматриваются факторы инновационной деятельности промышленных предприятий в России. Подчеркивается лидирующая роль руководителей и топ-менеджеров. Обсуждаются позитивные примеры заимствования опыта зарубежных организаций в инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновационная активность, фактор, государство, менеджер.

Как уже приходилось отмечать, степень инновационного развития российского производства остается низкой даже в настоящее время, после 10 лет общественного внимания к нему. Росстат фиксирует незначительный уровень инновационной деятельности по ряду показателей. Для напоминания здесь достаточно привести два показателя (табл. 1).

Примечательно, что практически отсутствует динамика инновационного развития, хотя существует много предпосылок к нему: проводилась инновационная кампания (особенно во второй половине 2010-х гг.), предпринимались различные меры для активизации: исследовались проблемы инновационной деятельности, был выявлен ряд факторов, включая социальные.

¹ Используются результаты социологического исследования, проведенного в секторе социологии науки и инноваций СИ РАН в 2009–2011 гг. Инновационное развитие автор рассматривает как составную часть, как форму модернизации, применяемую обычно к экономике, а модернизацию — как более широкое понятие и явление, касающееся всех сфер общественной жизни.

Таблица 1

Показатели инновационной деятельности в России²

Параметры	2000	2002	2004	2006	2008	2009	2010
Число инновационных организаций, %	10,6	9,8	10,5	9,1	9,6	9,4	9,3
Уд. вес инновационных товаров, работ, услуг, %	4,4	4,3	5,4	5,5	5,1	4,6	4,9

В этой ситуации заслуживает пристального внимания как исследователей, так и практиков опыт инновационно активных, успешных организаций, в первую очередь — производственных предприятий. Таких организаций немного (как следует из табл. 1), но анализ их опыта может показать, как эти предприятия все же преодолевают препятствия к инновационной деятельности, выходят из трудного положения, находясь в тех же условиях, что и другие, какие ресурсы они при этом используют. Весьма важно, что их опыт может послужить образцом для подражания, в отличие от опыта инновационно пассивных (неуспешных) предприятий, неудачи которых годятся в лучшем случае для оправдания необходимости нововведений. Инновационно активные организации позволительно рассматривать как авангардные, находящиеся во главе инновационного движения и показывающие пути для других.

При этом предпосылки успеха существенно отличаются от факторов низкой инновационной активности. На это обстоятельство мы уже обращали внимание, говоря о положительных факторах, несимметричных отрицательным³. Обобщая, можно сказать, что отрицательные факторы — это условия *отсутствия* инноваций, положительные же — предпосылки и компоненты реальной деятельности. Их синтезирование составляет построение самой деятельности. Например, часто жалуются на отсутствие (недостаток) финансирования, собственной экспериментальной базы. Но устранение того и другого недостатка (препятствия) еще не гарантирует использования финансов именно на инновации, а экспериментальной базы — по назначению. Можно

² Источник: Российский статистический ежегодник. 2010. Статистический сборник. М.: Росстат, 2010. С. 577; 2011. С. 563.

³ Максимов Б.И. Состояние, динамика и факторы инновационной деятельности в сфере российского производства в начале 2000-х гг. // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 398–401.

сослаться на специалистов, утверждающих, что дело не в отсутствии средств, а в специфике ориентаций предпринимателей: «...Технико-технологическая отсталость отнюдь не является смертельной угрозой для отечественного бизнеса. Пока он больше боится прокурора, чем низкой конкурентоспособности выпускаемой продукции»⁴, — и поэтому, можно добавить, просто не предпринимает никаких шагов. При проведении деятельности вероятен хотя бы какой-то результат: происходит мобилизация ресурсов, потенциала, активизация среды, приобретается, по крайней мере, практический опыт, устанавливаются деловые связи, отношения с участниками инноваций.

Разумеется, надо знать и положительную, и отрицательную стороны, но продуктивнее сосредоточивать внимание на предпосылках успешности. При их рассмотрении можно увидеть не только факторы как таковые, но и механизмы (способы) их использования, алгоритмы, технологии успешных действий.

Инновационно активные организации отличаются, прежде всего, общей позицией руководства, специалистов, других работников, ориентированных на инновационную деятельность. Это позитивное отношение к инновационному пути, осознание, принятие его необходимости и полезности, сосредоточение внимания на поиске возможностей осуществления той или иной деятельности, создание общего настроя на нововведения, внутренней инновационной атмосферы, преимущественное внимание не к препятствиям, отрицательным факторам, а к факторам положительным, опыту успешной инновационной деятельности, ее механизмам, образцам, отдельным элементам, заимствование такого опыта, приспособление его к условиям конкретных предприятий (в отличие от позиций пассивности, капитуляции перед трудностями, оправдания объективными условиями, со ссылками на ситуацию выживания, парадоксального рассмотрения инноваций не как возможного выхода из трудного положения, а как некоей «роскоши», которую можно позволить себе только при достижении «хорошего» состояния).

Соответственно, инновационно активные предприятия используют различные ресурсы: имеющиеся, доступные, нужные, эффективные, — прилагают усилия к мобилизации в том числе и труднодоступных ресурсов, возможно большего числа резервов, в предельном случае — всех возможных, известных.

⁴ Вишневский В., Дементьев В. Инновации, институты и эволюция // Вопросы экономики. 2010. № 9. С. 41, 49.

И в первую очередь это использование внутренних ресурсов, реализация собственного инновационного потенциала, который в той или иной степени имеется практически у всех организаций, который легче всего реализовать и тем самым компенсировать сложность внешних условий. Сюда входят мобилизация интеллектуального потенциала, прежде всего, своих инженерно-исследовательских подразделений, вовлечение в инновационную деятельность всех категорий персонала, включая рабочих. Известен и такой шаг, как создание специализированного инновационного подразделения, инновационных групп, команд, выполняющих роль инициаторов (стимуляторов) нововведческой работы, способствующих внедрению новаций. Характерно, что не участвующие в инновационном развитии предприятия отличаются невыполнением даже этого очевидного шага, т. е. учреждения инновационных подразделений. Так, по данным 2010 г., такие подразделения созданы в 14,1 % тех организаций, которые «имели готовые организационные инновации в течение последних трех лет»; среди предприятий по добыче полезных ископаемых доля таких организаций и того меньше — на 4 %⁵. В качестве примеров использования внутреннего потенциала могут служить петербургские заводы «Звезда» и Кировский (Путиловский). В период реформ, используя высвободившиеся мощные инженерно-исследовательские подразделения, конструкторские бюро, Кировский завод разработал ряд моделей, образцов новой, во многом инновационной продукции, например, универсальный мини-трактор К-20, пригодный для использования как в коллективных хозяйствах, так и на личных подворьях. Предприятие «Ленполиграфмаш» также, испытывая дефицит спроса на традиционную, профильную продукцию, подготовило модели новых товаров, которые могли быть востребованы в изменившихся условиях (например, ряд светильников промышленного, военного и бытового применения).

Один из важных внутренних факторов — наличие инициаторов, лидеров инновационной деятельности, в первую очередь среди руководства предприятия. Инициатором, главным инноватором обычно становится первое лицо в администрации, генеральный директор, что вполне закономерно, ибо генеральный обладает наибольшей компетенцией, правами и ресурсами, включен в связи с внешними организациями. Обзавестись «нужными» людьми, инстанциями и «двигать развитие организации» является одной из первых его должностных

⁵ Российский статистический ежегодник. 2011. С. 568.

функций. Но директор должен стать реально инициатором. Опыт инновационных предприятий показывает, что предпосылками к этому являются личностные качества руководителя, интенсивные связи со структурами власти, иностранными специалистами и организациями, личный опыт. Существенную роль играют также инициаторы среди специалистов, да и других категорий работников ввиду специфического характера инновационной деятельности, предполагающей именно инновационность действий. Некоторые разумные директора, понимая своевременность инновационной деятельности, но ощущая себя обремененными текучкой, делегируют роль инициатора либо одному из руководящих работников, либо специализированному подразделению.

Наряду с внутренними, мобилизуются и различные внешние ресурсы, требующие большей инновационной активности и становящиеся доступными по мере проявления последней. В числе первых и очевидных — взаимодействие с научно-исследовательскими организациями для заказа и использования имеющихся инновационных разработок, получения помощи по доведению, внедрению собственных проектов, образцов. Наряду с сохранившимися традиционными институтами, в настоящее время создано много небольших центров, бюро, лабораторий, консалтинговых центров и т. п., способных обеспечить возможность, по крайней мере, «точечного» инновационного развития посредством связей с производственными организациями. Возрастающую роль играют инфраструктурные организации типа технопарков, инновационных инкубаторов (например, в Петербурге наиболее известен технопарк «Ингрия», имеющий связи со многими предприятиями). Такие организации ожидают представителей предприятий, готовы оказать комплексные услуги с помощью специалистов различного профиля. Доступность их услуг зависит в первую очередь от активности предприятий. В качестве примера можно назвать упомянутое петербургское предприятие «Ленполиграфмаш». Уже во время перехода на принципиально новую продукцию — оборудование для фотонабора, оно прибегло к помощи НИИ, хотя имело и свои инженерные отделы. Когда и его настиг кризис, прекратился спрос, в том числе и на модернизированную продукцию, завод снова обратился к научным партнерам, и они помогли найти нишу в производстве и сбыте. Компоненты инновационной деятельности включают поиск научных партнеров, установление связей с ними, затем совместную разработку проектов, доведение их до промышленных

образцов и организацию серийного производства. Взаимодействие с научными учреждениями — один из наиболее успешных вариантов, так как в сегодняшних условиях рассчитывать только на собственные силы могут позволить себе немногие, крупные предприятия, да и для них целесообразно разделение труда. На основе длительных контактов предприятия и исследовательские организации образуют пары (или группы) наподобие прежних НПО в миниатюре (например, разработочная компания «Стакковент», объединенная со строительной организацией). Такие образования представляют одну из основных форм названного «точечного» инновационного развития. Их достоинство — в мобильности, гибкости.

Ряд инновационных предприятий использует такой внешний ресурс, как взаимодействие с иностранными организациями, фирмами, компаниями, преимущественно производственными, в том числе с использованием посреднических центров (например, Российско-финский центр инновационного развития в Петербурге). Посредством такого сотрудничества российские предприятия получают выход на зарубежный рынок, приобретают доступ (по крайней мере, информационный) к новейшим разработкам, ориентацию в инновационной сфере. Взаимодействие с иностранными организациями — хотя и ограниченный, но все же прогрессирующий сектор российского производства. В случае тесного сотрудничества или даже превращения российского предприятия в составную часть ТНК (транснациональных компаний), последние реорганизуют деятельность предприятия, включая социально-бытовые условия, при этом, по словам иностранных специалистов, последние привносят ноу-хау, не внедренные еще и в западных предприятиях ТНК. Примером может служить «Северное сияние», вошедшее в состав ТНК «Юнилевер»⁶.

К внешним ресурсам инновационных предприятий можно отнести усиленное внимание к спросу, потребителям, актуализацию маркетинговой деятельности, включение заказчиков в число участников и даже инициаторов нововведений, ориентацию производства не на рынок вообще, а на имеющийся спрос, по возможности — организацию

⁶ *Максимов Б.И.* Совместные, с участием иностранного капитала предприятия ТНК в России как агенты глобализации трудовых отношений // X Международные Лихачевские научные чтения: сб. научн. ст. СПб., 2010. Следует в то же время иметь в виду, что ТНК преследуют свои цели, состоящие нередко не в производственной деятельности, а завоевании российского рынка с использованием российских предприятий как отправной базы для экспансии, сбыта своих товаров.

спроса. Один из вариантов такой ориентации демонстрирует петербургское предприятие «Буревестник», использующее эффективную форму взаимодействия с организацией-потребителем продукции (из «Алроса»). Эта форма имеет несомненные достоинства. НПП (научно-производственное предприятие) — производитель алмазных сепараторов, — получает богатые ресурсы для развития от алмазодобывающей организации, имеет полностью обеспеченный сбыт, устойчивый уровень доходов и общую устойчивость положения. (Есть и обратная сторона — зависимость от заказчика, недостаток стимулов (конкуренции) для развития, но она компенсируется стабильностью производства.)

Во многих случаях инновационные предприятия имеют поддержку, поощрение своей деятельности со стороны властных структур, финансовых организаций, собственников, партнеров по бизнесу. Решающее значение отношений собственности можно было наблюдать, как отмечалось, на примере градообразующих предприятий г. Пикалево (в данном случае отрицательное). Непосредственную поддержку оказывают региональные органы власти. Заметное место занимают моральные поощрения инновационной активности в сочетании с символическими денежными вознаграждениями. Это проведение конкурсов, выставок, ярмарок, инновационных форумов и т. п. Они стимулируют в первую очередь проектную активность (представляемые на конкурс разработки являются в основном именно проектами). Конкурсные премии, разумеется, недостаточны для реализации проектов, но они дают импульс к дальнейшей инновационной деятельности. Также инновационные конкурсы организуются Правительством Санкт-Петербурга. Большое значение в этом ракурсе может приобрести организуемый Комитетом экономического развития, промышленной политики и торговли Правительства Санкт-Петербурга мониторинг инновационного развития, с помощью которого можно не только составить картину инновационной деятельности, но и распределять средства на поддержку инновационных организаций. Одна из форм взаимоподдержки, получающая все большее распространение — создание кластеров одноотраслевых или включенных в технологические (кооперационные) связи предприятий. Кластерная организация компенсирует недостатки раздробленности предприятий, делает общим достоянием нововведения промышленной политики. На Международном инновационном форуме в Санкт-Петербурге ежегодно можно наблюдать увеличение числа кластеров с охватом основных отраслей промышленности и ростом входящих в них предприятий (до 28-ми

в «Инновационно-технологическом кластере машиностроения и металлообработки Санкт-Петербурга»⁷.

Можно отметить, что в инновационных организациях принимаются во внимание социальные факторы («человеческий фактор»). Выражается это в первую очередь в работе с персоналом, подготовке его к творческой деятельности, стимулировании инновационной активности, создании упомянутого инновационного настроения. Это очевидный и часто упоминаемый фактор. Но немногие реализуют этот ресурс; характерно, что затраты на такую деятельность составляют всего 0,2 % от затрат на технологические инновации⁸, да и проводимая подготовка представляет собой в основном повышение технической квалификации, традиционное обучение.

Выявление потенциала инновационной активности предприятий концентрируется на предпосылках инновационной деятельности, поиске и анализе положительного опыта. В нашей предыдущей публикации уже назывались подобные результаты (исследования ИСИТО, ИНСОРа, в подборке публикаций в журнале «Человек и труд» и др.)⁹. Н.И. Лапин показывает образцы и механизмы реализации «очаговых» технических нововведений «на переломе российской истории» (1991–1992 гг.), на этапе стабилизации российской экономики (начало 2000-х гг.), в том числе на примере ЦБК «Кондопогабуммаш», МНЦ «Техноинвест», предприятий Белоруссии, Грузии. Автор отмечает растущую роль заказчиков, развития постоянных отношений с ними, научной разработки и обоснования инноваций, привлечения для этого научных учреждений, переноса западных технологий при посредничестве ТНК, активных инновационных действий региональных и муниципальных образований, разработки инновационных стратегий, «инноватизации целей», формирования команд инноваторов и др.¹⁰

Наиболее полным (полноценным) в рамках нашего анализа является инновационный опыт ОАО «КАМАЗ» (Камский автомобильный

⁷ 5-й Петербургский Международный инновационный форум, 16-й Международный форум «Российский промышленник»: Путеводитель и программа. 25–28 сентября 2012. СПб., 2012.

⁸ Российский стат. ежегодник. 2011. С. 566.

⁹ Максимов Б.И. Состояние, динамика и факторы инновационной деятельности в сфере российского производства в начале 2000-х гг. // Петербургская социология сегодня: Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 368–397.

¹⁰ Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: учебное пособие. 2-е изд. М.: Логос, 2010. С. 155–195.

завод, Набережные Челны). Он вполне может служить образцом для подражания и распространения.

Главная ценность опыта КАМАЗа состоит в его реальности. Это не абстрактная идеальная модель, выведенная из обобщения отдельных фрагментарных случаев, включения теоретических элементов, а существующая на практике (и, значит, практичная).

Именно разносторонняя модернизация является основным фактором эффективности, живучести предприятия. Это подчеркивают все опрошенные респонденты, эксперты. КАМАЗ является успешным предприятием по показателям производственной деятельности. Существует устойчивый спрос на его изделия. Выпуск продукции остается постоянно высоким, лишь во время последнего экономического кризиса был небольшой спад (на 15 %), затем уровень выпуска восстановился. Значительная часть продукции идет на экспорт. Предприятие остается единой организацией, несмотря на гигантский размер, наличие в его составе отдельных ОАО с высокой степенью самостоятельности, различиями в производствах, возникающими противоречиями интересов. Впечатляют достижения КАМАЗа и по линии социальной деятельности, во многом показательной. Планируется расширение производства, дополнительный набор кадров, рост заработной платы.

На заводе представлены основные компоненты инновационной деятельности — в комплексе, системно, с включением широкого круга субъектов процесса инновационного развития. Включены все возможные ресурсы, внутренние и внешние, различные по характеру, масштабу, периодичности. В этом, прежде всего, состоит сущностная черта инновационной системы предприятия (разумеется, КАМАЗ обладает и уникальными чертами). Здесь не считают, как во многих других предприятиях, что, например, дело главным образом в финансировании, наличии кредитов («будут деньги, будут и инновации»). Системный подход наиболее адекватен инновационному развитию.

Существенная общая черта (принцип) — постоянство инновационного настроя (и деятельности), их преемственность, отличающая КАМАЗ от других предприятий, как правило, воспринимающих призывы к инноватизации как очередную общественную кампанию. Настрой не создавался под воздействием конъюнктурных призывов и не исчезает при погашении кампании.

Инновационная атмосфера здесь явно служит первым (начальным) фактором-компонентом инновационной деятельности. Она пронизывает все уровни и сферы организации, проявляется буквально

во всем — в ежедневном внимании к новшествам, во введении организационных систем мобилизации ресурсов, в вовлечении в инновационное развитие всего персонала, в постоянном обсуждении инновационных вопросов на производственных совещаниях, в осуществлении инновационных проектов, нововведений различного характера, в освещении хода модернизации в заводской газете, во внутренней системе информации, в разговорах работников на эту тему и т. п. Предприятие живет под девизом: «Быть всегда в пути!» Из интервью с одним из специалистов предприятия: «У нас модернизация идет сплошным потоком. Мы не можем не развиваться. Если отставить нововведения, завод потеряет инерцию движения, начнет закисать, хиреть, дух, что ли, упадет. Какое-то время мы продержимся за счет заделов, но дальше — неминуемый спад производства. И деморализация персонала. Как выражаются, мы обречены на успех. Как в живом организме клетки постоянно обновляются, так и в производственной системе сегодня без обновления не обойтись, пусть и постепенного». Существенно то, что, как отмечалось, инновационная атмосфера не носит черты кампании, является постоянным компонентом всей деятельности предприятия. Здесь господствует активный, конструктивный подход к инновационному развитию, ставший базовым принципом деятельности.

Тон задает высшее производственное (административное) руководство. Оно выступает инициатором нововведений, поддерживает функционирование установленных систем, принимает предложения, проекты снизу. Но дело, вероятно, не только в сегодняшней позиции топ-менеджмента; генеральные директора, например, менялись, а инновационный настрой сохраняется долгие годы, начиная со времени строительства завода, задолго до нынешней кампании по инновационно-модернизационному развитию, не угаснув в момент катастрофического пожара на предприятии в начале переходного периода и даже как будто получив дополнительный импульс от разрушительного события. Видимо, устойчивость атмосферы обуславливается несколькими моментами: заданный изначально настрой на развитие, совершенствование, присутствие зарубежных партнеров, внимание республиканских властей к одному из основных промышленных предприятий, предохранение от крайностей приватизации, открытость рынка, высокая квалификация менеджмента, специалистов, а также рабочих, стабильных ввиду условий моногорода, успехи предприятия, соответственно, хороший уровень оплаты труда, моральная гордость ростом, развитием предприятия. Понятно, что

установить и поддерживать всеобщую атмосферу обновления (активности) невозможно было бы без вовлечения в инновационную деятельность всех работников, вносящих вклад в модернизацию на своем уровне (рабочем месте), а также в масштабах всего предприятия, по крайней мере — подразделения. Вовлеченность всего персонала в процесс непрерывного развития — уникальная и в то же время всяма существенная черта завода.

Бросается в глаза центральная компонента: использование, мобилизация внутренних ресурсов, в первую очередь — интеллектуальных. Здесь надеялись, прежде всего, на себя. Созданы мощные, разнообразные штатные инженерно-технические службы (конечно, их может себе позволить только крупное предприятие). Наряду с ними более 15 лет существует «инженерный клуб» на общественных началах, но связанный функционально со штатной (структурной) ячейкой — аналитическим отделом, проанализировавший всю организацию предприятия и даже создавший целый ряд «вольных», как бы избыточных проектов (касающихся сельского хозяйства, лесоводства, городского транспорта, даже жилищного строительства). Запущенный в пору становления, подъема предприятия, инженерный центр держался уже за счет собственных, внутренних стимулов. Проводятся общезаводские, технические и организационные научно-практические конференции: например, конференции «Инструменты бережливого производства», «Развитие поставщиков на основе философии производственной системы КамАЗ», — не говоря уже о том, что проблемы модернизации постоянно, в обычном порядке обсуждаются, как отмечалось, на текущих совещаниях, оперативках и т. п. На местах (в подразделениях, на рабочих местах) деятельность по мобилизации внутренних ресурсов ведется ежедневно, «в рабочем порядке», и по характеру напоминает известные «кружки качества». Например, на главном сборочном конвейере, в его начале и конце, оборудованы специальные площадки с размещенными на них необходимыми материалами; на этих площадках перед сменой и по ее завершении собираются начальники участков, мастера, бригадиры для выявления, обсуждения и возможного решения на месте текущих, всплывших проблемных вопросов. В обсуждениях по мере необходимости принимают участие и рабочие. Для них основная форма участия — это осуществление усовершенствований в своем рабочем пространстве (рабочем месте), индивидуальное или групповое. Оно пользуется вниманием и поощряется. В более широкие сферы рабочие выходят через упомянутые обсуждения на

участках и подачу предложений по системе ПСК (расшифровываемой как «Производственная система КАМАЗа»). В своем «пространстве» рабочие могут не только подавать предложения, но и сами вводить новшества.

Система ПСК — это способ (форма, средство) массового вовлечения в дело совершенствования производства работников всех категорий и уровней. Это подача всевозможных предложений любыми работниками предприятия. В качестве основы используется система японского происхождения *Lean* (Кайдзен), «бережливого производства», направляющая внимание на выявление, устранение потерь, «узких мест» самого разного характера, постепенное обновление организации, оборудования, материалов, рабочих мест и т. д. Предложения достаточно высокого уровня и масштаба приобретают статус «Кайдзен-проектов», рассматриваются (и реализуются) с усиленным вниманием. подача предложений даже планируется, при этом планы перевыполняются. Предложения подают работники всех уровней. Далее предложения не маринуются, как в советских БРИЗах (бюро по рационализации и изобретательству), а тут же поступают на рассмотрение, принятие по ним решений о внедрении, о расчете экономического эффекта. Предусмотрено вознаграждение уже за саму подачу идеи, а также по результатам ее реализации. Обычно на предприятиях не придают сколько-нибудь серьезного значения сбору предложений от рядовых работников, сохранился стереотип пренебрежительного отношения к «бризовской» практике. Здесь же исходят из принципа (философии), что непосредственно занятые — ближе всего к производственному процессу, им всего виднее недостатки, и их интеллектуального, профессионально-квалификационного потенциала вполне достаточно для рождения, подготовки технических решений. Активность участия в инновировании производства нарастает. За последние 4 года количество поданных предложений выросло в 32 раза (!) — до 1,3 предложения на каждого работника; планируется доведение до 2,5 предложений на человека. За счет реализации предложений, Кайдзен-проектов получается экономия (прибыль) в миллиарды рублей. Этому осязаемому результату сопутствует хотя и невидимый, но не менее важный момент — поддержание духа инновационного развития с вовлечением в него буквально всего персонала.

Используются также многие внешние ресурсы. Из них в первую очередь называют опору на власть, местную и республиканскую. Последняя, как уже отмечалось частично, всячески опекает предприятие,

как одно из образующих лицо и устой республики, поддерживает своим авторитетом. Руководство завода чувствует себя спокойно. Власти республики (и местные) выполняют свою роль в соответствии с объективными потребностями и ожиданиями субъектов инновационной деятельности.

Наряду с упомянутыми развитыми собственными инженерно-техническими службами, КАМАЗ не пренебрегает связями и с научно-исследовательскими организациями, по мере возможностей и при наличии отечественных НИИ, соответствующих центров в российской автомобилестроительной промышленности. Во всяком случае, спрос на услуги таких организаций налично, и это служит стимулом активности последних.

КАМАЗ ориентирован и на использование зарубежного опыта, установление связей с иностранными организациями, партнерами. С момента запуска завода по всем направлениям осуществляется сотрудничество с германской фирмой «Даймлер». Взаимодействие носит уже рутинный характер. Эпизодически российские специалисты, менеджеры отправляются на стажировку в Германию; оттуда приезжают зарубежные специалисты и проводят занятия, обучение заводских работников на месте. Многие Кайдзен-проекты реализуются совместными усилиями. Благодаря этому предприятие все время находится в курсе западноевропейских трендов развития автомобилестроения, да и мировых инноваций в отрасли, хотя и расположено в глубине России. В последнее время устанавливаются партнерские связи и с другой немецкой фирмой — Фольксваген. Ведутся переговоры о создании совместного взаимовыгодного производства — КАМАЗ расширяет свой профиль, обогащая его выпуском российско-немецкой модели на российской территории и в полном цикле (не только в виде «отверточного производства»).

С помощью иностранных фирм ведется модернизация отечественных моделей. При этом КАМАЗ придерживается тактики постепенного обновления базового автомобиля. В настоящее время модернизируется кабина грузового автомобиля, по скользящему графику ведется модернизация двигателя, шасси и т. д. Эта политика позволяет избежать резких перепадов в производстве, неудобных и для потребителей.

В части связей с российскими научными организациями инновационная деятельность развита относительно слабо. Возможно, интенсивное использование внутренних ресурсов, а также взаимодействие с зарубежными фирмами позволяют КАМАЗу обходиться без услуг

(помощи) отечественных НИИ, научно-исследовательских центров; вероятной причиной может быть и неразвитость отраслевых научных организаций в российской автомобилестроительной промышленности.

Один из основных внешних ресурсов и факторов экономической эффективности, венчающих систему, — взаимодействие с заказчиками, потребителями продукции. У КАМАЗа оно построено так, что позволяет работать ритмично, без перебоев, благодаря предупреждению отсутствия спроса на продукцию. Завод придерживается одного из принципов системы *Lean*: «производи то, что продается» (а не «продавай то, что производишь»). Спрос должен быть определен и, по возможности, организован. Здесь делается и то, и другое. Работа на склад не допускается. Продукция должна уходить «на колесах». Производство работает на прямого заказчика. По всей стране раскинута сеть дилеров; они на месте выясняют спрос, формируют заказ, а затем осуществляют и продажу изделий. При этом обеспечена заинтересованность дилеров в сбыте. Таким образом, распространение автомобилей «КАМАЗ» в стране (и за рубежом) обеспечено не только их высоким качеством, но и умелой продажей (умным маркетингом). Инновационное в нем — не просто изучение спроса, но и организация процесса реализации продукции как финишного продолжения всего производственного процесса.

Еще одна характерная черта КАМАЗа — понимание социальной ответственности бизнеса (нередко игнорируемой современными предпринимателями) и того принципиального положения, что инновационное развитие производства не может рассматриваться в отрыве от развития других сфер. КАМАЗ осознавал социальную ответственность бизнеса в этом аспекте и не уклонялся от нее (в отличие, например, от пикалевских градообразующих предприятий, руководителей-собственников, которых сам премьер-министр обвинил именно в социальной безответственности). В данном случае это выражается как в традиционной социальной деятельности (социальном развитии), так и заботе завода о моногороде. Сохранена прежняя социальная инфраструктура; в городе роль завода видна во всем, пронизывает все сферы городской жизни (в частности, всюду видна заводская символика). Это и заводские дворцы культуры, и стадионы, и зоны жилищного строительства, рекреации, и системы газо- и теплоснабжения, и дотирование городского транспорта и т. д. При этом, однако, город не рассматривается как «цех завода» (по воспроизводству рабочей силы), имеет высокую степень самостоятельности, в том числе отделен от производственных корпусов

территориально. Существенно то обстоятельство, что и социальная деятельность находится в процессе обновления.

Нельзя не упомянуть такой компонент инновационной деятельности КАМАЗа (особенно важный для социологов), как наличие на предприятии социологической службы и выполнение ею роли знатока «человеческого фактора», обеспечения обратной информации, касающейся этого фактора, да во многих случаях и обратной связи в более широком плане (ввиду недостаточности такого обеспечения в системе управления). Центральная часть службы — социологическая лаборатория — проводит большое количество исследований, анализов, касающихся самых различных сфер, аспектов управления. В первую очередь это, разумеется, управление персоналом (анализ подготовки, повышения квалификации, движения и продвижения персонала, его мотивации, удовлетворенности условиями труда, вовлеченности в совершенствование работы, корпоративные ценности персонала и др.). В перечне тем исследований лаборатории более двадцати посвящены вопросам управления персоналом.

Но социологическая работа не замыкается только на кадры (хотя лаборатория и находится в составе службы управления персоналом). Она подвергает анализу (притом систематически) ситуацию в лизинговой сфере, вопросы повышения качества работ и продукции, позиции поставщиков комплектующих изделий относительно сотрудничества с КАМАЗом, даже процесс выборов и т. д. За 2010 г. выполнено 33 аналитические работы по различным направлениям. В 2011 г. одно из исследований было посвящено тщательному анализу состояния системы ПСК (сбора предложений работников): исследовалось отношение персонала к ПСК, заинтересованность в подаче предложений, активные категории персонала, факторы поддержки системы, выявление проблем, предложений по их разрешению, результаты внедрения ПСК, материальное и моральное стимулирование и др. Очевидно, что социологический анализ является органическим компонентом функционирования данной системы. Характерно, что аналитические работы выполняются не приглашенными со стороны специалистами, а только своими силами.

Социологическая служба КАМАЗа показывает, что заводские социологические подразделения не являются «лишним звеном», и изгнание производственной социологии с предприятий в рыночных условиях не является объективно оправданным, а обусловлено весьма субъективными представлениями новых собственников, нередко социально безот-

ветственных, «некомпетентных и жадных», по выражению В.В. Путина (высказанному в Пикалево), близоруко заботящихся о сиюминутной выгоде. Сохранение социологического подразделения на Камском автозаводе свидетельствует о высоком, современном уровне квалификации менеджмента, в первую очередь — высшего.

Можно сделать следующие основные выводы по КАМАЗу. Это пример как использования всевозможных ресурсов, так и высокой степени эффективности инновационной деятельности. Очевидно, предпосылками служили авторитетный статус предприятия, традиции обновления, постоянно поддерживаемая квалификация персонала, настрой на модернизацию со стороны топ-менеджеров (влияние собственника, фактора собственности почти не ощущается). Компоненты инновационной деятельности здесь многочисленны, разнообразны. Именно за счет использования многих ресурсов достигается высокая эффективность инновационно-модернизационной деятельности. Наиболее впечатляющими чертами инновационной деятельности предприятия являются настрой на постоянное обновление, вовлечение в процесс модернизации всех категорий работников, при этом вовлечение физическое и интеллектуально-этическое, умелое сочетание всех компонентов деятельности, высокая степень мобилизации внутреннего интеллектуального потенциала, взаимодействие с зарубежными фирмами без потери самостоятельности (самобытности), производство без спадов, в том числе за счет управления спросом. Высокая инновационность, в свою очередь, является одним из главных факторов производственной и социальной эффективности. Уникальным и важным компонентом инновационной деятельности является работа социологической службы. Опыт КАМАЗа ценен и тем, что это опыт отечественный, являющийся свидетельством возможности создания в России своих эффективных инновационных предприятий.

Стоит повторить, что опыт КАМАЗа заслуживает распространения. Возможны различные его формы. Одна из них — создание в городах, в отраслевых кластерах образцовых предприятий, воплощающих достижения КАМАЗа, концентрирующих наработки других местных предприятий и служащих наглядным примером для демонстрации передового опыта. Процесс построения такого образца дает, кроме выявления по ходу дела ценных инноваций, объединение усилий властей, промышленников, научных, инфраструктурных организаций, конкретных предприятий, возможность выработки модели взаимодействия названных участников (субъектов) инновационной деятель-

ности (что является существенным фактором). Весьма ценен опыт распространения достижений в условиях частной собственности, преодоления обособленности производственных организаций в процессе инновационного развития. Очевидно, наряду с конкуренцией в данном случае необходимо и объединение усилий.

Обычно инновационную пассивность оправдывают объективными обстоятельствами, их непреодолимостью. Однако такому объяснению противоречит факт существования в тех же условиях инновационно продвинутых предприятий, главной отличительной чертой которых является как раз наличие активного, конструктивного подхода к инновационному развитию (можно снова сослаться на упомянутое предприятие). Предприятия развивают деятельность вопреки неблагоприятным условиям, преодолевают, изменяют последние. Это важный методологический момент, показывающий ключевую роль активности самих организаций, их работников.

Если обратиться к опыту успешных предприятий, то можно отметить, что, как правило, начальным пунктом является инициатива тех или иных субъектов, при этом чаще сверху, чем снизу, скорее руководителей, чем рядовых работников, преимущественно «инновационных личностей», как бы спонтанная, на фоне «назревших» условий (среди которых критическая ситуация или, наоборот, наличие ресурсов, общая инновационная атмосфера, различные побудители инновационной активности, включая контакты, связи субъектов с окружением). Отсюда следует простой вывод — для запуска инновационного процесса надо взращивать, поощрять, поддерживать инициаторов, инноваторов. И в первую очередь надо воздействовать на генеральных директоров как на наиболее потенциально вероятных инноваторов. Представляется целесообразной «инноватизация» руководителей различного уровня и профиля, включающая в себя специализированное просвещение (обучение), зарубежные стажировки, специальное стимулирование, в том числе и применение мер морального воздействия, предоставление достаточной «порции свободы», пространства для предпринимательства. Одна из форм проявления инициативы — старт-апы. Они также нуждаются в поддержке в качестве начального пункта инновационного процесса (если даже выглядят иногда несуразными). «Назначенными побудителями» (инициаторами) выступают специализированные подразделения, инновационные команды, отсюда важно их создание в начале инновационного процесса. Иногда в качестве инициаторов проявляют себя заказчики (продукции,

услуг), соответственно, значение имеют контакты (связи) с заказчиками, включение их в круг участников нововведений. Примером успешности предприятия за счет ориентации на заказчиков (потребителей) может служить НПП «Буревестник» (Санкт-Петербург).

Опора на мобилизацию внутреннего потенциала, свои ресурсы, весь потенциал предприятия (прежде всего человеческий), является мощным побудителем инновационной активности на начальном и последующих этапах. Но обычно на предприятиях собственный потенциал остается нераскрытым, даже сознательно пренебрегаемым вследствие непонимания его достоинств.

По опыту КАМАЗа, очевидно значение одновременного наличия основных предпосылок (компонентов) инновационной деятельности, названных выше: мобилизации внутреннего потенциала, установления связей с научными учреждениями, осуществления маркетинговой деятельности и т. п. Это не только позволяет запустить инновационный процесс, но и поддерживает его существование, развитие (возможно, по законам синергетики).

В российских условиях, где всякие масштабные преобразования традиционно спускаются сверху, главным субъектом масштабного инновационного развития оказывается власть, государство, его органы, в том числе региональные. Соответственно, в обязанности органа власти входит выполнение основных функций по инновационному развитию и в первую очередь — инициирование инноваций, далее — венчурное финансирование, создание инновационной инфраструктуры, ориентирование научных и образовательных учреждений, организация рынка, правовое обеспечение, поддержание международного научно-технического сотрудничества и др. Одна из главных функций — стимулирование инновационной деятельности, создание ее начальных импульсов. Эти функции должны быть признаны необходимыми, вовсе не насильственными — нормальными. Лишь по мере развития инновационного процесса они могут быть переложены на рыночные механизмы. Власть должна быть главным инноватором. Не приходится рассчитывать только на бизнес, рынок и его «невидимую руку».

Во всяком случае, исполнения этой роли ожидают от государства другие субъекты инновационной деятельности, не фетишизирующие (по крайней мере, в данном случае) принцип независимости бизнеса: особенно это касается финансовой поддержки, стимулирования инноваций.

По опыту Санкт-Петербурга можно сказать, что именно в таком качестве выступает здесь городская власть. Она проводит пропаганду инновационного развития, осуществляет целеполагание в этом аспекте — ориентирует на превращение Петербурга в инновационную столицу, берет на себя функции разработки региональной инновационной системы и в ее рамках многочисленные функции по созданию различных инфраструктурных образований, связей между научными, образовательными и производственными организациями. С целью стимулирования преобразовательной активности проводятся конкурсы, выставки, инновационные форумы международного масштаба, всячески привлекаются в город иностранные компании (примером может служить создание российско-финского инновационного центра, совместного университета инновационного развития).

Само собой разумеется, что, стимулируя инновационный процесс, государство и власть должны и сами модернизироваться, а также модернизировать другие сферы общественной жизни в связи с инноватизацией экономики. До сих пор недостаточно включенными остаются законодательные обоснования статуса инновационной деятельности, регулирование рынка и использование (в качестве средства стимулирования) льготного налогообложения.

«АЙТИШНИКИ ЧАЩЕ ЛЮБЯТ СВОЮ РАБОТУ»: К ОБСУЖДЕНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье обсуждаются некоторые результаты исследования работников сферы информационных технологий (*Information Technology*, далее — ИТ) как профессиональной общности. В качестве эмпирической базы исследования выступают данные глубинных интервью с представителями ИТ-сферы. Ключевыми темами, которые позволяют выделить ИТ-работников в качестве самостоятельной общности, оказываются язык и коммуникация, опыт и квалификация, структура и иерархия, а также стереотипные образы.

Ключевые слова: профессиональная общность, информационные технологии, ИТ-работники, квалификация, опыт, структура, иерархия, коммуникация, язык, стереотипы.

Введение

Изучение современных социальных процессов предполагает исследование факторов, влияющих на трансформацию общества и развитие новых форм социальных отношений. Одним из важнейших факторов является распространение информационных технологий. В социологическую теорию понятие информационных технологий вошло с появлением концепций глобализации, информационного и сетевого общества¹. С тех пор ИТ рассматриваются в качестве социального феномена, поскольку являются в определенном смысле фактором, влияющим на изменения в социальной структуре и социальных отношениях.

Значимыми являются не только информационные технологии как фактор развития общества, но и сами работники сферы ИТ как профессиональная общность, обеспечивающая возможности создания и воспроизводства новых форм социальных отношений. Они обладают особыми знаниями и навыками работы с информационными технологиями, оказывая тем самым услуги по созданию, поддержанию, распространению ИТ в социальной жизни. Более того, от деятельности данной профессиональной общности становится зависимой информационная безопасность, границы распространения

¹ Lyon D. (1988) *The information society: issues and illusions*. Cambridge: Polity Press.
Castels M. (1989) *The Informational City: Informational Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process*. Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell.

данных (как частных, так и глобальных), приватность и открытость доступа, вирусная безопасность компьютерных систем, взаимосвязь повседневной жизни и работоспособности техники, компьютерный терроризм, — иными словами, все то, что составляет социальный эффект воздействия ИТ на современную жизнь.

Несмотря на очевидную значимость работников сферы информационных технологий, они все еще остаются вне исследовательского внимания социологов. Цель нашего исследования состоит в выявлении критериев и факторов формирования и воспроизводства профессиональной общности работников сферы информационных технологий в России.

Работники сферы информационных технологий, как и любой другой сферы деятельности, являются дифференцированной общностью. Однако попытки формального структурирования, подведения их под какие-либо границы встречают эмпирическое сопротивление. В первую очередь это связано с тем, что данный вид деятельности продолжает бурно развиваться, меняться, воспроизводиться в совершенно новых формах. В отечественной традиции сохраняется, как правило, «инженерная терминология» в классификации подобных профессий. Практически все ИТ-работники считаются по традиции инженерами, специализирующимися в области компьютерных технологий. Образовательная система организована таким образом, что выпускники соответствующих специализаций получают квалификации вроде «программист-техник», «инженер компьютерных технологий», «инженер-программист». Одной из причин являются образовательные стандарты и список общих направлений и профессий. Другой значимый фактор особенностей «локализации» исследовательского объекта состоит в том, чтобы специалисты с подобной квалификацией имели достаточную, конкурентоспособную подготовку. В этих условиях актуализировались различные курсы в виде институтов дополнительного образования по подготовке узкоспециализированных специалистов — особые языки программирования, система сертифицирования, обучение новым спектрам ИТ-услуг.

Для описания ИТ-общности как профессиональной обратимся к ряду стандартных, базовых критериев, которые используются при исследовании профессиональных групп². К таким критериям относятся

² *Абрамов Р.Н.* Менеджериализм и академическая профессия. Конфликт и взаимодействие // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 37–47; *Московская А.А.* Профессионализация менеджмента: цели, барьеры, перспективы // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 26–37.

границы профессиональности, принадлежность к профессии, предпосылки формирования, условия и результат функционирования, вытеснение любительства, механизмы профессионального контроля и установления связей, особенности представления о профессии. Данные критерии в той или иной степени были включены в блоки вопросов разработанного нами гайда. Их набор варьирует в зависимости от полученной в ходе глубинных интервью информации.

В отношении к компьютерной технике, ее использованию специалисты сферы информационных технологий представляют собой гомогенную совокупность. Взаимодействие с компьютерами профессионалов в области информационных технологий строится на основе предпосылки, что квалификация IT-специалистов является достаточной «по умолчанию». Иными словами, компьютерные специалисты, в отличие от обычных пользователей, обладают знаниями и навыками использования дополнительных возможностей компьютерных систем с возможностью дальнейшего приращения знания и практики в IT-области. Подобная ситуация появляется и в тех ситуациях, когда возникают вопросы внешнего или взаимного определения, идентификации. Не случайны обращения за «компьютерной помощью» к специалистам, поскольку они обладают теми достаточными знаниями, которые помогают разрешить проблемы, встающие перед обычными пользователями.

Точно так же работает внутренняя и взаимная идентификация. Данный аспект раскрывается через блок вопросов о контроле профессиональности. Здесь проявляется связь с языком, практиками, установками, которые и являются ключевыми измеряемыми признаками. Они могут быть по-разному формализованы для отдельных подотраслей области информационных технологий, но в конечном итоге образуют костяк общностного описания IT-специалистов.

В результате проведения интервью с представителями сферы информационных технологий сформировалась модель описания их как профессиональной общности. Анализ текстов интервью проходил по следующим аспектам. Во-первых, главную роль играли мотивация, опыт и квалификация работников IT. Во-вторых, большое внимание уделялось особенностям структуры и иерархии в этой профессиональной сфере и компаниях. В-третьих, в качестве ключевого пункта выделялись язык и коммуникация в IT-среде. Наконец, рассматривались стереотипы и представления об IT-специалистах и их реакции на образы.

Мотивация, опыт и квалификация IT-работников

Первой в ряду значимых аспектов (как и в вопросах гайда) находится мотивация. Мотивационный блок гайда был направлен на выявление причин и условий, благодаря которым работники сферы информационных технологий выбирали эту область: что их туда привело, что заинтересовало. Было важно понять, какой комплекс предпосылок повлиял на профессиональное определение. В результате в мотивационный блок вошли вопросы о семейных историях, связанных с компьютерами или другой техникой, первом опыте использования компьютера, увлечениях в школе, выборе учебного заведения и специальности. В данном блоке проверяется следующая гипотеза исследования: IT в качестве профессиональной сферы выбирают исходя из востребованности IT-кадров.

Наиболее четкое отражение нашли две характеристики, которые оказали основное влияние на выбор будущей профессии — рыночная востребованность и личная заинтересованность в совершенствовании профессиональной деятельности. Первая из них уже подтверждалась на уровне анализа рынка труда и связана с такими факторами, как, например, развитие сферы информационных технологий, повсеместное внедрение компьютерных сетей, подготовка программ для работы. Как следствие, IT-кадры становятся все более востребованными на разных уровнях реализации и работы компьютерной техники и технологий. Несмотря на то, что гипотеза в целом подтверждается, ситуация, тем не менее, немного различается в зависимости от периода времени становления и функционирования IT-рынка.

Рыночная востребованность IT-кадров

Поскольку охват респондентов по возрасту был довольно широким (от 18 до 44 лет), «исторически» роли специалистов сферы IT различались. Поколение помладше (18–22 лет) относится к информационным технологиям и компьютерной технике более сознательно, поскольку в последнее время IT-сфера становится все более самостоятельной. Это выражается в институционализации ее на рынке труда: появляются отдельные IT-службы по поиску IT-персонала, возникают новые IT-проекты под мелкие задачи и крупные инновации, распространяется практика IT-конференций и выездов или даже IT-«университетов». В каком-то смысле, разные по возрасту респонденты сталкиваются с

разными условиями и имеют возможность участвовать в разных «перевороты» в среде информационных технологий.

На базовом уровне мотивационный аспект раскрывался через потребность обеспечения материального достатка, необходимости «заработать себе на жизнь». Эта потребность оказывается в большинстве случаев выбора профессии на первом плане, хотя практически никогда не остается единственной.

По материалам глубинных интервью более молодые респонденты (которые, как правило, еще обучаются или имеют незаконченное высшее образование) относятся к ИТ-сфере как «беспроектному» в финансовом смысле варианту трудоустройства.

*«В эту сферу я пошел, потому что мне нравились компьютеры, воз-
ииться с ними, да и “информационные технологии” звучало перспективно.
Есть уверенность, что без работы не останешься»* (М, 18 лет, систем-
ный администратор).

*«Когда я заинтересовался программированием и начал писать, воз-
никла еще потребность обеспечивать себе средства на жизнь. Через пару
месяцев самостоятельной работы с этим я понял, что могу зарабаты-
вать»* (М, 21 год, программист).

Выбор специальности исходя из рыночной востребованности про-
исходит не только у младшего поколения. Это характерно также и для
тех, кто получил уже образование по специальности в области ИТ
(23–28 лет). Кроме того, в целом положительно оценивается ИТ-
образование в качестве базовой платформы для понимания того, что
представляют собой информационные технологии и какой спектр
специализаций возможен в этой сфере. ИТ как самостоятельная сфе-
ра на рынке труда развивается очень интенсивно и требует привлече-
ния все новых кадров с новыми специализациями под новые потреб-
ности работодателей. В свою очередь, ИТ-образование направлено
на обучение специалистов широкого профиля с универсальной под-
готовкой, чтобы далее выпускники имели возможность выбора кон-
кретного прикладного направления.

*«Это дает очень широкий кругозор — ИТ-образование. А чем еще зани-
маться? Не встает вопроса о поиске работы. Рынок специалистов и ва-
кансий очень широкий, тут вопроса не стояло, чем заниматься. Не про-
сто же так учился»* (М, 24 года, тестировщик).

*«Я ГУАП закончил. Там как раз только открыли новую кафедру ин-
формационной безопасности, и образование дали отличное. Мне никакие*

курсы потом не понадобились. Работа находилась как-то сразу» (М, 28 лет, директор IT-компании).

Для более взрослых респондентов (старше 30 лет) трудовую занятость гарантировала инженерная специальность, куда и включаются компьютерные технологии. Особенно это характерно для технических вузов, где традиционно подготовка производилась на высоком уровне, и была уверенность в трудоустройстве выпускников.

«Я в наш ГТУ пошла, чтобы мочь себя кормить, чтобы была самостоятельность некая. Это школа со старыми традициями, и подготовка там была сильнейшая. После него сложно было себе представить, что ты без работы останешься» (Ж, 32 года, программист).

В результате, рыночная востребованность становится, возможно, ключевым фактором, необходимым (но часто недостаточным) условием выбора специализации. Эта характеристика является общей для работников сферы информационных технологий вне зависимости от времени, возраста и пола. В терминах ресурсного подхода, специалисты сферы информационных технологий имеют открытый доступ к экономическому ресурсу, который подкреплён, в первую очередь, рыночной востребованностью профессии и оказывается необходимым мотивационным аспектом в выборе этой профессии и сохранении принадлежности к ней. Таким образом, вторая гипотеза данного раздела подтверждается.

Личная заинтересованность в совершенствовании профессиональной деятельности

Еще одним важнейшим аспектом является личная заинтересованность в этой профессиональной области. Появление интереса обусловлено различными факторами, так как происходит в разное время в течение жизни: в детстве, школьном периоде, студенчестве или уже непосредственно на работе. В большинстве случаев интерес связан с возможностью знакомства с компьютерной техникой, доступа к ней еще в раннем возрасте — детские и школьные годы. Знакомство само по себе не имеет значения, если оно не сопровождается любопытством, которое и приводит к заинтересованности в данном виде деятельности.

«В детстве появился у нас дома компьютер. И я целыми днями сидел, делал что-то, интересовался, разбирался. Это, конечно, в первую очередь связано непосредственно с человеком. Если не нравится то, чем ты занимаешься, никогда ничего не получится» (М, 25 лет, web-дизайнер).

«Лет в 12 отец приволок откуда-то домой компьютер, ну а век компьютеризации сделал свое дело. Определение в эту сторону все-таки уже после школы произошло. Я уже тогда понимал, что IT — очень широкая область. Но как специальность она мне была без особых эмоций, поэтому я и решил попробовать. Интересно стало так, что попробовал на 5 лет» (М, 24 года, тестирующий).

Более того, сфера информационных технологий открыта и для практических экспериментов. В современной школьной программе информатика входит в перечень необходимых дисциплин, поэтому школьники получают возможность познакомиться с компьютерной техникой и приобрести основы взаимодействия с ней. Подобной базы достаточно для того, чтобы далее экспериментировать с новыми задачами («для себя») и получать конкретные результаты от этого.

«Как-то состоялся разговор о том, что мне не нравится в компьютерных программах. Все закончилось списком пунктов, ну, и решением заняться этим вопросом самостоятельно. Самые основы для этого уже были из школы» (М, 21 год, программист).

«Я в школе интересовался программированием, потому что уже была такая возможность. И собственно, писал игры для себя, получал от этого удовольствие. Естественно, решил продолжить, мне нравилось» (М, 23 года, web-программист).

Даже если соответствующий интерес не появился в детские годы или школьный период, решающую роль все еще может сыграть появление возможности применения знаний на практике. В этом смысле IT, благодаря своему прикладному характеру, имеет широкую область применения и фактически неограниченные возможности создания новых программ и продуктов.

«В школе особо никогда не интересовалась ими [информационными технологиями. — Л.З.], но мне всегда нравилась математика и физика... Предпосылки появились, когда поступила в университет, и появились предметы, связанные с компьютером. Тогда в принципе и начала заинтересовываться, так как примерно в это время комп и появился в моей семье, могла все пробовать сразу» (Ж, 24 года, инженер-программист).

Особая ситуация, характерная для старшего поколения, складывалась в конце 1980-х гг. В то время на инженерных факультетах возникали добровольные кружки, курсы по обучению новым продуктам. Они еще не были обязательными дисциплинами и существовали скорее как факультативы или авторские курсы. Если в студенчестве уда-

валось попасть на такие экспериментальные площадки, это в дальнейшем имело большое влияние на их выпускников.

«Заинтересовался компьютерными технологиями я в институте. За эти два года много чего поменялось, в стране перемены, персоналки в институте появились в это время [1987—1989. — Л.3.]. <...> В институте менялась программа под влиянием времени. Один из доцентов решил сделать экспериментальный курс. Нам тогда добавили часы программирования и нескольких спецпредметов под направление работы НИЧ [научно-исследовательская часть. — Л.3.]. Велось обучение программированию КАБОЛ, ФОРТРАН [алгоритмические языки программирования. — Л.3.]. Нам, кто в НИЧ работал, конечно, в первую очередь было предложено. Вот и оплатили нам тогда курсы по языку С, занятия были месяца полтора. Я оттуда вынес два толстых конспекта, и только спустя какое-то большое время стал понимать, что именно мне прочли; буквально, педагог охватил все» (М, 44 года, системный администратор).

Итак, второй характеристикой, необходимой для специалистов сферы информационных технологий, является личная заинтересованность в совершенствовании профессиональной деятельности. Она может начать появляться в разных условиях и в разные периоды формирования ИТ-сферы, но по необходимости связана с возможностью «попробовать» сделать что-то самостоятельно. Объединяющим и общим здесь является именно прикладной характер труда, результаты которого не отчуждены, а становятся следствием и одновременно причиной продолжающегося интереса и тяги к экспериментированию.

Мотивационный аспект, таким образом, раскрывает условия формирования интереса и процесса приобщения к области информационных технологий. Здесь доминируют две основные причины выбора — уверенность в рыночной состоятельности и востребованности, а также развитие персональной заинтересованности в работе с компьютерной техникой и ИТ в целом. Обе эти причины играют в дальнейшем важную роль в приобретении опыта и повышении квалификации.

Наличие практического опыта

Приобретение опыта является необходимым условием профессионализации ИТ-работника. В данном случае опыт означает набор соответствующих знаний и навыков, причем он может приобретаться как самостоятельно, так и в процессе обучения в разное время, а также выражаться и в теоретическом виде, и решении практических задач.

Наиболее показательно понимание опыта в процессе приема на работу. В этом случае возможны ситуации двух типов. Первый возникает, когда полученное образование не относится к сфере информационных технологий. Здесь необходимо самостоятельное изучение и знакомство с предметом и средой, в которой осуществляется работа. Характерно это скорее для молодого поколения IT-работников (18–22 года). Обилие соответствующих книг и учебников, обучающих пособий, руководств пользователя, открытый доступ к информации глобальной сети позволяют достаточно легко овладеть необходимыми для решения практических задач знаниями.

«Вообще я учусь на повара. Но с компьютерами как-то всегда на “ты” были. Лет в 13 попробовал для себя создать первый сайт, по ходу учил языки программирования. Так и сложился опыт. Его хватило, чтобы на работу устроиться нормальную» (М, 18 лет, системный администратор).

«Я как-то сам заинтересовался, скачал среду. Есть замечательные мануалы [руководства. — Л.З.], поэтому сам начал писать. <...> Поначалу я периодически обращался за помощью, искал в интернете. Без интернета для новичка появляются трудности, которые так просто решить не можешь. То ли я поменялся, то ли появилась привычка искать в интернете, но стало намного легче. Поэтому работать получается» (М, 21 год, программист).

В случае, когда в коллектив опытных работников приходят «новички» с недостаточным или минимальным опытом, процесс научения и профессионализации интенсифицируется. Поэтому общественным показателем тут является также взаимонаучение.

«Приходят иногда ребята без IT-образования, но что-то там сами узнали, накопили. Мало того, что им Google в помощь, сейчас вообще проще с этим. Но аййтишники друг другу всегда помочь рады. Пообщались, узнали, научились. Мгновенно опыта набираешь» (М, 24 года, тестировщик).

Второй тип ситуации более распространен. Речь идет об IT-специалистах, получивших соответствующее (или смежное) образование. Информационные технологии как профессиональная область открыта для получения разнообразного опыта, что позволяет специалистам ориентироваться в возможностях IT-профессии. Обычно во время обучения студентам уже удается определиться с тем, в каком направлении они хотят двигаться и накапливать соответствующий опыт. Уже в студенчестве спрос на специалистов по компьютерным технологиям достаточно высок, поэтому выпускники, как правило, свободно ориентируются в профессиональной сфере.

Приобретение опыта во время обучения позволяет, таким образом, выпускникам сориентироваться в направлении желаемой деятельности. Здесь также немаловажную роль играет и личная заинтересованность, отмеченная нами ранее.

«Интерес начал появляться где-то на третьем курсе, когда я открыла для себя предмет [программирование. — Л.З.], который мне действительно нравился, и я его легко и хорошо понимала. Естественно, пыталась найти работу по профессии. Так и получилось в принципе. Сначала я работала просто техником, но в дальнейшем выросла до инженера-программиста» (Ж, 24 года, инженер-программист).

В некоторых случаях выбор детерминируют жизненные обстоятельства, но и в подобных случаях выбор траектории становится сознательным и сопровождается заинтересованностью в своей деятельности.

«Мне стало интересно в конце второго курса, когда на распределении выбрал кафедру кибернетики. На 4 курсе я женился, и уже нужна была конкретная работа. Я отправил резюме в компанию 1С, нашу российскую. На меня оттуда и вышли ребята, взяли к себе. С тех пор я там и работаю» (М, 27 лет, программист).

Предыдущие два примера были связаны с выбором одного направления профессионализации. Однако не менее показательным является и то, что ИТ-специалисты стараются разнообразить свой опыт уже во время обучения, чтобы лучше понимать свои возможности на рынке труда.

«На первом курсе волею судеб попал на первую работу, где стал заниматься городским сайтом и обслуживанием рабочих компьютеров. Через некоторое время предложили работать уже в другом месте. Мы там вместе с директором с нуля подняли сеть, настроили все компьютеры. Обе работы помогли набрать опыта в компьютерах и сайтостроении. Через некоторое время появился первый клиент, на котором я смог попробовать свои силы в SEO» (М, 26 лет, программист).

Подготовка в университете является базовой, универсальной, и это также является спецификой сферы информационных технологий как области профессиональной деятельности. В то же время развитие ИТ происходит очень интенсивно. Поэтому в задачи вузов входит не столько подготовка конкретных узких специалистов (что само по себе представляется сложным), а скорее предоставление максимально широкой базы для дальнейшего самостоятельного развития. И далее, набирая соответствующий опыт в процессе обучения, специалист выбирает собственный карьерный путь.

«Все-таки подготовка в вузе была очень значима, потому что дали все и сразу. С такой базой сложно было заблудиться, так сказать. А дальше уже — что тебе больше нравится, туда и пробуешь попасть. Хорошие программисты без работы не остаются» (М, 28 лет, директор IT-компаний).

Нередки ситуации, когда с базовым образованием в одной области IT-специалисты сознательно уходят в другую, поскольку лучше понимают степень своей заинтересованности в той или иной деятельности.

«Я же учился по специальности «Программирование», но за 5 лет я понял, что не хочу быть программистом, хочу работу с процессами, IT-инфраструктурами. Сначала с научником попробовал поработать, диплом сдавал. <...> Мне очень помогло определиться с тем, что дальше делать и куда идти. Универ дал широкий кругозор. Программирование, C++, начальные навыки для того, чтобы дальше развиваться уже узко, там, тестировщик, программист, сисадмин, технический специалист. Университет дает базу» (М, 24 года, тестировщик).

Кроме того, интенсивное развитие IT позволяет на основе имеющегося образования и с наличествующим опытом развиваться дальше в том направлении, которое еще не успело институционализироваться.

«Учился на программиста, и знал, что буду тут и работать. С появлением нормального интернета стал интересоваться web-ом [Интернет-технологии. — Л.З.], делать простенькие сайты и учиться в этом направлении. Нередко сомневался в правильности курса, так как достаточно долго более фундаментальные технологии и языки программирования казались более перспективными. Впоследствии web отобрал у фундаментальных технологий огромное количество ниш. Оправдал свою значимость» (М, 23 года, web-программист).

Наконец, полученный во время обучения опыт также открывает перспективы использования знаний и навыков в тех областях, которые не просто не институционализированы, но еще находятся на стадии оформления даже на рынке труда. Зачастую они требуют смежного образования, а не только специфически IT, как, например, дизайнер в компьютерных технологиях.

«Профессионально стал заниматься во время университета. Откровенно говоря, на программиста не хотел учиться, думал пойти на творческое направление, все-таки художку заканчивал. Но на то время было модно, все говорили, что компьютеры это круто. Но знания в университете, конечно, получил, особенно если требуется потом узкая специализация. Вот такое образование дает базу, объясняет, как это работает,

это сильно потом помогает. И вот так, изучив структуру программ, легче распознаешь другие, понимаешь, что и как. <...> От программирования я постепенно отходил, по ходу начал заниматься другими вещами. Сначала были рисовалки, потом пошло профессиональное создание сайтов, дальше реклама. Сейчас все стало как-то более техническим в проектировании и создании дизайна интерфейсов. И вот я занял нишу между программистом и дизайнером» (М, 25 лет, web-дизайнер).

Кроме того, в связи с большими возможностями смены рода деятельности в рамках сферы информационных технологий распространяются практики, направленные на получение дополнительного образования в IT-сфере. Альтернативой самообучения является прохождение курсов и получение сертификатов. Особенно эта практика приветствуется тогда, когда планируется кардинальная смена деятельности.

«Я пошел на курсы тестирования в конце 5 курса. Сертификатик лежал, через 1,5 года с ним вернулся. Всегда нужно сферу в IT, нужно либо самому, либо курсы. Какие-то навыки принципиальные знать необходимо — методологию и методику. Если ты программист, тебе обязательно. <...> Тут возможность выбрать, что ты хочешь. Большинство друзей прошло курсы: базы данных, языки, тестировщики» (М, 24 года, тестировавший).

Однако такие практики не являются необходимыми или обязательными повсеместно.

«В крупных оффшорных компаниях часто требуют сертификаты, там, майкрософтовские, например. Но я не могу сказать, что это важно и нужно. Смотря, где работаешь» (М, 28 лет, директор IT-компании).

Итак, к опыту в профессиональной сфере IT относятся знания и навыки, получаемые в процессе образования или самообразования, а также дополнительных мероприятий. Кроме того, опыт приобретается в ходе экспериментирования и попыток практических решений задач в личных целях. Данная характеристика позволяет определить границы того, с чего начинается профессионализация IT-работника. Несмотря на то, что эта граница будет очень условной, опыт является необходимым и достаточным условием для того, чтобы приобретать на этой основе соответствующую квалификацию.

Способность к инновационному динамизму

Данный критерий связан с возможностью быстрого приобретения квалификации в сфере IT. В результате приобретения профессионального опыта, специалист получает определенную квалификацию.

Хотя грань между опытом и квалификацией довольно размыта, можно провести следующее аналитически значимое различие. При анализе опыта акцент делается скорее на формальное определение того, какие знания и навыки работник приобрел в ходе обучения или работы. Квалификация в этом смысле позволяет больше сказать о самой профессионализации как процессе, а именно: какие факторы реально способствовали «вхождению» в профессию, что играло важную роль в этом, ключевые моменты. Квалификация является не столько набором знаний и навыков, сколько результатом конкретной практической деятельности в рамках данной специализации.

Квалификационный аспект прослеживается, в частности, через правила приема на работу IT-специалистов. В первую очередь, особенности этих правил связаны с прикладным характером работы. Поэтому основной акцент направлен на проверку конкретных практических навыков, мгновенное решение задач специфического характера (математика, логика, информационные системы), коммуникативную адекватность.

«Меня попросили написать примитивную программку на алгебру-логику. Задача на сообразительность в коде. Смотрят, насколько у тебя математически развит мозг. Спросили и по специализации тоже. Теория вероятности, из разных областей, которые корнями в математику уходят» (М, 24 года, тестирующий).

«Мне дали тестовые задания, я справился. Помогло еще, конечно, общение с человеком, как-то надо суметь входить в контакт с работодателем, чтобы он понимал, кто ты, что знаешь, умеешь вообще. Естественно, пригодились профессиональные навыки с учебы в универе, предыдущих работ» (М, 25 лет, web-дизайнер).

Другая сторона квалификационного аспекта заключается в той работе, которую выполняет специалист, насколько с ней справляется. Важно то, что квалификация IT-специалиста складывается во взаимодействии двух направлений. С одной стороны, все IT-работники ориентируются как в общих принципах работы информационных технологий в целом, так и в своей узкой отрасли. С другой стороны, IT-работа — это всегда прикладная работа, связанная с конкретным продуктом. Необходимо поэтому разделять, о каком измерении идет речь, чтобы измерять квалификацию IT-работника.

«Только диплом может сказать, что я специалист. Я таким себя не считаю. Сейчас я тестированием занимаюсь. Программист может сказать, что он спец. Когда ты широкого профиля, тогда ты просто айтишник

с широким кругозором. Знаний много всего, но каждая конкретная сфера специализирована. Завтра я могу тестировать что-то другое, а называется все равно тестированием, но содержательная часть ведь требует других навыков, знания. Область IT предметная в работе, а так чтобы себя уверенно, требует широкого спектра знания. Как минимум требуется знание программного обеспечения о софте» (М, 24 года, тестировщик).

«Я на своей работе и сисадмин, и SEO-оптимизатор. Что я не умею, спрашиваю у Google. В работе важно поддержание информационной инфраструктуры. Если ты как специалист справляешься, тогда у других в работе проблем нет» (М, 18 лет, системный администратор).

Более того, квалификация оказывается, в конечном итоге, показателем в определении и границ профессионализации, своеобразной точкой отсчета.

«Есть параметры, по которым можно профессионала отличить. Если пишет программы, то это уже не просто уверенный пользователь. Обычный уверенный пользователь, конечно, не айтишник. Полтора года назад я могу сказать, что стал профессионалом, когда устроился. Фриланс тоже профессионализм, но в зависимости от сферы. Это все-таки зависит от квалификации. Я могу бинтом палец замотать, но я не врач. Айтишник это ведь профессия, это не душевное состояние» (М, 25 лет, web-дизайнер).

Важной особенностью и значимым для специализации и профессионализации фактором является создание условий для обучения на месте, то есть подстройка под конкретные задачи, возможности роста и развития, разнообразие видов работы и ее содержания. Следствием этого становится адаптация и интеграция «новичков», работников с минимальным опытом в профессиональную сферу. Кроме того, подобная ситуация является показателем командного принципа организации работы (подробнее об этом ниже).

«Мне с местом работы повезло, в этой компании человек 10 работает, что создает весьма специфические условия. Прием кардинально отличается. Вообще минимум формализма. То же самое происходит и в условиях работы. Начальство, с одной стороны, доверяет, четко понимает, что ему от меня надо. Шеф учитывает, что я пришел практически с нулевым уровнем. Началось все с того, что мне поручили разработать проект с начала до конца. <...> Это было полезно, я представил систему, как она работает» (М, 21 год, программист).

«Я пришла на должность IT, не имея никакого опыта. <...> Подключила все свои силы и знания, при этом параллельно изучала постоянно

что-то. Навыков было приобретено много, включая и мелкие, и крупные, по написанию кода, по работе с локальными серверами, узнала много о MVC [Model View Controller. — Л.З.]. И в принципе много узнала о web-программировании, сейчас им и занимаюсь» (Ж, 24 года, инженер-программист).

С другой стороны, подготовка на рабочем месте способствует также высокой мобильности ИТ-специалистов, когда возникает возможность менять род деятельности и увеличивать свои шансы на быстрый карьерный рост.

«По большей части сейчас уже заинтересованность в воспитании своих кадров. Здесь ротация кадров еще очень большая. Ты становишься специалистом и ищешь себе место получше. Айтишники меняют место работы как перчатки. Понимаешь цену на рынке. Это минус для компаний. Зачем вкладывать деньги в специалиста, пусть лучше свой кирпичик внесет и уйдет. Приходят и уходят» (М, 24 года, тестировщик).

Характерно также и то, что приобретенный опыт и квалификация в одной отрасли ИТ не означает рост только в этой узкой специализации. Более того, нередки случаи, когда, достигнув определенного уровня квалификации в одной отрасли, ИТ-специалист меняет ее на другую — это самый яркий пример способности к инновационному динамизму. Подобная горизонтальная мобильность свидетельствует о разнообразии специализаций, возможности их комбинирования, смены, профессионализации в нескольких из них.

«У меня по жизни было две специализации — как программист начинал, лет 10 занимался компьютерным программированием. В другой конторе писал коммуникационный софт для банка. <...> Потом устроился в отдел перспективных технологий. Это мне нравилось, это меня сподвигло согласиться. <...> Мы занимались софтом и первичной диагностикой. И надо было удаленно уже это делать, сами прогресс и сделали» (М, 44 года, системный администратор).

Опыт и квалификация оказываются в результате необходимыми ресурсами и условиями в достижении профессиональных успехов, выстраивании карьерного пути, и в целом профессионализации ИТ-работника. Изначально различные условия для потенциальных работников этой сферы сглаживаются благодаря наличию практического опыта и способности к инновационному динамизму, что означает повышение квалификации в конкретной сфере ИТ.

В целом мотивация, опыт и квалификация как характеристики профессиональной общности работников сферы информационных

технологий не могут «работать» отдельно от других характеристик, связанных с коммуникацией, командной работой, высокой мобильностью. Тем не менее, они являются базовыми условиями для становления IT-профессионалов и позволяют объединять их в отдельную общность.

Особенности структуры и иерархии в IT-сфере

В сфере информационных технологий обнаруживаются различные типы выстраивания структур взаимоотношений между областями деятельности внутри IT, с другими профессиональными сферами, в специализированных компаниях и отделах и даже между IT-коллегами. Как было установлено ранее, IT-сферу целесообразно исследовать как сетевую структуру, поскольку различные ее элементы могут быть связаны, но не быть похожими. Существуют организации и отделы как с жесткой иерархичной структурой, так и без «вертикали власти» и с неформальными отношениями между коллегами. Гипотеза к данному разделу заключается в следующем: сетевой принцип организации IT-общности расходится с традиционными иерархичными структурами, и, следовательно, детерминирует отношения контроля над деятельностью и распределение власти в IT-среде.

Поскольку IT как профессиональная область проходила разные стадии развития, то определенные характеристики могли добавляться или исчезать с течением времени. IT-работники имеют представление о соотношении различных специализаций, которые входят в эту область. Эта информация также находится в открытом доступе в Интернете или в книгах-пособиях. И, несмотря на отсутствие единых классификаций, можно определить, кого включают в сферу IT по функциональной работе.

«IT — это информационные технологии. Это все в нашем мире. Программисты, сисадмины, защитники информации, защитники сети, сайтов, апгрейженные сисадмины. Те, кто работает с сайтами, серверами, локальными сетями. Дизайнеры тоже IT, так как делают дизайн, и, по крайней мере, в чем-то условном понимают» (М, 18 лет, системный администратор).

«Разные бывают градации. Те, кто тянет сети, железячники, прогеры, пишущие техзадания. Они как касты индийские, кажется, хотя на самом деле можно и там и там работать» (Ж, 32 года, программист).

Множественность классификаций IT-работников

В определенном смысле особенности различных направлений деятельности лучше всего представляют работники с большим стажем (более 20 лет). Дело в том, что в разные периоды развития информационных технологий специалисты выполняли разные задачи. Это естественным образом предопределяло и структуру работников этой сферы, и комплекс решаемых ими задач. История одного из респондентов демонстрирует подобные нюансы «с высоты личного опыта».

«Когда перешел из программистов в сисадмины, я сильно почувствовал. В программистах был главным результат. Приходилось программировать на работе, не было важно, что сидел 8 часов. Атмосфера расслабленная, эстетская. Люди делали полный цикл. Сейчас программированием называют коддинг. Задача от постановщика, который знает, что хочет заказчик, прописывает техническое задание. В то время это было сродни искусству. Человек от начала до конца все делал сам. Даже от анализа рынка: что продается, будет иметь коммерческий успех. Сам, с привлечением сил по необходимости. Это было интересно. Сейчас большие проекты невозможно тянуть одному человеку, тогда было проще. Я сделал свой кусок, хорошо. В команде в рамках своего куска я был хозяином. В госконторе такого не было. Пришел, звонок, ушел, звонок. В разбездной части работа в основном. А сисадмины сидят на местах. Хотя они завязаны на пользователя. <...> Есть энкейщик. Прокладка сети, закупка, настройка, установка, железа, софта, телефонии, вопросы пользователя, все, что вы можете себе представить такого плана, все на нем. Ключевой вопрос, конечно, где на клавиатуре энкей. Знаете, там пишут «Нажмите любую кнопку», по-английски понятно “Press any key”. Вот и получается, что техподдержка это первый барьер обороны. Там в основном малоквалифицированные ребята сидят. Техслужбам уже достаются более квалифицированные вопросы. Они — инженеры поддержки. Следующая ступень админов — элита, они делают сервера, кластерные системы, большие базы данных. Пользователи к ним почти никогда не добираются. Разные уровни оплаты, круг вопросов, степень интересности задач. Я побывал на разных уровнях. По жизни мне проще оказалось побыть энкейщиком, можно между несколькими конторами лавировать, не засиживаться на месте» (М, 44 года, системный администратор).

Более молодое поколение также имеет представление в целом об иерархии в отдельных отраслях современных IT, особенно если имеет опыт управления IT-компанией.

«Есть создание продукта, продажа и там же интеграция. Продажники вообще отдельно. Существенно различаются администраторы и некоторая версия интеграторов. Это вторая версия развития айтишников. Тестировщики очень близко к программистам. Low class по сравнению с программистами. <...> Сначала идут ручные тестеры. Им дают приложение, они в него тыкают пальцем в попытке вызвать критическую ошибку. Далее идет автоматизированное тестирование. Это когда человек тестирует уже с применением какого-то интеллекта, средств специального тестирования. Есть сервер, и он строит систему и настраивает некоторые инструменты, чтобы они исполняли его приказы. Это более продвинутая версия тестера. Далее уже такие продвинутые программисты. Просто это разные ветки, их нельзя так сравнивать, в явном виде. Программисты есть совсем кодеры, которые называются манки-кодеры [от monkey-coder. — Л.З.], люди, которым даешь конкретную задачу. Человек идет и пишет ее, она совершенно очевидная. А есть люди, которые архитектурой занимаются. То есть они видят весь программный продукт целиком. <...> Там очень продвинутые люди. Есть исследователи, которые с точки зрения программирования никакой особой работы не выполняют, но решают более интересные вопросы, считают нагрузки, еще что-нибудь. У них мало кода, и он обычно не очень хорош. Но он выполняет очень интеллектуальные и очень важные функции. Это три основных типажа — исследователь, тот, кто кодит, и тот, кто занимается архитектурой» (М, 28 лет, директор IT-компании).

Примечательно, что, владея подобной информацией о своем узком поле, IT-профессионалы могут не знать об особенностях других видов деятельности: «У сисадминов я вообще ничего не понимаю» (М, 28 лет, директор IT-компании).

Несмотря на то, что в целом есть определенная иерархия по отдельным направлениям, работа осуществляется в зависимости от выполнения конкретных задач в данном конкретном предприятии или подразделении. Аналогично построена и связь между отделами.

«Я проектировщик и дизайнер интерфейсов. Заходил дизайнером, стал проектировщиком постепенно. Обычная иерархическая структура. Я сейчас стал ведущим дизайнером» (М, 25 лет, web-дизайнер).

Контроль деятельности может осуществляться по-разному. IT отличается тем, что этот контроль прозрачен и предусмотрен системой автоматизации. В крупных компаниях преобладает многоступенчатая система контроля, состоящая в ряде случаев из общей базы индивидуальных заданий, руководителей отделов и контрольного отдела.

«Есть начальник функционального тестирования, есть начальник регрессионного тестирования, и над ними есть общий начальник. Иерархия достаточно прозрачная. Есть тот, кто контролирует работу, как ты прописал то, что ты делал. Есть общая система контроля — где висят задания, ты контролируешь, какой task (от task — задача. — Л.З.) на тебе висит» (М, 24 года, тестировщик).

Способность к работе в команде

Ранее отмечалось, что сотрудники IT-отделов руководствуются правилами взаимовыручки и взаимопомощи. Это проявляется в различных профессиональных ситуациях: прием и обучение новичков на работе, консультации по решению индивидуальных задач, механизмы достижения общей цели коллективной работы. Даже в тех ситуациях, когда работник IT-сферы не является частью коллектива (допустим, единственный системный администратор в компании), он всегда может рассчитывать на помощь виртуального сообщества из глобальных сетей. При этом важной характеристикой во всех этих случаях оказывается готовность к командной работе.

Распространена в большинстве компаний практика проектной работы, когда для каждого отдельного проекта (разработки, внедрения) собирается команда из штатных сотрудников. В таких проектах складываются другие взаимоотношения, как личные, так и структурные, формальные и неформальные.

«Компания большая. Это самая большая франчайзинговая компания. Несколько филиалов в регионах. Есть крупные проекты, есть отдел руководителей проектов, внедренцев, где я... отдел сопровождения. РП-шники [руководители проектов. — Л.З.] берут себе кого надо, тащат себе на проекты. Согласовывают с начальником, собирают команду. Мне, например, с РП-шниками часто интереснее работать» (М, 27 лет, программист).

Такая ротация кадров позволяет работникам участвовать в разных процессах на различных этапах, способствует развитию навыков командной работы, и в целом повышению квалификации по данным конкретным задачам. В то же время, на постоянных рабочих местах происходит большой обмен профессиональной текущей информацией. По необходимости складывается постоянное взаимодействие между работниками различных отделов и специализаций.

«Смотря как ты тестируешь, ты имеешь дело с кодом, и программируешь, и пишешь. Хотя тоже смотря какой. Плюс, общение с отделами

программистов, интеграции, более интерактивная работа. Терминология различается между отделами. Я тестирую софт, взаимодействую с отделом интеграции. Сделай “то-то” написано своим сленгом, периодически непонятно. У нас попроще язык все-таки. ИТ подразумевает свободу передвижения в рабочем пространстве. Это интерактивная достаточно работа» (М, 24 года, тестирующий).

«Я работаю в отделе производства программно-технических комплексов. В целом есть 4 направления, это Java, C++, C# и Web. Все они между собой как-то связаны. Очень часто приходится решать задачи параллельно, или одна задача влечет изменения в нескольких направлениях. Очень часто наш отдел сотрудничает с отделом внедрения и сопровождения, он занимается разработкой документации, а наш отдел — ее визуализацией. Естественно, приходится со многими общаться, а так как web-приложение включается в большее число направлений, то и общение очень разнообразное» (Ж, 24 года, инженер-программист).

Таким образом, особенности структуры и иерархии в сфере информационных технологий выявляются с помощью множественных классификаций специалистов отдельных областей и разнообразия видов командной работы. Данные характеристики показательны потому, что отражают комплексность исследуемой общности в двух различных измерениях — структура специализаций и «горизонтальные» взаимоотношения. Как следствие, подтверждается гипотеза об интенсивных взаимоотношениях ИТ-работников. Вторая же гипотеза данного раздела в целом опровергается, поскольку традиционная иерархичная структура сохраняется, хотя преобладают автоматизированный тип контроля и неформальный стиль поведения.

Коммуникация и язык в ИТ-среде

В результате анализа текстов интервью было выявлено, что работники сферы информационных технологий сформировали свой профессиональный язык, который используется не только для обсуждения профессиональных задач, но и достаточно часто используется в повседневной жизни. До сих пор речь шла о том, как устроены ИТ и какова специфика работы в этой области. Так, были выделены характеристики, описывающие ИТ-работников как общность — уверенность в рыночной востребованности и заинтересованность в профессиональной деятельности — которые являются необходимыми условиями

для дальнейшей профессионализации IT-работников. В то же время были рассмотрены возможности множественной классификации специалистов и командная работа как показатели особенности структуры этой общности. В результате возникают вопросы о том, как реализуются данные характеристики, что объединяет работников этой сферы, какие общностные черты ее формируют. Поэтому следует обратиться к тому, что проходит через все тексты интервью, — специфическому языку IT-специалистов. Эта составляющая включает все то, что связано с языком, общением и коммуникацией. В данном разделе проверяется гипотеза о том, что IT-работники используют язык для взаимной идентификации.

В первую очередь необходимо было понять, насколько профессиональный язык имеет место и какую роль играет. Выяснилось, что язык является одним из самых сильных демаркационных показателей. В первую очередь, по языку и разговорам различаются представители IT и других сфер. Так, например, создаются сложности для доступа в профессиональное сообщество, поскольку язык характеризуется изобилием специальных терминов, жаргонизмов, сленга.

«Все остальные часто просто не понимают, о чем они говорят ай-тишники» (М, 18 лет, системный администратор).

«Речь будет отличаться наличием жаргона, если только зайдет разговор о работе» (М, 26 лет, программист).

Вследствие того, что одной из первых характеристик, отличающих IT-общность, выделяется личная заинтересованность, она проявляется также и применительно к речи и коммуникации — общие интересы, темы для разговоров.

«У людей с общей профессией больше общих тем для разговора. Вот и отличаются темы разговоров, юмор, основанный на темах из интернета» (М, 23 года, web-программист).

«Отличают общение, разговоры. Как ни крути, мы общаемся по большей части на темы айтишные. Компьютерные новости, новшества, кто кого купил, у кого сколько миллиардов, экономика фэйсбука, твиттера» (М, 25 лет, web-дизайнер).

Кроме того, язык и речь в этом смысле становятся базовым определителем дилетантизма, различением любительства и профессионализма.

«Я только при общении смог бы отличить специалиста от любителя, это как-то очевидно сразу становится» (М, 27 лет, программист).

«Только в разговоре можно понять, айтишник ты или нет. Если ты определенный специалист, и вы разговариваете об определенных вещах,

ты сразу видишь, что он неуверен, говорит откровенную ерунду. Любителя от профессионала можно везде отличить. Когда у тебя подгоревшая корочка, это нехорошо» (М, 24 года, тестировщик).

В то же время в зависимости от специализации IT-работника, эта демаркация также может носить разный характер. Например, в случае с системными администраторами, которые в наибольшей степени сталкиваются с простыми пользователями компьютерной техники, возникает необходимость перехода на разные уровни представления информации, и, соответственно, языки.

«В общем, да, отличаются, конечно, профессионалы. По апломбу, с которым заявляется как факт абсолютная чушь. В любой конторе есть такой местный гуру. Он больше всех уверен, что он знает. Он пытается со мной поговорить о высоком. Есть те, кто понимает, что не понимает. Иногда это все знают. Разные языки, разный базис. Приходится отвечать в модели восприятия человека, который подошел. Те, кто занимаются серверами, не поймут. Это другое искусство немножко. Техподдержка может переходить, опираясь на то, что знает пользователь, привести его к результату. В этом деле тоже есть свои звезды» (М, 44 года, системный администратор).

Таким образом, работники сферы информационных технологий не просто отличаются наличием жаргона, сленга или темами разговоров, они используют язык как маркер, показатель того, что их объединяет и одновременно отличает от других.

Также важно учитывать и разницу между языком и сленгом представителей разных узких специальностей, хотя проблем во взаимопонимании, как правило, в этой области не возникает.

«Админ 93 винды [операционная система Windows 93. — Л.З.] или 95, а другой админ 98, у них есть уже различия. Программисты тоже могут спорить очень долго — C# или ассемблер. C++ об ассемблере должен знать. Готовишь курицу — не значит, что хорошо делаешь мясо» (М, 24 года, тестировщик).

Интенсивная внутренняя коммуникация

Второй не менее важный аспект, и даже, возможно, более показательный заключается во внутренней коммуникации и общении среди сотрудников компании или между представителями сферы информационных технологий вообще.

Во-первых, коммуникативный критерий позволяет выделить IT-работников как общность именно в этом аспекте.

«Мне говорили, что айтишники некоммуникабельны. Но среди айтишников мы очень коммуникабельны. Просто сдружились» (М, 27 лет, программист).

«Айтишники в большинстве своем просто остроумные ребята, действительно с хорошим чувством юмора» (М, 26 лет, программист).

Во-вторых, коммуникация характеризует и общность рабочих условий.

«Там, где я работаю, у нас маленькая демократичная команда с одним лидером. Общаемся между собой постоянно. Много и интересно» (М, 23 года, web-программист).

«Компания собрала добрых, общительных, умных людей. За обедами происходит колоссальный обмен информацией» (М, 25 лет, web-дизайнер).

В дополнении к языку можно отметить также роль английского языка. Она подчеркивается всеми как необходимое для профессионализации условие.

«Постоянно англоязычная литература. Если это софт, то мы берем готовый продукт, который доступен на английском. Технологии уже разработаны, софт мы делаем. Например, баг заблокирован, потому что ожидается ответ от Майкрософт. Есть мировой стандарт, который не может быть переведен. Все на английском. Для понимания того, что получаешь на выходе, английский нужен» (М, 24 года, тестирующий).

«Существенная роль, его надо знать. Чем больше ты знаешь, тем больше возможностей. Общение с заказчиками предполагает свободное общение. Без технического английского здесь делать нечего» (М, 44 года, системный администратор).

Для крупных IT-компаний характерен и корпоративный язык, и свобода общения в рабочее время. Вспомним командную работу как характеристику общности IT-работников, а также неформальный стиль общения как преобладающий даже в жестко иерархизированных организационных структурах.

«В отличие от обычных работ офисных намного больше свободы. Мини-фриланс. Общаешься с кем попало, по любому поводу, в огромном коллективе, письма, скайп, всё современно. <...> Западная манера — общаешься на “ты”, это облегчает взаимопонимание. <...> Ты не просто пишешь “Вот, процесс не работает”, а ищешь логи. Иногда пишешь интегратору, потом звонишь программисту, ты со всеми пообщался, собрал

инфу, отослал. Проблем особо нет. В IT в принципе все понятно. Плюс есть корпоративный сленг в этой компании, надо в него въехать. Специфика софта подразумевает свой язык» (М, 24 года, тестировщик).

Высокая степень самоорганизации и свободы

Здесь следует раскрыть категорию «свободы», поскольку IT-работники используют это слово, когда характеризуют особенности своей работы, которые, по их мнению, отличают IT-сферу. В разных смыслах этот показатель проявляется у большинства опрошенных: свобода передвижения, свобода выбора работы в целом и распорядка выполнения задач в частности, свобода мышления (близкая к творчеству). Например:

«Начальник дает свободу решения и определенные сроки. Он всегда готов помочь, но блюсти то, как ты что делаешь, он не будет, главное результат. И на мой взгляд, я считаю это правильным, так как в какой-то мере IT-специалисты тоже творческие люди, и чем-то их ограничивать или убеждать порой нет смысла. Поэтому дается свобода действий, и благодаря ей все решается» (Ж, 24 года, инженер-программист).

Итак, язык, общение, коммуникация, таким образом, оказываются важнейшим фактором для поддержания общности работников сферы информационных технологий. Даже по коротким выдержкам из интервью можно видеть обилие сленга, жаргонизмов, специальных слов. Профессиональный язык IT-специалистов становится маркером, фактором взаимной идентификации и отделения от других профессий. По сути, это общий язык является первой и ключевой характеристикой IT-работников как профессиональной общности. Профессиональный язык, личная заинтересованность в работе способствуют интенсификации коммуникации, поддержанию неформального стиля взаимодействия, и, наконец, реализации свободы как условия для выбора деятельности, выполнения задач, творчества. В результате обе гипотезы данного раздела подтверждаются и обнаруживают связь с ранее сформулированными гипотезами.

Образ IT-специалиста в стереотипах

Для завершения списка характеристик IT-общности обратимся к восприятию этих работников представителями других сфер. Наиболее показательной с точки зрения того, как воспринимаются IT-работники извне, является внешняя идентификация через описания. Отношение

второго порядка, т. е. отношение самих IT-работников к этим описаниям, демонстрирует, в свою очередь, динамику изменений внутри самой сферы. Поэтому важно проанализировать стереотипы и мифы относительно образов и представлений о специалистах области информационных технологий и их отношение к этим стереотипам. Как следствие, в качестве гипотезы выступает предположение о том, что IT-работники обладают особыми стилевыми характеристиками повседневной жизни.

С одной стороны, существует огромное количество представлений об IT-сфере, о людях, которые там работают. Наиболее характерные и острые стереотипы складываются в популярные образы. Хотя подобные стереотипизации характерны, вероятно, для большинства профессий и специальностей, на IT-работников следует обратить особое внимание. Главным образом потому, что подобные стереотипы формируют общий образ IT и специалистов, позволяют выделить наиболее явные характеристики.

Наличие подобных стереотипов подтверждается и самими IT-работниками. Естественным образом, они мало соотносятся с реальным положением дел, что, однако, не отрицает причин их изначального происхождения. Иными словами, исторически сложившиеся «персонажи» в этих стереотипах имели место раньше, еще на начальном этапе формирования сообщества инженеров-компьютерщиков. Опрошенные представители области информационных технологий сами себя к стереотипам не относят по разным причинам.

Среди наиболее расхожих стереотипов встречаются описания системных администраторов:

«Сисадмин бородатый, ест пельмени» (М, 18 лет, системный администратор).

«Сисадмин — толстый чувак, бородатый, в свитере, с пивом, с ногами на столе» (М, 24 года, тестировщик).

Не менее популярен образ программиста:

«Сложившийся стереотип про программиста в толстых очках и с грязными длинными волосами тоже откуда-то взялся» (Ж, 24 года, инженер-программист).

Стилевые характеристики повседневной жизни

Все же подобные образы, если и находят место в реальной жизни, во-первых, не являются единственными, во-вторых, подчеркивают особенности стиля и образа жизни, условия работы и особенности занятости. Вот как один из респондентов объясняет реальность стереотипа.

«ИТ-отрасль неординарная. Это не менеджер, управленец. Это не те ИТ. Да, стиль жизни есть. Есть такие, которые любят впахивать, например, у них нет личной жизни. Вот, пример: сисадмин — толстый чувак, бородатый, в свитере, с пивом, с ногами на столе. Но на самом деле это возможно, когда он месяц пахал, настраивал все. Жизнь удалась. Стереотипы же не зря такие. Видимо, диктует специальность, диктует определенный стиль жизни. По тестировщику ты никогда не скажешь, что это тестировщик. Иногда не скажешь, что программист. Отражается на тех, кто “тру проггер” — нравится ему, как фанат математики, преподаватель. Некоторые серьезные программисты живут в своем мире, мышление по-другому, как шахматисты» (М, 24 года, тестировщик).

Сами ИТ-работники объясняют отличия профессионалов этой сферы, в большей степени подчеркивая интеллектуальные особенности и специфику мышления, которые свойственны людям с техническим уклоном.

«Это все очень по-разному. В ВЦ [Вычислительный центр. — Л.З.] штат порядка 600 человек, можно было посмотреть на разных. К стереотипам — совершенно разные люди. Из более или менее общего — элемент доминанты логики, выстроить логические вещи, никак иначе. Веб-дизайнерам важны другие вещи. Компьютерщики разнородные» (М, 44 года, системный администратор).

«20 % работников Майкрософт аутисты, это же о чем-то говорит. Есть какое-то умение уходить куда-то. Вот, концентрация на определенных вещах нужна» (Ж, 32 года, программист).

«С программистами говорить приятно, потому что они говорят медленно и четко, законченными предложениями. Вот это, наверное, отличается, хотя для всех технических специальностей, может быть, характерно» (М, 28 лет, директор ИТ-компании).

В целом конкретные стереотипы опровергаются. Иногда подчеркивается наличие особого стиля жизни. Все же эти характеристики носят расплывчатый, нечеткий характер. Существует предположение, что представление о них зависит во многом от возраста, ИТ-поколения.

«Нет особого типажа, но, наверное, есть особая культура» (М, 18 лет, системный администратор).

«Если говорить опять же о внешнем виде, то, по сложившемуся стереотипу, ИТ отличаются от других, хотя, работая в ИТ-компании, я бы опровергла этот образ. Хоть и есть отдельные личности. Что ИТ — это стиль жизни, я в какой-то степени согласна. Иногда для людей их

работа становится стилем жизни, но это не только относится к ИТ» (Ж, 24 года, инженер-программист).

«Есть стереотип, что проггер — это человек с посаженным зрением, который сутки напролет сидит перед монитором. Я пока такого не заметил. Есть и тощие очкарики в потертом свитере, и вполне обычные люди» (М, 26 лет, программист).

Те, кто наблюдал «эволюцию» ИТ-сферы собственными глазами в течение достаточно длительного периода ее формирования, скорее, склонны говорить об отсутствии внешнего стиля жизни. Поскольку сейчас рынок ИТ (пере)насыщен, количественно работники этой сферы сливаются со многими другими профессиями.

«Сейчас программистов слишком много стало, чтобы их как-то видеть отдельно. Они все такие обычные, рядовые ребята. Сейчас ай-тишники уже ничем почти от других не отличаются. Какая-то общая европеизированность, трезвая оценка реальности, социальная направленность» (М, 28 лет, директор ИТ-компании).

И все же, несмотря на отсутствие явных отличительных внешних черт, взаимная идентификация ИТ-специалистов имеет место. Существуют определенные качества, которые позволяют, например, девушкам чаще распознавать «своего в толпе».

«Любая работа накладывает свои отпечатки. Было неоднократно такое, что можно определить по внешнему виду. Моя девушка, тоже ай-тишник, определяла. Как, я не знаю. Что-то, наверное, связано с поведением, одеждой. То, что работа эта, с одной стороны, располагает к большей свободе, с другой стороны, большие обязательства, вот это очевидно» (М, 21 год, программист).

«Я из толпы вычисляю. Это как-то видно. Сейчас реже уже, а раньше как-то очевидно было» (Ж, 32 года, программист).

Внешние описания складывались под влиянием времени и особенностей развития сферы информационных технологий. Их наличие (или отсутствие) подтверждает существование неких схватываемых извне характеристик, благодаря которым данная профессиональная общность может быть идентифицирована. Актуальность таких представлений недолговечна, стереотипы продолжают существовать, сменяя друг друга. Это говорит о развитии сферы информационных технологий, увеличении ее значимости и присутствия в повседневной жизни. Отношение же самих ИТ-работников к подобным образам демонстрирует тот факт, что стереотипы меняются по содержанию и продолжают отвечать духу эпохи информатизации.

С другой стороны, трудно однозначно утверждать, что IT-работники обладают своим собственным стилем жизни, поэтому гипотеза так и остается под вопросом. Основной вывод по результатам данного исследования заключается в том, что отдельный образ IT-работников складывается как раз при интеграции всех упомянутых характеристик, которые позволяют рассматривать «айтишников» в качестве самостоятельной профессиональной общности.

Заключение

Изучение работников сферы информационных технологий в качестве профессиональной общности предполагает формирование набора базовых характеристик. IT-сфера в России сформировалась относительно недавно, но IT-специалисты занимают прочное место на рынке труда. Рыночная востребованность способствует укреплению этой профессиональной общности и ее стабильному воспроизводству. Тесно связана с экономическим положением личная заинтересованность в совершенствовании собственной профессиональной деятельности. Квалификационный ресурс раскрывается через наличие и получение постоянного практического опыта и условий для быстрого приобретения квалификации, что возможно благодаря способности к инновационному динамизму. Из-за быстрого развития профессии возникают сложности с ее формализацией, что приводит к множественности классификаций работников разных отраслей. Однако это не мешает охарактеризовать IT-работников с точки зрения способности к внутрикомандной работе в сочетании с высокой степенью самоорганизации и свободы. Интенсивная внутренняя коммуникация и владение профессиональным языком являются необходимыми для профессиональной деятельности IT-работников, а стилевые характеристики повседневной жизни служат внешними маркерами в описании IT-общности. Совокупность данных характеристик раскрывает сущность IT-работников в качестве профессиональной, а точнее социально-профессиональной общности.

А.Г. ЩЕЛКИН

ОБ ОДНОМ СУЩЕСТВЕННОМ НЕДОСТАТКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Сегодня образование в высшей школе находится в положении социального института, на плечи которого легла значительная часть той задачи, которую XXI в. ставит перед российским государством. Речь идет о модернизации и инновационном вызове. В статье рассматривается, как высшая школа отвечает на этот вызов, в частности, какую «идеологию» исповедуют реформаторы вузовского образования перед лицом императива модернизации и инновационной ориентации современного социума. Отмечается тот малоприятный факт, что ориентация на новый тип знания («технознание») начинает доминировать в ущерб тем возможностям, которые общество всегда связывало с областью гуманитарных знаний, то есть знаний, на языке которых может быть сформулирована не только «специальная», «экспертная», «маркетинговая», но и «значимая», «нормоориентирующая», «целеполагающая» информация. С этих позиций в статье приводятся аргументы против вычеркивания из образовательных программ российских вузов такого базового понятия, как «цивилизация/цивилизованность», несущего в себе особую социальную ценность.

Ключевые слова: реформа образования, модернизация, техноцентризм, «техно-наука», гуманитарное знание, категория «цивилизация/цивилизационность», словарь социальных представлений современного индивида.

Еще относительно недавно мы говорили и были убеждены в своей правоте: «Улица готовит ребенка к *прошлому*, семья — к *настоящему*, и только школа может и должна ориентировать на *будущее*». Сегодня все сложнее. Сегодня мы понимаем, что «прошлое» не всегда синоним ненужного: в *прошлом* найдется всегда что-то от настоящей жизни и даже вечности. Современность тоже может оказаться совсем не зыбким и преходящим «теперь», а, скорее всего, зрелостью того, что когда-то начиналось робко и романтично — «Все, что существует на свете, когда-то было мечтой». Одним словом, думать о *будущем* как единственной панацее — а сегодня это самый популярный формат социологического и, похоже, общественного мышления, — думать так означает некий паралич мысли, который наступает, когда пренебрегают «контекстом» *прошлого* и *настоящего*, когда снисходительно отнесся к урокам вечной классики и зрелой современности...

Самый настораживающий вопрос состоит в следующем: не слишком ли сильно образовательный и воспитательный процессы наших дней нацелены на тот масштаб и образ будущего, в котором доминирует техноцентричность, дискурс потребления и рыночные средства достижения целей? Если это — сценарий «саморедукции» человеческой цивилизации, то он неплохо передается одной афористичной формулой теперешней скользкой эпохи «киборгов» и «гаджетов»: «Опасность не в том, что компьютер однажды начнет мыслить, как человек, а в том, что человек как-то незаметно станет мыслить, как компьютер».

Такой или примерно такой строй мыслей и социологического настроения сопровождал автора этих строк во время участия в дискуссии, развернувшейся за круглым столом в Государственной думе РФ по теме «Перспективы развития общественных и гуманитарных наук: законодательное и ресурсное обеспечение»¹.

Данная встреча, в которой участвовало множество работников высшей школы, подтвердила диагноз о «техницистской» ориентации Минобрнауки России и руководства значительного числа российских вузов. Взгляд на социологию, политологию, философию, психологию, по свидетельству многих выступающих, отражает непотопляемый «остаточный принцип» отношения к гуманитарным наукам теперь уже в современной РФ.

Надо сказать, что образ инновационного будущего модернизирующейся России совсем не гладко формируется в напряженной атмосфере наблюдаемого парадокса. С одной стороны, вроде бы, действительно, считается аксиоматическим, что третье тысячелетие будет гуманитарным, либо его не будет вообще². С другой стороны, повышение значимости социальных и гуманитарных наук едва ли назовешь отечественным трендом. Известно, например, что число гуманитариев на душу населения в России в пять раз меньше, чем, скажем, в Англии.

По словам ректора РГГУ Ефима Пивовара, «у нас в стране определено несколько приоритетных направлений развития науки, и ни одного гуманитарного там не названо... Со всех трибун звучат возгласы, что наступил гуманитарный век. Век гуманитарный не потому, что

¹ Круглый стол «Перспективы развития общественных и гуманитарных наук: законодательное и ресурсное обеспечение» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://forsmi.ru/node/32395>. Дата обращения: 01.08.2013.

² РИА «Новости». 14:03. 02.09.2009. Бак Д.П. Гуманитарные вузы способны производить технологии — проректор РГГУ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/education/20090902/183390974.html>. Дата обращения: 01.08.2012.

гуманитарные знания выше, чем естественнонаучные (этого никогда не было и не будет), а потому, что главное сейчас — качество жизни, качество социума, в котором происходят все процессы. Значит, гуманитарная составляющая и гуманитарное сопровождение любого проекта важны и от них также зависит результат»³.

Теоретически и методологически вопрос о социальных последствиях всякой «технократизации» культурной ментальности решен еще в эпоху «классической социологии»: «культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет после себя пустыню»⁴. В том же духе выражался примерно в это же время и Александр Герцен, когда говорил о «Чингис-хане с телеграфами, пароходами, железными дорогами» как о некоем устройстве жизни, свидетелем которой был наш знаменитый соотечественник⁵.

Однако теоретическая оторефлексированность социальной проблемы совсем не гарантирует практического решения самой этой проблемы. Одно дело успешно и бесстрашно моделировать обсуждаемые последствия теоретически и даже обобщать их методологически, и другое дело — реагировать на них социальными и политическими решениями на деле. Как всегда, оказывается, что, несмотря на сетования и алармистские предупреждения, жизнь запускает на первых порах не самые дальновидные сценарии — в данном случае сценарии «модернизационного» процесса. В ход идут, прежде всего, проекты, несущие на себе печать технократического и рыночного императивов. Именно такое решение для обыденного сознания представляется самым быстрым способом повышения конкурентоспособности «догоняющих» стран и континентов среди мастодонтов «века IT». Кажется самоочевидным, что «техноцентристский» ответ на соответствующий вызов является единственно возможным и эффективным.

Не будем вдаваться в подробности и особенности новейшего этапа «технизации» и «сциентизации» как доминирующего настроения современности. Достаточно сказать, что технические и естественные науки сразу, как только начался процесс широкой индустриализации общества, стали рассматриваться не только «как непосредственная производительная сила», но и как эталон научной мысли вообще. Сегодня

³ Перспективы гуманитарного образования в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://english-chair.rggu.ru/announcements.html?id=252786>. Дата обращения: 01.08.2012.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 32. С. 45.

⁵ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1961. Т. 21. С. 76.

ситуация в каком-то смысле стала более интригующей. Сегодня наука во все большей степени принимает форму «технонауки», когда «регулятивом научной деятельности становится не получение объяснения, а получение эффекта, который может быть воплощен в пользующуюся спросом технологию»⁶. В науках «биотехнологического» направления этот процесс идет настолько масштабно и интенсивно, что «биоэтика» не успевает осмысливать и реагировать на события, разворачивающиеся на этом научном фронте.

И хотя об опасности дуализма и антагонизма «двух культур» — позитивистско-технократической и гуманитарной — писал еще в 1950-е гг. Ч. Сноу⁷, похоже, что сегодня мы пожинаем результаты этой дивергенции ощутимо, как никогда. И один из этих результатов — наблюдаемое снижение репутации социально-гуманитарных наук. Российский исследователь В.Г. Горохов, хорошо знающий ситуацию, пишет: «От современной науки общество и государство требуют скорейших коммерческих и технологических результатов... Однако забывают, что эти приложения воплощаются в определенных социальных структурах. Поэтому невозможно обойтись без социально-гуманитарной экспертизы... Таким образом, сегодня следовало бы говорить о возрастающей роли социально-гуманитарных наук, чего, к сожалению, не наблюдается. И эта тенденция характерна не только для России»⁸. При такой переориентации репутационные последствия для гуманитариев налицо. По свидетельству А. Фурсенко, в РФ по профилю гуманитарных дисциплин проводится всего 3 % исследований, а диссертаций защищается 50 %. По другим данным, гуманитарии по «диссертационному валу» опережают «естественников» в еще более шокирующей пропорции: 90 к 10 %⁹.

Это убийственный приговор, означающий, что значительная доля в диссертационном престиже соискателей научных степеней именно в области гуманитарных дисциплин — это «символический капитал» в худшем смысле этого слова. «Анализ авторов диссертаций показывает увлеченность многих губернаторов, министров и других чиновников

⁶ Юдин Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/gumtech/expert_exam/articles/2007/Yudin/2/. Дата обращения: 01.08.2013.

⁷ Сноу Ч. Две культуры. М.: Прогресс, 1973.

⁸ Горохов В.Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма»? // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 3–14.

⁹ Антиньев А.Г. Гуманитаризация российского образования: состояние и проблемы // Alma Mater. 2010. № 10. С. 49–52.

получением престижных корочек кандидатов и докторов. Среди них никто не пишет по техническим и естественным наукам, хотя большинство из них возглавляют отрасли, непосредственно связанные с ними»¹⁰. Очевидно, что такое цинично-карьерное отношение к гуманитарным дисциплинам лишь усугубляет репутационный кризис последних. Совокупность всех факторов, действующих сегодня не в пользу *humanitas*, дает малоутешительный результат: по данным ВЦИОМ от 22 марта 2011 г., «самыми интересными для россиян областями научного знания являются технические достижения» — 43 %; социология и философия со своими 5–7 % занимают последние места в этом рейтинге престижа¹¹.

По убедительным словам директора Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьяна, нарастающие признаки пренебрежения к *humanitas* «приведут к дальнейшему снижению культурного уровня российской нации... Их следствием будет еще бо́льшая технократизация нашего общества, дальнейшее движение к преобладанию в нашей стране потребительской философии и стиля жизни... Без особого внимания к гуманитарному знанию мы можем получить в ближайшее время малообразованное и бездуховное поколение»¹². Если не считать подобный прогноз слишком уж фантастическим, следующий вопрос закономерен сам собой — кто станет субъектом этой критической рефлексии?

Похоже, что и бремя рефлексии ложится, как всегда, на самих пострадавших, то есть гуманитариев, хотя «технизация», «маркетизация», «товаризация», «экспертизация» и прочие знаки «современности» щедро отметились на фактуре и качестве самого социального знания. Отрадным фактом на фоне «счастливо-гламурного» сознания массового «общества потребления» и своеобразного «практического шовинизма» представителей технических и естественных наук, — отрядным можно считать факт интереса представительной власти в РФ к ситуации в области гуманитарных дисциплин.

Само гуманитарное сообщество, по всем признакам, не разделяет «технократических иллюзий» и готово проявить ту гражданскую волю и непреклонную предрасположенность к *humanitas*, которых, кажется, не хватает сегодня на нашем олимпе государственных решений.

¹⁰ Антиньев А.Г. Гуманитаризация российского образования. С. 49–52.

¹¹ Современная наука: чем и кому она интересна? [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111460>. Дата обращения: 01.08.2013.

¹² Чубарьян А.О. Технократизация как опасность // Независимая газета. 2011. 3 марта. С. 5.

Главный предмет сокрушений у критиков сегодняшней ситуации — это *условия*, в которых работают носители гуманитарной культуры в современных вузах РФ. Речь, прежде всего, идет о размерах финансирования социальных наук и гуманитарного образования — неважно, будь то государственное обеспечение или самофинансирование. Факт этот хорошо известен и подтверждается «криком души» многих авторитетных деятелей и организаторов российской науки: «Мне представляется, что в сегодняшней ситуации основная проблема заключается в хроническом недофинансировании науки в целом. Сворачивание работы таких фондов, как РФФИ и РГНФ, несомненно, ухудшит положение. Причем в большей степени это касается гуманитарных исследований, в том числе экономических, которые системно поддерживаются, прежде всего, государственными академиями наук и РГНФ»¹³. Напрашиваются в таких случаях неизбежные вечные сравнения, как «у них» и как «у нас»: в российских вузах нагрузка на профессорско-преподавательский состав в три раза больше, чем у их европейских коллег, а зарплата в четыре раза меньше. Чудес не бывает — в этом сразу убеждаешься, когда сравниваешь присутствие наших и зарубежных профессоров в качестве авторов статей в признанных международных изданиях. Понятно, что это, прежде всего, касается представителей отечественных социально-гуманитарных дисциплин.

О жестких *условиях* недофинансирования в эпоху профицитного или почти профицитного бюджета заявляет много лет и РАН, которая по своей природе и уставу занимается и должна заниматься фундаментальными проблемами, постоянно возникающими перед наукой. В этом смысле можно было бы и не приводить мнение Наталии Ивановой, заместителя директора Института мировой экономики и международных отношений РАН, действительного члена РАН, доктора экономических наук, — мнения, имеющего хорошие шансы стать самым хрестоматийным: «С тем, что никакого финансового удушения РАН не происходит, согласиться трудно, поскольку груз хронических проблем, накопившихся за многие годы реального сокращения всех видов ресурсов — кадровых, финансовых и инфраструктурных, — не был преодолен за непродолжительный период роста в середине 2000-х гг.

¹³ Горбатова А. Зашли в тупик (Реплика Владимира Иванова, заместителя главного ученого секретаря Президиума РАН, доктора экономических наук) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=34423. Дата обращения: 01.08.2013.

В современных условиях слабый прирост... означает в лучшем случае стагнацию и не позволяет выйти на новую траекторию научного развития, которая так важна для запуска процессов модернизации во всех сферах российской жизни¹⁴.

Все правильно, но в условиях кризисного существования социальных и гуманитарных наук нельзя забывать и о «невидимой стороне луны» — о том, что можно было бы условно назвать «методологическим недомоганием» этого кластера дисциплин. Речь идет, скорее, не столько об *инфраструктуре* (материальной, организационной, финансовой и пр.) научной практики, сколько о самой *структуре* этого вида деятельности, где под «структурой» будем понимать ту «сетку категорий», с помощью которой улавливается объективное содержание процессов, происходящих в обществе и в человеке — процессов, происходящих с обществом и с человеком. Иначе говоря, речь идет о состоянии *категориального/концептуального аппарата* социально-гуманитарной науки. А то, что в эпоху «постмодернистских искушений» с этим аппаратом произошли подозрительно-«революционные» изменения, — факт этот сегодня никем не оспаривается.

Конечно, *зарплаты и условия* интеллектуального труда гуманитариев — это святое. Но этого явно мало для продвижения по пути *модернизации* в ее подлинном, а не формальном и конъюнктурном смысле. На круглом столе в Госдуме по «образовательным стандартам» в сфере социальных дисциплин, кажется, не хватало собственно осмысления того, что может стать ясным на следующий день после создания — случись такое — финансового комфорта в родном отечестве. Главное — было бы что сказать. Когда Иммануил Кант совершил в научной методологии свой «коперниканский переворот», то этот переворот не был жестко детерминирован размером профессорского оклада знаменитого ученого. «Инновационный прорыв» касался собственно создания нового «ментального порядка», который сменил «разруху в голове» — «разруху», которой закончился тупик механистического материализма. Собственно такой же или примерно такой выход находила и «классическая физика» на пороге своего «релятивистского будущего» с помощью системы «идеальных», «мыслительных» экспериментов. Достаточно

¹⁴ Горбатова А. Зашли в тупик [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ras.ru/digest/shownews.aspx?id=4e3f72d3-6f87-42d2-9ae6-10b5ca85a197>. Дата обращения: 01.08.2013.

вспомнить хотя бы «лифт Эйнштейна» — мыслительный эксперимент, положенный в основу общей теории относительности.

В этой связи остановимся на следующих размышлениях.

Начнем с одного, довольно жесткого утверждения: образование — это такое «инобытие», без которого невозможно и «собственно бытие». Это, как в социуме, «реальное» невозможно без «идеального». Известная мысль о том, что приостановка промышленной деятельности даже на короткий срок ведет к катастрофе общества, может с полным основанием сегодня быть дополнена такой же «аксиомой»: приостановка образования в социуме на тот же короткий срок ведет к аналогичным последствиям. Другими словами, качество и адекватность образования/образованности — онтологическое условие подлинности и непрерывности текущей социальной реальности. И теперь, если представить социум не столько как совокупность институтов, сколько как ежесекундно самовоспроизводящуюся систему, то образование будет выглядеть как некий ментальный фактор, вписанный в «контур обмена» «идеального» (*ideele*) на «материальное» *et vice versa*, что и составляет динамический образ жизни всякого социума.

Сердцевину образования, с точки зрения внутренней метаморфозы жизни общества, составляет, прежде всего, система не столько естественных и технических представлений и категорий, наличествующая в этом обществе, сколько система обыденных или, напротив, строгих представлений о своем социальном жизнеустройстве. Очевидно, что в предельном случае речь идет о самом *социологическом знании* как оно представлено либо в самой социологии как науке, либо в социологии как образовательной дисциплине.

Всякая страна слишком дорого платит за деградацию образования, в какой бы форме и когда бы это не происходило. В эпоху франко-прусской войны 1870—71 гг. Франция была оснащена лучшей винтовкой того времени. Но это ей не помогло. «Войну выиграл немецкий учитель» — скажет свою знаменитую фразу канцлер О. Бисмарк. Вступающая в реалии XXI столетия РФ в своей борьбе за модернизацию сталкивается со своим внутренним и неожиданным противником — откровенным снижением общей и гуманитарной культуры населения, что получило у социологов и философов устойчивое название «варварства в условиях цивилизации»¹⁵.

¹⁵ Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФ РАН, 2007.

Конечно, возлагать всю ответственность за зримые симптомы отечественной «децивилизации» на «качество» образовательного процесса было бы наивно и методологически неграмотно. Не случайно в этой связи в общественных науках вновь заговорили о «социализирующем» и «цивилизующем» воздействии не только рационального фактора, как он присутствует в самом образовательном процессе, но и того «естественного фактора», как он присутствует непосредственно и неформально в самой «естественно-неестественной», массовой среде социального обитания. «Социологические исследования указывают на рост агрессии в российском обществе. Ежегодно от жестокости родителей страдают 2 млн детей, более 50 тыс. убегают из дома»¹⁶. Именно в связи с «цивилизационным» неблагополучием этой «внешней» для индивида «среды обитания» приходится ставить «сверхзадачу» не только «технизации» образования, но и осуществления цивилизационной миссии.

В системе категорий социально-гуманитарных наук «феномен цивилизации» по самым объективным причинам начинает выдвигаться на первое место. «Цивилизация как цивилизованность» — это такая социологическая категория, которая ориентационно и контентно оказалась богаче, чем словарь традиционных и постмодернистских социальных теорий. Достаточно вспомнить почти бессознательный всплеск активности в издании учебников и учебных пособий по обществоведению после 1991 года, где слово «цивилизация» фигурировало в титулах как заглавное. (См., напр.: Человек и общество. Основы современной цивилизации. М.: Геликон, 1992; и др.) Дальше — больше. В общественной науке начался самый настоящий ренессанс категории «цивилизация», прежде всего, в ее качественной отличительности от состояния «варварства» — не только исторического, но и современного. В этом смысле характерна смена парадигмы с постмодернистской модели «множественности цивилизаций», где собственно к социуму не предъявляется критерий «цивизованности» («Все есть цивилизация!»), на парадигму цивилизации «в единственном числе», где качество цивилизованного устройства социума не утрачивается, а, напротив, четко артикулируется в нормативно-сущностных терминах.

Образовательно-воспитательный эффект категории «цивилизация» очевиден, а на фоне опасности «технократизации» массового сознания (да и научного мышления) необходимость в этом эффекте становится более чем актуальной. Гуманитарный потенциал этой категории огро-

¹⁶ *Антиньев А.Г.* Гуманитаризация российского образования: состояние и проблемы.

мен, поскольку в ней схватывается не «оппортунистический», а сопротивляющийся «отклонениям» вектор того человеческого бытия, которое не потакает «хищным вещам века» — абсолютному «программированию поведения», «технократизму», «консюмеризму», «коммодизации» и пр., иначе говоря, тот вектор, который ориентирован именно в цивилизованном, гуманистическом, общечеловеческом направлении.

На фоне подобного императива современности присутствие в гуманитарном образовании «цивилизационного концепта» выглядит более чем закономерно и своевременно. Сошлюсь на одну из идей профессора Санкт-Петербургского университета К. Пигрова, которая вполне уместна в контексте данной статьи. К. Пигров пишет: «Цивилизация — это, прежде всего, социальный институт образования. В стране тысячи и тысячи учителей, преподавателей, профессоров входят в классы и аудитории и проговаривают наличную цивилизацию»¹⁷. Более того автор подчеркивает ту очень важную мысль, что облик цивилизации записан на языке «идеальных» (*ideele*) категорий, составляющих словарь науки об обществе, проще говоря, социологии: «Методологическое ядро всех цивилизационных языков представляет социальная теория. Она образует рациональный категориальный каркас цивилизационных дискурсов»¹⁸. Если подобный подход имеет основание, то спрашивается: какой прогресс мы имеем в преподавании гуманитарных наук в свете образовательных стандартов среднего и высшего образования, как это было сформулировано на все том же круглом столе в Госдуме РФ?

Посмотрим в документ-список, именуемый «Обязательный минимум содержания основных образовательных программ» по обществоведению. Несколько страниц убористого текста. «Тут все есть, коли нет обмана: и черти, и любовь, и страхи, и цветы». Нет только «цивилизации».

«У нас похитили цивилизацию», — говорил в 1920–30-е гг. Ортега-и-Гассет, имея в виду нарождающиеся тенденции «массового общества». Сегодня у нас не меньше, если не больше оснований сказать, что в категории «цивилизация» сконцентрировано что-то свяшенно важное в наш век «нового варварства», самопопустительства и всякого «постмодернизма». Признак цивилизации — не только самодисциплина,

¹⁷ Пигров К.С. Созидающее слово, или цивилизация как констелляция смыслов // Цивилизация: вызовы современности. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2009. С. 253.

¹⁸ Там же. С. 253–254.

но и достойные человека цели и смыслы в разумно, справедливо и благородно устроенном социуме, в котором, пользуясь классической лексикой Гегеля, мы чувствуем себя, «сразу, как у себя дома».

И последний аргумент в пользу «цивилизации» — аргумент педагогический, а если не размениваться, то, скорее, даже онтологический. Категория «цивилизации», пожалуй, единственная вещь, которая в словаре социологии находит по-настоящему заинтересованный, «личностный» и «человеческий» прием у молодежного сознания. Здесь как бы совпадают субъектные ожидания от жизни у юношества и высокий строй содержания «цивилизации» именно как цивилизации. И подобно тому, как социум на высоте цивилизации всегда испытывает искушения и риски «нового варварства», так и человек в своей взрослой жизни имеет часто основание воспринимать свое детство как лучшее из того, что у него было или получилось. По существу, «избирательное сходство» романтического ожидания от мира в юношеском возрасте, «свойственного молодости свежей идеи целого»¹⁹, с одной стороны, и того, что можно было бы назвать самым лучшим человеческим изобретением — Цивилизацией. С другой, это «избирательное сходство» есть прозрачный намек все на тот же фундаментальный факт: встреча человека и «цивилизации» как категории — это апогей гуманитарно-социального образования. Это прекрасно чувствуют поэты и художники слова. И, возможно, лучше всего это удалось выразить Н. Гоголю: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!»²⁰

Обобщая этот ювенально-педагогический «драйв», который несет в себе и пробуждает в юношеском сознании *humanitas*, уместно было бы закончить словами человека опытного не только в своей профессии, но и в наблюдениях жизни: «С самого раннего возраста формирование личности, привитие ценностей морали и нравственности, терпимости к иным взглядам... происходит, прежде всего, на базе гуманитарных дисциплин»²¹. *Quod erat demonstrandum...*

¹⁹ Лифшиц Мих. Вместо предисловия // Лифшиц Мих. Собр. соч. Т. 1. С. 3.

²⁰ Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Русская книга. Т. 5. С. 147.

²¹ Чубарьян А.О. Технократизация как опасность.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

А.А. ЯКОВЛЕВА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ ДЕВИАНТНОСТИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ¹

Рассматриваются общественные инициативы в сфере социального контроля девиантности, которые актуализируются как один из альтернативных неформальных институтов социального контроля на фоне современного «кризиса наказания». Показано, что общественные инициативы обладают специфическими чертами социального института и вносят существенный вклад в расширение границ понятий «норма»/«девиация». Их включенность в социальную коммуникацию на публичных аренах расширяет обыденные представления и повседневные практики социального контроля девиантности.

Ключевые слова: девиантность, социальный контроль, норма, общественные инициативы, социальный институт.

В условиях современной действительности классический подход к социальному контролю девиантности существенно теряет свои практические и аналитические возможности.²

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Социальный контроль девиантности: системно-институциональные эффекты и повседневные практики», реализуемого сектором социологии девиантности и социального контроля Социологического института РАН в 2012–2014 гг. (руководитель проекта — д-р. соц. наук, проф. Т.В. Шипунова).

² Идея анализа системы социального контроля девиантности с применением методологии интеракционизма и конструктивизма принадлежит Т.В. Шипуновой. Данный подход подробно представлен в: Шипунова Т.В. Макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе: приглашение к дискуссии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 2(61). С. 157–173.

«Текущая современность» (З. Бауман) и возросшая социальная мобильность обуславливают включенность индивида в разнообразные сообщества и возможность «примерить на себя» различные, часто противоречащие друг другу социокультурные идентификации. Универсальные, стандартизованные системы социального нормирования более не действуют.

Так называемый «кризис социального контроля»³ проявляется двояко. С одной стороны, ужесточаются формальные нормы и санкции (что, однако, приводит лишь к формированию репрессивного сознания и «моральной панике» в обществе⁴). С другой стороны, исследования фиксируют не просто рост уровня «традиционных» социальных девиаций, но их институционализацию⁵ и глобализацию⁶.

Параллельно с этими процессами актуализируются неформальные, инициированные «снизу» системы регулирования поведения, в большей степени отвечающие особенностям современного состояния общества. Одна из таких систем связана с общественными инициативами в сфере контроля девиантности.

В широком смысле под общественными инициативами⁷ понимаются локальные целенаправленные формы деятельности представителей общественности в социально важных сферах. Они могут быть как формализованными (общественные некоммерческие неправительственные организации, «третий сектор»), так и неформализованными (общественные или социальные движения различного масштаба).

³ См., напр.: *Mathisen T.* The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // *Scandinavian Studies in Criminology*. Oslo, London, 1974; *Albanese J.* Myths and Realities of Crime and Justice. Apocalypse Publishing Co, 1990; *Hendrics J., Byers B.* Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C. Thomas Publishing, 1996; *Rotwax H.* Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996.

⁴ См., напр.: *Крустин Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к Гулагу западного образца. М., 2001; *Garland D.* The Culture of Control. Crime and Social Order in Content of Society. Chicago, 2003.

⁵ *Гилинский Я., Гольберт В.* Институциональные эффекты девиантности и социального контроля // Российский криминологический взгляд. 2009. № 1. С. 218–233.

⁶ Глобализация и девиантность / Под ред. Я. И. Гилинского. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

⁷ Применительно к исследуемой теме термин «общественные инициативы» представляется наиболее удачным в сравнении с синонимичными терминами «гражданские инициативы» или «инициативы населения». Он не ограничивает объект исследования правовым статусом гражданина или проживанием на определенной территории, а подчеркивает, прежде всего, социальную активность инициаторов тех или иных действий.

В данной статье речь идет об общественных инициативах, связанных с непосредственной реализацией социального контроля девиантности. При этом сознательно исключаются благотворительные инициативы, связанные с религиозным служением и основанные на соответствующей нормативной системе, а также правозащитные инициативы, являющиеся по сути общественным надзором за реализацией формальной системы социального контроля. Несомненно, они играют важную роль в формировании нормативной системы современного общества и реализации социального контроля девиантности. Однако, являясь высокоспецифичными, они требуют особого исследовательского подхода.

В России общественные инициативы в сфере социального контроля девиантности начали появляться во второй половине 1980-х гг., а 1990-е гг. охарактеризовались их экстенсивным развитием. На сегодняшний день сложился относительно устойчивый перечень направлений, в которых они играют ключевую роль. В сфере контроля зависимого поведения это — самопомощь для зависимых и созависимых, реабилитация и «снижение вреда», а также общественные движения в поддержку трезвости в широком понимании этого слова. В сфере контроля сексуальных девиаций это — помощь жертвам сексуального насилия и эксплуатации, общественное преследование детских сексуальных насильников, движения за права ЛГБТ⁸. В сфере контроля криминального поведения это — обширная правозащитная деятельность, а также поддержка лиц, отбывающих наказание и освобождающихся из мест лишения свободы (где традиционно значительную роль играют инициативы религиозных организаций). В сфере суицидального поведения это — помощь лицам, имеющим суицидальные намерения или совершившим попытки суицида, а также родным суицидентов.

Формальные институты социального контроля в указанных сферах представлены минимально или вовсе отсутствуют. Такая четкая сегментация услуг во многом обусловлена доминированием так называемой сервисной концепции⁹ развития российской социальной сферы: на практике общественные инициативы трактуются как дополнение к формальной системе регулирования, что поддерживается

⁸ ЛГБТ — аббревиатура, используемая для обозначения различных групп сексуальных и гендерных меньшинств (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры).

⁹ *Либоракина М. И.* Третий сектор: концепции и их сравнение // Гражданские инициативы и будущее России / Под общ. ред. М. И. Либоракиной и В. Н. Якимца. М.: «Школа культурной политики», 1997. С. 16–20.

существующим законодательством и программами государственного финансирования для «третьего сектора» в данной сфере.

Это, несомненно, сдерживает развитие и проявление специфики общественных инициатив как современного социального института. Иллюстрацией этому будет любое, даже поверхностное, сравнение состояния общественной сферы в России и в странах Западной Европы и США. Тем не менее, можно говорить о том, что российские общественные инициативы обладают целым рядом специфических характеристик социального института.

Институциональные характеристики общественных инициатив

Современные социальные институты целесообразно рассматривать как набор опривыченных (хабитуализированных), типизированных и легитимированных действий, ассоциированных с соответствующими ролевыми идентификациями и системой знания (П. Бергер, Т. Лукман)¹⁰.

Соответственно, общественные инициативы по контролю девиантности как социальный институт можно охарактеризовать через три взаимосвязанных компонента: (1) *действия* по реализации контроля девиантности, (2) *роли*, связанные с реализацией контроля девиантности, и (3) *система знания* о контроле девиантности.

Действия. Согласно современным теоретическим подходам, действия не просто составляют основу любого социального института; собственно опривычивание и типизация неких действий есть неотъемлемая часть процесса институционализации¹¹.

Если обратиться к историям появления отдельных общественных инициатив, становится очевидным: в основе целого ряда из них лежит индивидуальный опыт решения проблем, связанных с девиантным поведением. Это особенно характерно для инициатив в сфере контроля зависимого поведения¹²: «В ноябре 1993 года мы — несколько чувствующих себя глубоко несчастными матерей, дети которых по тем или иным причинам стали употреблять наркотики, собрались вместе

¹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

¹¹ Там же. С. 92.

¹² Здесь и далее приводятся цитаты из презентационных материалов российских (преимущественно Санкт-Петербургских) некоммерческих неправительственных объединений и общественных движений, реализующих деятельность в сфере контроля девиантности. На данном этапе исследования их следует воспринимать скорее как иллюстрации к теоретическим положениям, нежели как систематизированные эмпирические данные.

и решили действовать сообща... Каждая из нас была бессильна и в отчаянии! ...Каждая мать в первую очередь хотела бы вылечить своего ребенка и научиться вести себя с ним»¹³; «Единственный способ, которым мы можем помочь другим исцелиться от алкоголизма, — это наш собственный пример»¹⁴.

Другая ситуация, которая приводит к инициированию общественных действий, — это личная или профессиональная обеспокоенность какой-либо социальной проблемой, связанной с девиантностью: «Инициаторами возрождения народной дружины стали люди... которые считают своим гражданским и нравственным долгом защищать законность и порядок, обеспечивать безопасность, покой на улицах своего города»¹⁵; «[В рамках своего проекта] мы... столкнулись с большим количеством людей, одолеваемых мыслями о суициде, и старались им помочь»¹⁶; «[Фонд был создан] группой людей, обеспокоенных дискриминацией прав бездомных людей [в связи с уголовной ответственностью за бродяжничество, попрошайничество и туенядство (ст. 198, 209 УК РФ)]»¹⁷.

Действия, показавшие свою эффективность и нашедшие подтверждение в научно-практической литературе или опыте других индивидов и организаций, рекомендуются и транслируются: «Благодаря поддержке специалистов-энтузиастов, благотворительных программ и общественных организаций, мы прошли различного рода обучение... Со временем мы поняли, что наркомания — это семейное заболевание,

¹³ Кто мы // [Региональная благотворительная общественная организация «Азария — Матери против наркотиков»] / РБОО «Азария» (Санкт-Петербург, 2005–2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.azaria.rusorg.ru/site.xp/055056.html>. Дата обращения: 09.07.12.

¹⁴ Вопросы новых членов АА // [Алкоголизм: Самоизлечение от алкоголизма, вопросы пьянства, анонимные алкоголики] / Анонимные Алкоголики (Санкт-Петербург, 2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aaspb.ru/Novechok/1.htm>. Дата обращения: 14.07.12.

¹⁵ О нас // [Санкт-Петербургская региональная общественная организация по содействию охране и поддержанию общественного порядка «Добровольная народная дружина “Ульянка”»] / СПб РОО «ДНД Ульянка» (Санкт-Петербург, 2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dnd-ulianka.okis.ru/about.html>. Дата обращения: 20.08.12.

¹⁶ О проекте // [Победишь.Ру] / Интернет-сайт, поддерживаемый группой добровольцев [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pobedish.ru/main/about>. Дата обращения: 19.07.12.

¹⁷ История организации // [Санкт-Петербургская благотворительная общественная организация помощи лицам без определенного места жительства «Ночлежка»] / СПб БОО «Ночлежка» (2002–2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.homeless.ru/about/>. Дата обращения: 20.08.12.

и родители стали нашей главной заботой... Из небольшой группы поддержки нескольких матерей мы постепенно превратились в организацию с программой развития и своими методами работы»¹⁸.

В ходе повторения различных действий на практике выкристаллизовываются их сочетания, наиболее эффективные для решения той или иной проблемы. Этот процесс типологизации, по сути, является зарождением будущих программ или направлений деятельности в рамках общественных инициатив. Так, например, в середине 1990-х гг. при реализации программы помощи уличным детям сотрудники одного благотворительного фонда столкнулись со спектром проблем, связанных с инъекционным употреблением наркотиков. В результате этого к концу 1990-х гг. выделилось направление по работе с наркопотребителями. В начале 2000-х гг. на фоне актуализации связи женской наркотизации и продажи секс-услуг сложилась программа для наркозависимых женщин, вовлеченных в проституцию, и т. д.¹⁹

Как видно, процесс опривычивания и типологизации действий непрерывен. С течением времени появляются новые проблемные ситуации, требующие апробации и алгоритмизации решений. Таким образом, набор институциональных действий с той или иной интенсивностью постоянно обновляется. В случае с общественными инициативами этот процесс идет особенно активно (в сравнении с формальными институтами социального контроля девиантности), что связано с большей гибкостью и возможностью быстрее и точнее реагировать на изменение внешних условий.

Эту гибкость общественных инициатив целесообразно рассматривать и с другой стороны — как меньшую устойчивость. Она особенно заметна на фоне формальных институтов социального контроля девиантности, таких как правовая, пенитенциарная или медицинская системы, действия которых четко прописаны в гражданском и уголовном кодексах, разного рода приказах и инструкциях.

Устойчивость социальных институтов обеспечивается через легитимацию их действий. При этом «чем абстрактнее легитимации, тем

¹⁸ Кто мы // [Региональная благотворительная общественная организация «Азария — Матери против наркотиков»] / РБОО «Азария» (Санкт-Петербург, 2005–2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.azaria.rusorg.ru/site.xp/055056.html>. Дата обращения: 09.07.12.

¹⁹ Об организации // [Санкт-Петербургский благотворительный общественный фонд медико-социальных программ «Гуманитарное действие»] / СПб БОФ «Гуманитарное действие» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://haf-spb.org/main/>. Дата обращения: 15.07.12.

маловероятнее их изменение в ответ на переменившиеся прагматические требования», а максимальный эффект легитимации достигается путем трансляции легко воспринимаемого и запоминающегося «стереотипного» знания²⁰.

Легитимация действий общественных инициатив почти всегда связана с определенными сложностями. С одной стороны, для большинства из них описание технологий и алгоритмов действий, как правило, не является приоритетом. На ранних этапах развития практический опыт реализации тех или иных типизированных действий концентрируется у отдельных специалистов, которые, по сути, становятся исключительными носителями экспертного знания. Лишь позднее начинается поиск путей хотя бы простейшей легитимации действий внутри самой организации или движения — проговаривания или письменной фиксации.

Несомненно, легитимация действий связана со сложной научно-методической деятельностью, требующей привлечения иных ресурсов и возможностей, которыми общественные инициативы зачастую не обладают. Поэтому распространенной практикой является использование в работе уже готовых методик и рекомендаций. Хорошим примером может служить миннесотская модель реабилитации людей, страдающих от зависимости («Двенадцать шагов»), апробированная во многих странах, просто и четко описанная в практических руководствах на разных языках.

С другой стороны, общественные инициативы зачастую используют и транслируют «нетрадиционные», а часто «политически нежелательные» подходы к реализации социального контроля девиантности. В качестве таковых, например, можно назвать частично запрещенные в России программы «снижения вреда» или сексуального воспитания, реализация которых сталкивается с организационно-правовыми сложностями.

Роль. Любая институциональная роль (в терминологии П. Бергера и Т. Лукмана — идентификация) проявляется через определенный набор типизированных действий и «специфически-ролевое» знание — «[как] в узком когнитивном значении, [так и] в смысле “знания” норм, ценностей и даже эмоций»²¹.

Отчасти понятие «роль» в данном контексте достаточно близко понятию «габитус», обозначающему «систематизированные модели

²⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. С. 192; 116–117.

²¹ Там же. С. 127.

восприятия и оценки, а также когнитивные и оценочные структуры, являющиеся результатом длительного опыта субъекта, и обусловленные определенной социальной позицией»²².

В описаниях некоторых ролей, представленных в открытых источниках — на Интернет-страницах общественных инициатив по контролю девиантности — можно выделить все три их составляющие: функциональную (действия), когнитивную (знания и опыт) и эмоционально-нравственную.

Наиболее привычным и, соответственно, чаще встречающимся является описание функциональной составляющей роли («что делает носитель данной роли?»).

Например, действия, соответствующие роли *«ведущий консультант реабилитационного центра для зависимых»* описаны следующим образом: «проводит индивидуальное консультирование [пациентов], дает письменные задания с учетом индивидуальных особенностей пациента, оказывает эмоциональную поддержку и сопровождает пациента в течение всего курса реабилитации»²³.

Сходным образом описаны и действия, соответствующие роли *«кейс-менеджер по работе с потребителями наркотиков и секс-работницами»*: «устанавливает контакт [с клиентом], анализирует ситуацию, мотивирует, составляет индивидуальный план и подписывает контракт по медико-социальному сопровождению клиента; осуществляет индивидуальное сопровождение (непосредственное), а также направление в различные учреждения; осуществляет мониторинг предпринятых действий (в том числе корректировку плана) и анализ их результатов»²⁴.

Еще один похожий пример — описание действий *«добровольного народного дружинника»*: «принимает самое активное участие в охране и поддержании общественного порядка при проведении спортивных и культурно-массовых мероприятий, ежедневно участвует в совместном

²² Бурдые П. Символическое пространство и символическая власть // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 144.

²³ Первичная программа // [Благотворительный реабилитационный Центр по лечению алкоголизма «Дом Надежды на Горе»] / РЦ «Дом Надежды на Горе» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://houseofhope.ru/node/16>. Дата обращения: 14.07.12.

²⁴ Программа «Служба медико-социального сопровождения» (Кейс-менеджмент) // [Санкт-Петербургский благотворительный общественный фонд медико-социальных программ «Гуманитарное действие»] / СПб БОФ «Гуманитарное действие» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://haf-spb.org/programs/case/>. Дата обращения: 15.07.12.

патрулировании территории муниципального округа, осмотре дворов, чердачных и подвальных помещений, дошкольных и образовательных учреждений, торговых зон»²⁵.

Часто при описании действий дается также определение роли («кто является носителем данной роли?»), которое, по сути, представляет собой отсылку к ее когнитивной составляющей. Например, роль «*волонтер родительской организации*» определяется как «подготовленный волонтер из тех родителей, которые прошли подготовку на базе государственных учебных заведений и общественных организаций»²⁶. Т. е. это не только человек, имеющий личный опыт созависимости, но и получивший профессиональные знания в этой области. Действия, соответствующие этой роли, описаны следующим образом: «приглашает [родителей и родственников химически зависимых] на встречи, где ...[те] получают необходимую информацию... выслушивает родителей... обучает родных управлять ситуацией и справляться с возникшими проблемами... делится опытом, как другие родители справляются с проблемами наркотического недуга»²⁷.

То же самое мы встречаем и при описании роли «*старший реабилитант центра для наркозависимых*». Носитель этой роли определяется как «реабилитант, находящийся в центре два-три месяца»²⁸, т. е. это человек, имеющий опыт зависимости и уже прошедший первичную стадию реабилитации. Этой роли соответствуют следующие действия: «знакомит [вновь прибывшего участника программы] с правилами центра, с местом проживания, работы и местами общего пользования, помогает влиться в новый коллектив, лучше понять установленный режим пребывания в центре»²⁹.

²⁵ О нас // [Санкт-Петербургская региональная общественная организация по содействию охране и поддержанию общественного порядка «Добровольная народная дружина “Ульянка”»] / СПб РОО «ДНД Ульянка» (Санкт-Петербург, 2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dnd-ulianka.okis.ru/about.html>. Дата обращения: 20.08.12.

²⁶ Кто мы // [Региональная благотворительная общественная организация «Азария — Матери против наркотиков»] / РБОО «Азария» (Санкт-Петербург, 2005–2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.azaria.rusorg.ru/site.xp/055056.html>. Дата обращения: 09.07.12.

²⁷ Там же.

²⁸ Система «Старший — младший» // [Новая жизнь] / Бесплатный центр социальной реабилитации для наркоманов и алкоголиков «Новая Жизнь» (2005–2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://newliferus.ru/sistema_starshiy-mladshiy. Дата обращения: 09.07.12.

²⁹ Там же.

Еще один пример — описание роли «спонсор». Он определяется как «наставник, опытный член сообщества [Анонимных Наркоманов]», а его действия заключаются в «предоставлении неформальной помощи более молодому участнику»³⁰.

Встречаются и более подробные описания когнитивной составляющей роли («что знает носитель роли, какой у него опыт?»). Например, функционально роль «член сообщества Анонимных Алкоголиков» описана достаточно скромно: «на собраниях [они] рассказывают, до чего довело их пьянство, что они делали, чтобы избавиться от этого недуга, и как они живут теперь». Когнитивное же описание достаточно подробное: «[они] знают, что значит пристраститься к спиртному, обещать себе и другим бросить пить и быть не в состоянии выполнить это обещание; ...[это] мужчины и женщины, которые потеряли способность сдерживать свою тягу к спиртному и у которых в результате пьянства возникли самые разные проблемы... [которые] стремятся жить полноценной жизнью, в которой нет места алкоголю, и большинству ...это удается; [которые] убедились в том, что для этого требуется помощь и поддержка других алкоголиков»³¹.

Сходным образом описана когнитивная составляющая роли «социальный работник реабилитационного центра»: «большинство [из них] — это бывшие наркоманы, алкоголики и бездомные, которые знают об этих социальных проблемах не понаслышке; они также когда-то проходили реабилитацию в Центре, кардинально изменили прежний образ жизни и добровольно приехали в Центр, чтобы помогать таким же, какими когда-то были они, не желая оставаться равнодушными к тем, кто еще в проблемах»³².

Эмоционально-нравственная составляющая роли «социальный работник программы для потребителей наркотиков» представлена следующим образом: «[основной принцип работы] — это толерантное отношение к потребителям наркотиков, уважение человеческого до-

³⁰ Профессионалам // [Анонимные Наркоманы: Официальный сайт Сообщества региона Западная Россия] / РКО АН Западной России (2010) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rko-na.ru/ru/for-professional.html>. Дата обращения: 09.07.12.

³¹ Вопросы новых членов АА // [Алкоголизм: Самоизлечение от алкоголизма, вопросы пьянства, анонимные алкоголики] / Анонимные Алкоголики (Санкт-Петербург, 2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aaspb.ru/Novechok/1.htm>. Дата обращения: 14.07.12.

³² Работники Центра // [Новая жизнь] / Бесплатный центр социальной реабилитации для наркоманов и алкоголиков «Новая Жизнь» (2005–2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://newliferus.ru/rabotniki_centra. Дата обращения: 09.07.12.

стоинства, отсутствие морализаторства и попыток изменить жизнь клиентов помимо их желания»³³.

Для восприятия и «расшифровки» институциональной роли необходимо владеть «кодом» (как и в случае с габитусом). Таким «кодом» является соответствующая действиям и ролям система знания.

Система знания. В широком смысле система знания — это образ реальности, представленный в виде связанных между собой понятий, принципов и идей относительно определенного объекта. Это смысловая составляющая любого современного социального института (смысловой подуниверсум — П. Бергер, Т. Лукман³⁴).

Применительно к предмету данной статьи, речь идет о системе знания о социальном контроле девиантности, включающей представления о том, что следует считать нормой, а что девиацией, каким образом можно поддерживать нормативное и корректировать девиантное поведение, с какими социальными проблемами ассоциированы различные формы девиаций и т. д. Ясно, что это лишь одна из целого ряда систем знания о социальном контроле девиантности.

Достаточно распространено мнение, что система знания, сформированная и транслируемая общественными инициативами, является более прогрессивной или оппозиционной по отношению к системе знания, ассоциированной с формальной («официальной») системой социального контроля. Такая точка зрения во многом поверхностна и ошибочна: в среде общественных инициатив существуют многочисленные системы знания, значительно нюансированные и в разной степени удаленные как друг от друга, так и от «официальной» системы.

Так, например, система знания о зависимом поведении часто имеет ярко выраженные черты классического медицинского подхода. Зависимость в широком смысле воспринимается как болезнь, симптоматика которой может проявляться в употреблении любого опьяняющего вещества («Зависимость — это болезнь, и она не связана ни с каким определенным видом наркотика... Употребление наркотиков, в том числе и алкоголя, — это лишь симптом того, что

³³ Программа «Профилактика ВИЧ/СПИД и других социально значимых заболеваний среди потребителей инъекционных наркотиков» // [Санкт-Петербургский благотворительный общественный фонд медико-социальных программ «Гуманитарное действие»] / СПб БОФ «Гуманитарное действие» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://haf-spb.org/programs/pin/>. Дата обращения: 15.07.12.

³⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. С. 140–143.

мы называем болезнью зависимости»³⁵. При этом симптомы проявляются как на уровне личности («Привыкание... устойчивая и непреодолимая зависимость, саморазрушающие процессы поведения, отрицание своего заболевания»³⁶), так и в социальном поведении («Неспособность работать, преступления ради непреодолимой страсти иметь наркотик»³⁷).

Важной спецификой отношения к зависимости в рамках общественных инициатив является стремление избавить ее от негативной окраски. С одной стороны, подчеркивается равенство всех перед этой болезнью: «Признаки и симптомы этого заболевания одинаковы у всех людей во всех странах... От наркомании никто не застрахован: ни деньги, ни статус, ни образование не защитят от этой болезни»³⁸. С другой стороны, «акцент вины» переносится с заболевшего на заболевание: «Многие алкоголики, безуспешно пытавшиеся бросить пить, начинают считать себя людьми безвольными, а то и психически неуравновешенными... Если человек заболел, то есть у него сила воли или нет, значения не имеет, так как болезнь лишила его свободы выбора в вопросе “пить или не пить”»³⁹.

Еще одна отличительная черта такой системы знания о зависимости — это надежда на излечение: «Любой, совершенно любой зависимый в состоянии остановиться в употреблении наркотиков, избавиться от тяги к употреблению и обрести новый путь в жизни»⁴⁰; «Алкоголизм — это болезнь, ...которую, как и ряд других болезней,

³⁵ Часто задаваемые вопросы. Программа 12 шагов // [Анонимные Наркоманы: Официальный сайт Сообщества региона Западная Россия] / РКО АН Западной России (2010) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rko-na.ru/ru/faq.html>. Дата обращения: 09.07.12.

³⁶ Материалы для прессы: пресс-релизы // [Региональная благотворительная общественная организация «Азария — Матери против наркотиков»] / РБОО «Азария» (Санкт-Петербург, 2005–2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.azaria.rusorg.ru/site.xp/049048049.html>. Дата обращения: 09.07.12.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ 44 вопроса и ответа по программе излечения от алкоголизма // [Алкоголизм: Самоизлечение от алкоголизма, вопросы пьянства, анонимные алкоголики] / Анонимные Алкоголики (Санкт-Петербург, 2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aaspb.ru/Litra/44/1.htm>. Дата обращения: 14.07.12.

⁴⁰ Информация о сообществе «Анонимные Наркоманы» // [Анонимные Наркоманы: Официальный сайт Сообщества региона Западная Россия] / РКО АН Западной России (2010) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rko-na.ru/ru/about-na.html>. Дата обращения: 09.07.12.

можно поставить под контроль»⁴¹; «Достаточное и правильное лечение делает выздоровление возможным»⁴².

Еще одна популярная среди общественных инициатив система знания — это безоценочное и идеологически-нейтральное отношение к зависимому поведению (как к «преступлению без жертв»), характерное для общественного здравоохранения. При таком подходе подчеркиваются принципы толерантного и уважительного отношения к человеку и его выбору⁴³, а главной целью оказания помощи видится снижение рисков такого поведения как для самого зависимого, так и для окружающих (так называемые программы «снижения вреда»).

Надо отметить, что такая система знания о зависимом поведении в России достаточно широко критикуется (и частично запрещается) формальными институтами социального контроля. Критика встречается и внутри самих общественных инициатив: «...Продвижение в общество опасных программ так называемого “уменьшения вреда”, начиная от выдачи чистых шприцев... и кончая заместительной терапией, ...практически является легализованной формой наркобизнеса, с одной стороны, а с другой — никаким образом не решает проблему наркозависимости»⁴⁴.

В свою очередь, система знания о зависимости, институционализированная внутри формальных правовых институтов контроля также вызывает критику со стороны общественных инициатив. Например,

⁴¹ 44 вопроса и ответа по программе излечения от алкоголизма // [Алкоголизм: Самоизлечение от алкоголизма, вопросы пьянства, анонимные алкоголики] / Анонимные Алкоголики (Санкт-Петербург, 2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aaspb.ru/Litra/44/1.htm>. Дата обращения: 14.07.12.

⁴² Материалы для прессы: пресс-релизы // [Региональная благотворительная общественная организация «Азария — Матери против наркотиков»] / РБОО «Азария» (Санкт-Петербург, 2005–2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.azaria.rusorg.ru/site.xp/049048049.html>. Дата обращения: 09.07.12.

⁴³ Программа «Профилактика ВИЧ/СПИД и других социально значимых заболеваний среди потребителей инъекционных наркотиков» // [Санкт-Петербургский благотворительный общественный фонд медико-социальных программ «Гуманитарное действие»] / СПб БОФ «Гуманитарное действие» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://haf-spb.org/programs/pin/>. Дата обращения: 15.07.12.

⁴⁴ Официально: Доклад С.А. Матевосяна «Возможности центров социальной реабилитации в снижении смертности от наркотиков в Российской Федерации, на примере Реабилитационного Центра “Новая жизнь”» (Санкт-Петербург, 2006) // [Новая жизнь] / Бесплатный центр социальной реабилитации для наркоманов и алкоголиков «Новая Жизнь» (2005–2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://newliferus.ru/oficialno>. Дата обращения: 09.07.12.

это касается уголовного преследования наркозависимых: «Употребление наркотиков и наркозависимость не исчезнут только за счет системы запретов уголовного закона; нельзя заставить человека вести здоровый образ жизни под угрозой уголовного наказания»⁴⁵.

Системы знания о гомосексуальности, институционализированные общественными инициативами, носят взаимоисключающий характер.

Одна из современных систем знания связана с генетическим объяснением гомосексуальности («Ученые утверждают, что ген гомосексуальности существует»), что «опровергает идею о возможности выбора человеком той или иной сексуальной идентичности»⁴⁶, а также о принципиальной возможности ее коррекции или лечения⁴⁷. Базируясь на таком знании, в рамках общественных инициатив развиваются программы, «стремящиеся помочь [гомосексуалам] ...почувствовать себя полноценными членами общества и равноправными гражданами, построить свою личную жизнь и принимать участие в культурной жизни гей-сообщества»⁴⁸.

В свою очередь, оппоненты от общественных инициатив называют такие программы «гей-аффирмативной терапией», а преобладание данного подхода связывают с «идеологическим давлением гей-лобби»⁴⁹.

Другая система знания основывается на идее о социальной природе гомосексуальности: «Допускается влияние генетических и гормональных факторов, однако все серьезные исследователи ...подчеркивают, что это только влияние, а не предопределенность; ...большую роль играют внутрисемейные отношения, ...также влияет ...негативный опыт общения

⁴⁵ Материалы для прессы: пресс-релизы // [Региональная благотворительная общественная организация «Азария — Матери против наркотиков»] / РБОО «Азария» (Санкт-Петербург, 2005—2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.azaria.rusorg.ru/site.xp/049048049.html>. Дата обращения: 09.07.12.

⁴⁶ Стереотипы: Гомосексуальность это выбор человека // [GAY.ru — Российский сервер геев, лесбиянок, бисексуалов и транссексуалов] / Эд Мишин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://gay.ru/society/phobia/stereotype/strtp_12.html. Дата обращения: 18.07.12.

⁴⁷ Стереотипы: Гомосексуальность это болезнь, которую можно вылечить // [GAY.ru — Российский сервер геев, лесбиянок, бисексуалов и транссексуалов] / Эд Мишин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://gay.ru/society/phobia/stereotype/strtp_13.html. Дата обращения: 18.07.12.

⁴⁸ Общая информация // [GAY.ru — Российский сервер геев, лесбиянок, бисексуалов и транссексуалов] / Эд Мишин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://gay.ru/together/about_r.html. Дата обращения: 18.07.12.

⁴⁹ Мифы и факты о гомосексуализме // [Преодоление X: Сайт о преодолении гомосексуализма, лесби-влечений и других проблем, связанных с полом] / Преодоление X (2003—2008) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.overcoming-x.ru/site/facts>. Дата обращения: 19.07.12.

со сверстниками, ...особое влияние оказывают нездоровые фантазии и первый сексуальный опыт»⁵⁰. При этом подчеркивается возможность изменения гомосексуальной ориентации⁵¹.

Еще одна система знания не фокусируется на причинах гомосексуальности, но рассматривает ее сквозь призму прав человека: «Все граждане ...должны обладать равными правами, вне зависимости от их сексуальной ориентации и гендерной идентичности; ...каждый имеет право любить и быть любимым и не скрывать этого»⁵².

Такая позиция характеризуется жесткой критикой системы формального социального контроля в данной сфере: «Никаких законов, направленных на борьбу с дискриминацией на основании сексуальной ориентации, запрещение гомофобных высказываний и действий или признание прав однополых партнеров в том же объеме, что и партнеров разнополых, в России не существует»⁵³; «Мы считаем законы [об административной ответственности за пропаганду гомосексуальности] позорными и абсурдными. Они нарушают права человека... способствуют разжиганию ненависти между людьми, дискриминируют и унижают целую социальную группу... Растет насилие и призывы к насилию по отношению к ЛГБТ... [Эти законы] тянут страну к фашизму и средневековью, фактически указывая людям, кого им следует любить, а тех, кто любит “неправильно”, объявляют людьми второго сорта и вынуждают стать невидимыми в публичном пространстве»⁵⁴.

В свою очередь и сам правовой подход подвергается критике со стороны общественных инициатив, ассоциированных с другими системами знания: «Западный мир ...признал конституционные права за гомосексуалистами и часто ограничивает права других групп для удовлетворения интересов этой группы»⁵⁵.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Манифест Альянса гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ // [Альянс гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ] / ВКонтакте (2006–2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vk.com/page-38905640_43884084. Дата обращения: 16.07.12.

⁵³ Законы // [GAY.ru — Российский сервер геев, лесбиянок, бисексуалов и транссексуалов] / Эд Мишин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gay.ru/society/legislation/>. Дата обращения: 18.07.12.

⁵⁴ Манифест Альянса гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ // [Альянс гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ] / ВКонтакте (2006–2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vk.com/page-38905640_43884084. Дата обращения: 16.07.12.

⁵⁵ Мифы и факты о гомосексуализме // [Преодоление X: Сайт о преодолении гомосексуализма, лесби-влечений и других проблем, связанных с полом] / Преодоление X (2003–2008) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.overcoming-x.ru/site/facts>. Дата обращения: 19.07.12.

Что касается системы знания о преступном поведении, то она может иметь ярко выраженные черты репрессивного, карательного подхода, характерного для формальных полицейских институтов. Например, система знания, ассоциированная с добровольными народными дружинами, близка идее коммунальной полиции — так называемой *community policing* («по-настоящему бороться с преступностью можно только при поддержке населения»), однако термин «бороться» в данном случае понимается буквально («встать под ружье» и на добровольных началах выполнять *полицейские функции*)⁵⁶.

Реализация неформального социального контроля

В современных условиях институты социального контроля не столько регулируют, сколько конструируют девиантность⁵⁷. Это же касается и социальных проблем, через которые девиантность воспринимается общественным сознанием.

Социальные проблемы не существуют объективно: это то, «что люди считают социальными проблемами»⁵⁸, «условия или ситуации, на которые... “наклеивается ярлык” проблемы»⁵⁹, результат «коллективного определения»⁶⁰. Важно, что эти социальные конструкции вос-

⁵⁶ Ваше участие // [Санкт-Петербургская региональная общественная организация по содействию охране и поддержанию общественного порядка «Добровольная народная дружина “Ульянка”»] / СПб РОО «ДНД “Ульянка”» (Санкт-Петербург, 2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dnd-ulianka.okis.ru/sponsor.html>. Дата обращения: 20.08.12; Отчет о проделанной работе СПб РОО «ДНД “Ульянка”» за 2011 г. // [Санкт-Петербургская региональная общественная организация по содействию охране и поддержанию общественного порядка «Добровольная народная дружина “Ульянка”»] / СПб РОО «ДНД Ульянка» (Санкт-Петербург, 2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dnd-ulianka.okis.ru/price.html>. Дата обращения: 20.08.12.

⁵⁷ См., напр.: *Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: The Social Construction of Deviance.* Blackwell Publishers, 1994; *Henry S., Milivanovic D. Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism.* SAGE Publications, 1996; *Гилинский Я.* Конструирование девиантности // Феноменология и профилактика девиантного поведения. 2008. Т. I. Краснодар: Изд-во Краснодарского университета МВД РФ. С. 86–93; *Грошева И. А.* Социальный контроль как механизм конструирования девиантности // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 4. С. 31–37.

⁵⁸ *Фуллер Р., Майерс Р.* Стадии социальной проблемы // Контексты современности — П. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 138.

⁵⁹ *Хилгартнер С., Боск Ч.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2. С. 74.

⁶⁰ *Блумер Г.* Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности — П. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 149–158.

принимаются как нечто универсальное, «данное свыше» (явление реификации — П. Бергер, Т. Лукман⁶¹).

Социальные проблемы всегда являются «средоточием различных, подчас конфликтующих интересов, намерений и целей»⁶² (что отчасти было показано выше при анализе систем знания о социальном контроле девиантности). Они включены «в сложную институционализированную систему формулирования и распространения»⁶³, которая, однако, вынуждена ранжировать социальные потребности и держать часть из них «в состоянии ожидания»⁶⁴.

Как и большинство современных систем, такая система, по сути, «конструирует смыслы, ...[и] может описывать себя... и свой внешний мир в форме смысла»⁶⁵. Развитие таких систем происходит в процессе коммуникации посредством соотнесения и различения представлений, сформированных внутри системы и за ее пределами (само- и иноференций — Н. Луман)⁶⁶.

Коммуникационное взаимодействие как процесс соотнесения само- и инопредставлений разворачивается на так называемых публичных аренах — в публичном пространстве, где «происходит обсуждение, отбор, определение, формулировка, драматизация, оформление и представление общественности социальных проблем»⁶⁷.

На практике это проявляется как конкурентная борьба различных институтов социального за общественное внимание, за представленность в различных средствах массовой информации, за финансовые и иные ресурсы, политическую поддержку, клиентов и т. д. Здесь важно не только то, как общественные инициативы репрезентируют себя и свой подход к социальному контролю девиантности, но и то, каким образом эти вопросы репрезентируют другие субъекты социального контроля: ведь самопредставление является во многом ответом на инопредставление. Столкновения этих двух представлений

⁶¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. С. 146.

⁶² Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение. С. 149, 152.

⁶³ Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен. С. 74.

⁶⁴ Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 16–35.

⁶⁵ Луман Н. Общество как социальная система. М: Логос, 2004. С.49–50.

⁶⁶ Там же. С. 51–59.

⁶⁷ Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен. С. 78.

можно наблюдать в общественных, научных, профессиональных дискуссиях, а их результаты и являются социальными конструкциями девиантности и ее контроля.

Для иллюстрации приведем обширную цитату, показывающую, как воспринимается коммуникация на публичных аренах представителями общественных инициатив (на примере реабилитационного центра для наркозависимых): «С одной частью госчиновников мы успешно сотрудничаем, другая часть нам активно противостоит. С одной частью силовых структур мы также успешно работаем, другая часть этих же структур пытается нас дискредитировать и ставить “палки в колеса”. Авторитетные наркологи из различных регионов страны направляют к нам безнадежных, с их точки зрения, наркоманов, как в “последнюю инстанцию”, другая часть официальной наркологии открыто высказывается против. Одна часть православной церкви нас благословляет, другая занимает непримиримую “ваххабитствующую” позицию и ведет против нас религиозную “священную” войну и кампанию откровенной лжи в средствах массовой информации, пытаясь настроить против нас часть чиновничьего аппарата, силовых структур, а также общественного мнения. Добавим сюда частную наркологию с их отношением к бесплатным реабилитационным программам, и мы увидим картину отношения к подобным центрам. Для того чтобы держать монополию в ежегодном поедании бюджетного пирога, им нужно дискредитировать возможных конкурентов. Это и является чаще всего источником всех негативных мифов и легенд о подобных реабилитационных центрах, формирующих “образ врага” вокруг них»⁶⁸.

Некоторые общественные инициативы активно продвигают себя и свою позицию в отношении социального контроля девиантности на публичных аренах и, более того, видят в этом одну из приоритетных задач своей деятельности: «Мы объединяемся, чтобы показать обществу, власти и СМИ, что права ЛГБТ — это не только проблема самих ЛГБТ. Это наше общее дело. Нас пытаются убедить, что якобы идет борьба сексуальных меньшинств против гетеросексуального боль-

⁶⁸ Официально: Доклад С.А. Матевосяна «Возможности центров социальной реабилитации в снижении смертности от наркотиков в Российской Федерации, на примере Реабилитационного Центра “Новая жизнь”» (Санкт-Петербург, 2006) // [Новая жизнь] / Бесплатный центр социальной реабилитации для наркоманов и алкоголиков «Новая Жизнь» (2005–2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://newliferus.ru/oficialno>. Дата обращения: 09.07.12.

шинства. Мы знаем, что это — циничная ложь, ведь мы сами — часть этого большинства, и мы не давали права лицемерам от политики и религии говорить от нашего имени, не давали им монополии на мораль и нравственность, которую они пытаются себе присвоить»⁶⁹.

В то же время, некоторые общественные инициативы стремятся придерживаться нейтралитета по спорным позициям и даже ограничивают контакты с «внешним миром»: «[Сообщество] не имеет никакой позиции, ни за, ни против, по гражданским, социальным, медицинским, юридическим или религиозным вопросам, и при этом не высказывает никакого отношения к связанным с наркоманией вторичным проблемам типа преступности, проституции, СПИДа, программ обеспечения наркоманов стерильными шприцами и иглами, легализации наркотиков или наказания за них»⁷⁰; «Отношения [сообщества] с внешним миром традиционно строятся на факте привлекательности [сообщества], нежели на принципе саморекламы. [Оно] никогда не стремится к рекламе, но всегда готово оказать максимум содействия серьезным журналистам... желающим получить информацию о программе... по излечению от алкоголизма»⁷¹; «Наша политика во взаимоотношениях с общественностью основывается на привлекательности наших идей, а не на пропаганде. Мы должны всегда сохранять анонимность во всех наших контактах с прессой, радио и кино. Общественные отношения важны для [сообщества]; мы нуждаемся в публичном освещении принципов [сообщества], а не в рекламе отдельных его членов... Личная анонимность при публичных контактах — краеугольный камень нашей общественной политики»⁷².

⁶⁹ Манифест Альянса гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ // [Альянс гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ] / ВКонтакте (2006–2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vk.com/page-38905640_43884084. Дата обращения: 16.07.12.

⁷⁰ Профессионалам // [Анонимные Наркоманы: Официальный сайт Сообщества региона Западная Россия] / РКО АН Западной России (2010) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rko-na.ru/ru/for-professional.html>. Дата обращения: 09.07.12.

⁷¹ 44 вопроса и ответа по программе излечения от алкоголизма // [Алкоголизм: Самоизлечение от алкоголизма, вопросы пьянства, анонимные алкоголики] / Анонимные Алкоголики (Санкт-Петербург, 2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aaspb.ru/Litra/44/1.htm>. Дата обращения: 14.07.12.

⁷² Двенадцать шагов // [Алкоголизм: Самоизлечение от алкоголизма, вопросы пьянства, анонимные алкоголики] / Анонимные Алкоголики (Санкт-Петербург, 2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aaspb.ru/Litra/12on12.htm>. Дата обращения: 14.07.12.

Заключение

Итак, становление и развитие общественных инициатив как социального института есть процесс опривычивания, типологизации и легитимации действий, связанных с реализацией социального контроля девиантности, а также формирования соответствующих им ролей. Во многом специфичность действий и ролей определяется институционализированной системой знания о девиантности и ее социальном контроле.

Важно, что не существует единой системы знания, характерной для института общественных инициатив: определения девиантности и видение механизмов социального контроля разнообразно. Такое положение дел в целом характерно для современного общества с его мозаичной, пластичной ценностно-нормативной системой.

Во внешней среде институт общественных инициатив проявляет себя посредством коммуникации на публичных аренах. Широкий спектр различных систем знания, институционализированных и транслируемых общественными инициативами, существенно модифицирует понятия «норма»/«девиантность». Это, в свою очередь, обогащает современные обыденные представления и повседневные практики социального контроля девиантности.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ПОДРОСТКОВОЙ ДЕВИАНТНОСТИ С ПОЗИЦИЙ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПОДХОДА

В статье обобщаются методологические аспекты исследований, посвященных тематике изучения социального контроля подростковой девиантности с позиций конструктивистского подхода. Демонстрируется необходимость поиска исследовательских подходов, альтернативных наиболее распространенному структурно-функциональному подходу к изучению социального контроля подростковой девиантности. Излагаются устоявшиеся в поведенческих науках представления об изучаемом феномене. В качестве исследовательской альтернативы рассматривается макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности Т.В. Шипуновой, предложенная в рамках направления социального конструктивизма. Показаны ограничения использования модели для изучения подростковой девиантности.

Ключевые слова: социальный контроль, подростковая девиантность, структурно-функциональный подход, социальный конструктивизм, макро-микро-макро-модель.

Проблема подростковой девиантности является высоко актуальной для современного российского общества и вызывает как пристальный общественный интерес, так и разного рода политические спекуляции. Это положение в значительной мере усугубляется тем состоянием, в котором сегодня пребывает научное знание о подростковой девиантности¹. Структурно-функциональный подход, в рамках которого до сего дня выполняется большинство исследований проблемы, принес довольно мало достоверного и пригодного для практического использования знания².

Ярким примером недостаточной продуктивности названного подхода является монография Л.А. Цветковой, где проведен сквозной анализ материалов семи эмпирических исследований одного из видов девиантного поведения подростков — наркотизма. Анализ показал

¹ Гилинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учебное пособие. СПб филиал Инс-та социологии РАН, 1993. 167 с.

² См. нашу теоретическую модель и пример ее применения в книге: Гилинский Я. и др. Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность. СПб.: Медицинская пресса, 2001. 200 с.

отсутствие сколько-нибудь консистентных данных и зависимостей в этих исследованиях, кроме довольно тривиальной связи наркотизма с гендерной принадлежностью индивида³. Этим же, по-видимому, объясняется и большое количество имеющихся в социологии и социальной психологии теоретических моделей подростковой девиантности, предложенных в рамках структурно-функционального подхода, ни одна из которых не дает универсального ответа на вопрос о причинах девиантности подростков. Прежде чем перейти к рассмотрению конструктивистского подхода, остановимся на некоторых общепринятых положениях социологии и социальной психологии, используемых при рассмотрении проблем девиантности.

Социальные нормы — основа социального контроля. Именно они «задают» те стандарты поведения, на основе которых это поведение признается «нормальным» или отклоняющимся. Социальные нормы можно определить, таким образом, как правила поведения, регулирующие взаимоотношения людей и их объединений. Основные виды социальных норм включают:

1) нормы права — это общеобязательные, формально-определенные правила поведения, которые установлены или санкционированы, а также охраняются государством;

2) нормы морали (нравственности) — правила поведения, которые, сложившись в обществе, выражают представления людей о добре и зле, справедливости и несправедливости, долге, чести, достоинстве; действие этих норм обеспечивается внутренним убеждением, общественным мнением, мерами общественного воздействия;

3) нормы обычаев — это правила поведения, которые, сложившись в обществе в результате их многократного повторения, исполняются в силу привычки;

4) нормы общественных организаций (корпоративные нормы) — это правила поведения, которые самостоятельно установлены общественными организациями, закреплены в их уставах (положениях и т. п.), действуют в их пределах и ими же охраняются от нарушений посредством определенных мер общественного воздействия.

Кроме указанных, среди социальных норм различают:

- религиозные нормы;
- политические нормы;

³ Цветкова Л.А. Социальная психология наркотизма в студенческой среде. СПб.: Коло, 2011. 320 с.

- эстетические нормы;
- организационные нормы;
- нормы культуры и др.

В подростковом возрасте, в процессе первичной социализации, происходит интериоризация (Л.С. Выготский), т. е. усвоение социальных норм (во фрейдизме — формирование супер-эго). Целый ряд проявлений подростковой девиантности является так называемым «подростковым экспериментированием», т. е. «экспериментальным» установлением подростком границ действия той или иной социальной нормы. Здесь мы не будем рассматривать этот вид подростковой девиантности, поскольку он не представляет собой сколько-нибудь значимого отклонения от обычной подростковой социализации.

Все социальные нормы имеют некие общие черты: а) являются правилами общего характера, представляют собой определенный стандарт (образец, эталон, норматив) поведения, типичный и нормальный для данного времени и среды; социальные нормы в этом смысле есть поведение, выражающее типичные социальные связи и отношения; б) определяют границы должного и возможного поведения, служат ориентирами в выборе социально одобряемого поведения; в) являются средством контроля за поведением людей; г) формируются в процессе жизнедеятельности людей, т. е. неотделимы от своего носителя; д) преследуют общую цель — обеспечение порядка и организованности в общественных отношениях. Без отнесения к тому или иному виду социальные нормы выполняют следующие функции: регулятивную — социальные нормы устанавливают правила поведения, регулируют взаимодействие людей; оценочную — выступают критериями и основанием оценок поведения, действия людей (моральное—аморальное, правомерное—противоправное и др.); культурологическую — нормы, во-первых, выступают хранилищем культурных ценностей, в них концентрируется опыт, культура, а во-вторых, являются своего рода ретранслятором этой культуры, благодаря которому накопленные и аккумулированные ценности через воспитание, образование, обучение передаются другим поколениям; информативную — содержат полезную и нужную информацию относительно способов социализации человека.

Термин «девиантное поведение» приобретает смысл только в соотнесении с понятием нормы. Девиация — это социально запрещаемое расхождение с «нормой». Девиантное поведение, понимаемое как нарушение социальных норм, приобрело в последние годы массовый

характер, и эта проблема оказалась в центре внимания социологов, социальных психологов, медиков, работников правоохранительных органов. Преступность и поведение, запрещенное уголовным законодательством, является одной из форм девиации. Всякое поведение, которое вызывает неодобрение общественного мнения, называется девиантным. Это чрезвычайно широкий класс явлений — от безбилетного проезда до убийства человека. В широком смысле девиант — любой человек, сбившийся с пути или отклонившийся от нормы. При такой постановке следует говорить о формах и размерах отклонения⁴.

Как попытка предложить какую-то теоретическую альтернативу структурно-функциональному подходу возникла группа теорий так называемого «этикетирования», объясняющих девиантное поведение характеристиками социального контроля. Другими словами, в их основе лежит предположение о так называемой «обратной» или, в более мягком варианте, «циркулярной» причинности. Применительно к основным видам подростковых девиаций, эти теории затрагивают психические расстройства, алкоголизацию, наркопотребление, неупорядоченное сексуальное поведение (проституцию) и криминальное (делинквентное) поведение. Таким образом, здесь будут охвачены отнюдь не все виды девиаций, и тем более вне рамок рассмотрения останутся так называемые позитивные девиации⁵. В немалой степени это обусловлено самостоятельной теоретической базой рассмотрения многих из видов девиантного поведения, таких, например, как творчество или суицидальное поведение.

В социальной психиатрии получила широкое признание теория «этикетирования» Т. Шефа⁶. В этой теории упор делается на недобровольном проигрывании индивидом своей социальной роли. В своей теории автор исходит из социально-психологических аспектов социального контроля как процесса, обеспечивающего конформность в группах людей. «Психическая болезнь» рассматривается как медицинская метафора. С социологической точки зрения психиатрические симптомы представляют собой нарушение взаимосвязанных правил

⁴ Sociology. URL: http://knowledge.allbest.ru/sociology/2c0b65635b3bc78a4c53a88421306d37_0.htm

⁵ Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс. 2004. 520 с.

⁶ Scheff T.J. Being mentally ill: A sociological theory. 2nd ed. NY: Aldine Publ., 1984. 244 p.

группы, то есть социальных норм. Частные действия, проявляющиеся публично, и официально этикетируемые как нарушение норм, являются девиацией. Психиатрические «симптомы» — это остающиеся необъясненными в других терминах определения девиаций как нарушения правил. Теория сформулирована автором в виде девяти утверждений.

1. Необъяснимые нарушения правил возникают из коренным образом отличающихся источников. Этими источниками могут быть органическое мозговое нарушение, психологическое состояние, стрессогенное воздействие и целенаправленные волевые инновационные или вызывающие действия.

2. По сравнению с уровнем излеченных психических расстройств в популяции уровень незарегистрированных нарушений правил крайне высок.

3. Большинство необъясненных нарушений правил спонтанно нормализовывается и имеет сугубо преходящую значимость.

4. Стереотипизированные представления о психических расстройствах заучиваются в раннем детстве.

5. Стереотип сумасшествия в общественном сознании имеет устойчивые характеристики, которые постоянно подтверждаются в обычной социальной интеракции.

6. Этикетированные девианты могут вознаграждаться за проигрывание стереотипизированной девиантной роли.

7. Этикетированные девианты наказываются, когда пытаются вернуться к конвенциональной роли.

8. В кризисе, возникающем при публичном этикетировании нарушителя правил, девиант высоко внушаем и включает предлагаемую роль сумасшедшего в свой личностный процесс.

9. Этикетирование является одной из важнейших причин, по которым девиант проделывает «карьеру девиации».

В объяснении других рассматриваемых здесь видов поведенческих девиаций широкое признание получили теории вторичной девиации и девиантной карьеры.

Создателем теории вторичной девиации является Э. Лемерт⁷. Он выделяет первичные и вторичные девиации и утверждает, что первичная девиация — это отклонение от нормы в условиях аномии. Она может

⁷ *Lemert E.M. Human Deviance, Social Problems and Social Control. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1967. 211 p.*

никак не влиять на психологическую структуру индивида. Вторичная девиация — девиантное поведение, используемое в качестве защиты, нападения или приспособления. Она формируется на основе реакции общества на первичную девиантность — человек, которого назвали девиантом, начинает осознавать себя девиантом. Происходит так называемое «ролевое поглощение», т. е. процесс вживания человека в роль девианта. Его дальнейшее поведение направлено на то, чтобы оправдать эту роль. При этом степень принятия им роли зависит от того, с какой продолжительностью, частотой и интенсивностью она навязывалась ему окружающими, а также от способности сопротивляться этому воздействию. Согласно Э. Лемерту, изучение вторичной девиации имеет большее практическое значение, чем изучение первичной девиации.

Теория девиантной карьеры Г. Беккера состоит в том, что признание поступка девиантным в результате стигматизации способствует формированию девиантной карьеры. Г. Беккер⁸ показывает, что девиантность — это не свойство самого деяния, а следствие применения таких норм и санкций, посредством которых человека клеймят как девианта, т. е. социальные дефиниции девиантности делают те или иные поступки девиантными.

Т.В. Шипунова предлагает макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности (М-М-М-модель)⁹, где под макроуровнем понимается господствующая в обществе модель контроля с ее явными и латентными системно-институциональными эффектами. На микроуровне соответственно формируются смыслы и конструкты «норма—девиация», на которые распространяется социальный контроль. Повторно на макроуровне, в качестве реакции на процессы, протекающие на микроуровне, возникает модификация господствующей модели социального контроля, его явных и латентных системно-институциональных эффектов. С макроуровня, в частности, транслируется:

— определение понятий «хорошее»/«плохое», «норма»/«девиация» и, соответственно, социальных норм, дающих возможность непосредственного участия в общественной жизни;

⁸ Becker G. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 314 p.

⁹ Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы (Глава IV, § 4.3). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. С. 193–208; Шипунова Т.В. Макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе: приглашение к дискуссии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 2 (61). С. 157–172.

- правила селекции наказуемых деяний, способы стигматизации людей и социальных групп, образ девианта;
- отношение к жертвам преступлений;
- претензия на знание истины при выработке модели социального порядка и контроля;
- определение субъектов, которые имеют право заниматься контролем девиантности.

На микроуровне происходит определение позиции, которую занимает контролирующая фигура. Автор различает позиции: властную/исполнительскую, наказывающую/помогающую и др.

Кроме того, по характеру понимания девиации выделяются виды понимания (и определения), такие как государственное, научное, профессиональное, «обывательское» и пр. При изучении эффектов социального контроля девиантности необходимо определить, с чьих позиций мы будем их оценивать. Автор предлагает такие направления анализа социального контроля девиантности, как теоретико-методологическое, культурно-символическое, системно-институциональное и социоструктурное. В частности, говорится об описании повседневных практик социального контроля отдельных видов девиантности, включая процедуру селекции объектов контроля. Необходимо отметить, что возникновению самого направления социального конструкционизма как направления описания дискурсивных практик в обществе предшествовали по времени (и послужили моделью последующего теоретизирования) рассмотренные ранее теории «этикетирования».

Существенным недостатком подхода с позиций дискурсивных практик следует признать то, что модель человека здесь выглядит тотально риторической. Подходу с позиций социального конструктивизма присуща избирательность интерпретаций (нельзя объяснять поведение личностными свойствами или когнитивными механизмами, но можно контекстом или дискурсивными практиками)¹⁰.

Конечно, настолько обобщающая теоретическая модель, сравнимая лишь с общей теорией девиантности, не может быть валидизирована в сколько-нибудь разумно спланированном эмпирическом исследовании. Однако она обладает определенной так называемой «очевидной» валидностью, что позволяет использовать ее для изучения конкретных дискурсивных практик.

¹⁰ Сивуха С.В. Дискурс социального конструкционизма: критический анализ дискурсивной психологии // *Философия и социальные науки*. 2009. № 1–2. С. 78.

Как отмечает Т.В. Шипунова, одним из направлений, в рамках которого целесообразно осуществлять разработку макро-микро-макро-модели социального контроля девиантности, является «социоструктурное», заключающееся в выявлении специфики реализации социального контроля в рутинной профессиональной деятельности специалистов, работающих с лицами девиантного поведения¹¹.

В целях применения М-М-М-модели к объяснению путей формирования подростковой девиантности вследствие воздействия механизмов социального контроля предлагается следующая достаточно схематическая частная модель.

На социально-психологическом уровне функционирования общности действуют во многом культурно передающиеся (традиционные) нормы поведения подростков. В случаях, когда реальное поведение подростков нарушает эти сложившиеся нормы, а особенно когда эти нарушения носят массовидный характер, формируется общественная реакция на эти отклонения.

По своему содержанию эта социальная реакция является протестной и через средства массовой информации, непосредственное общение с представителями депутатского корпуса всех уровней, а также разного рода массовые акции доводится до представителей власти. Таким образом, на власть оказывается общественное давление. Ясно, что, если ответной реакции власти не наступает, формируется социальное недовольство.

Отсюда ясно, что при любом личностном отношении к девиантным проявлениям в обществе представители власти, просто исходя из чувства самосохранения, должны принимать те или иные меры, направленные на устранение девиантных проявлений. Самым простым и высоконаглядным для населения способом реагирования со стороны власти является принятие соответствующей юридической нормы. Применительно к девиантному поведению подростков такая норма является абсолютно неэффективной и только создающей иллюзию борьбы с тем или иным «негативным явлением». Избыток подобных норм в отечественном законодательстве и определяет рестриктивный (прогибиционистский) характер контроля в российском обществе. Тем не менее, наличие соответствующей юридической (властной) нормы позволяет применять определенные карательные меры по отношению к девиантным подросткам, санкционируемые на макроуровне.

¹¹ Шипунова Т.В. Макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе: приглашение к дискуссии. С. 170.

Сама Т.В. Шипунова¹² склонна включать свою модель в работы направления социального конструктивизма в социальных науках. Отсылки же в ее статье к известной работе П. Бергера и Т. Лукмана¹³ свидетельствуют о том, что автор сближает эти направления социологической мысли, не проводя принципиальной границы между ними. Напомним, что такое различие обычно видится в том, что конструкционизм имеет своей целью выявление путей, с помощью которых индивидуумы и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими реальности, а конструктивизм — это социологическая и психологическая теория, изучающая процессы социопсихологического конструирования социальной реальности в человеческой активности.

Социальный конструктивизм принято рассматривать в русле течения постмодернизма, поскольку и здесь, и там подразумевается, что не существует правильного способа анализа социального мира. Социальный конструкционизм в некоторых отношениях является предшественником постмодернизма, так как он ставит под вопрос все допущения относительно объективной реальности¹⁴. Социальный конструктивизм обращает большее внимание на психологические аспекты проблемы дискурсивных практик.

«Социальный конструктивизм» и «социальный конструкционизм» имеют, действительно, один общий референт. Утверждается, что социальные и психологические феномены не имеют объективной реальности; они конструируются и овеществляются дискурсами и доступны опыту исключительно через дискурсивные практики. Социальный конструкционизм пренебрегает лингвистическим опытом, например, телесными ощущениями, языком танца и спорта. Он не может ответить на вопрос, почему люди используют одни конструкции реальности и избегают использовать другие¹⁵.

Изучение причин агрессивного и антисоциального поведения у подростков, направленное на понимание таких причин, длительное

¹² Шипунова Т.В. Макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе: приглашение к дискуссии. С. 158.

¹³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.

¹⁴ Сивуха С.В. Дискурс социального конструкционизма: критический анализ дискурсивной психологии // Философия и социальные науки. 2009. № 1–2. С. 77–81.

¹⁵ Социальный конструкционизм // Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://mirslouvrei.com/content_psy/socialnyj-konstrukcionizm-11758.html. Дата обращения: 01.08.2013.

время было в центре исследований проблемы подростковых девиаций. В последние годы социетальные подходы демонстрируют драматический рост ювенальной преступности, особенно насильственных преступлений, что подтверждает потребность в дальнейшем изучении факторов, лежащих в основе антисоциальных тенденций. Исследования показывают, что подростки, совершающие антисоциальные, делинквентные и насильственные действия, представляют собой очень гетерогенную группу в терминах типов поведения, причинах их поведенческих проблем и хода их развития»¹⁶. Поэтому подход с позиций дискурсивных практик может здесь быть только дополнительным.

Поскольку в М-М-М-модели речь идет о социальном конструктивизме, особый интерес в контексте данного исследования представляет не столько классическое представление о процессе социального конструирования, развитое П. Бергером и Т. Лукманом¹⁷, сколько социально-психологический вариант данного направления в обществоведческой мысли, предлагаемый К. Джердженом¹⁸. Согласно автору, существующая в прошлом реалистическая эпистемология делала чрезмерный акцент на том, что теории должны соответствовать реальному миру, в то время как задача заключается в том, чтобы теории начали «генерировать новые формы поведения».

Необходим выход за пределы типичного для психологии «дуализма» S-O (субъект—объект) и базирование на альтернативной (неэмпирической) науке. Значительно больший акцент следует делать на социальной обусловленности психологических феноменов. Следует также признать, что существует глубокое отличие схем познания, принятых в естественных науках, от аналогичных решений в обществознании.

Некоторые из социально-психологических склонностей, несмотря на их включенность в социальный контекст, в столь сильной степени зависят от физиологических параметров, что возникает определенный континуум исторических длительностей, позволяющий дифференцировать социальные феномены по их «исторической стабильности».

Положения социального конструктивизма находят свое выражение и на уровне самой психологической теории. То есть, предоставляя описание направленной на производство знаний деятельности ученых,

¹⁶ Frick P., Hare R. Antisocial Process Screening Device. Toronto, Ontario. 2002. P. 3.

¹⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания.

¹⁸ Джерджен К. Социальный конструкционизм: знание и практика. Сб. статей / Пер. с англ. А.М. Корбута; под общ. ред. А.А. Полонникова. Минск: БГУ, 2003. 232 с.

он также предлагает способы понимания паттернов более широкой человеческой деятельности. Это можно проиллюстрировать на примере трех активно развивающихся областей исследований, которые находят свое выражение на уровне самой психологической теории:

- изучение дискурсивного конструирования реальности;
- рассмотрение психических процессов при индивидуальном функционировании;
- изучение психологии коренного населения¹⁹.

Ю. Хабермас считает, что, хотя реалии человеческого бытия сейчас действительно не такие, как прежде, однако задачи, ими порожаемые, не изменились, и нет оснований отказываться от их решения. Тот проект, который делал наш мир современным и давал ему право на это название, не доведен до конца. Поэтому задача «сильного» общества состоит в том, чтобы осуществить радикальное преобразование мира модерна, не уходя от него самого, его принципов и идеалов²⁰. Для общества как сложной организованной системы жизненно важно закрепить определенные типы социальных взаимодействий, сделать их согласованными, целесообразными, обеспечить, чтобы они происходили по определенным правилам, были обязательными для социальных общностей, социальных организаций, социальных групп.

Социальные институты являются комплексом формальных и неформальных правил поведения, принципов, культурных норм, регулирующих различные сферы деятельности индивидов в обществе (сферу экономики, политики, образования) и ограничивающих поступки людей согласно общественным интересам.

Каждый социальный институт имеет свою систему ценностей и правил (нормативных ожиданий), которые определяют цель его деятельности. Действуя в рамках институтов, а также внутри различных социальных ролей, связанных со специфическими социальными позициями (статусами), эти нормы позволяют, предлагают или запрещают определенные виды поведения, что делает действия людей целесообразными, полезными и однонаправленными.

Институционализация является процессом, при котором определенная общественная потребность начинает осознаваться как общесоци-

¹⁹ Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 287 с.

²⁰ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003.

альная, а не частная. Для ее реализации в обществе устанавливаются особые нормы поведения, формируются соответствующие роли, готовятся кадры, выделяются ресурсы²¹.

Все сказанное позволяет сделать следующие основные выводы:

— изучение дискурсивных практик определения девиантного поведения подростков может быть ценным источником дополнительной информации о причинах подростковой девиантности;

— гетерогенность причин девиантного поведения подростков исключает их исчерпывающее описание в рамках изучения соответствующих дискурсивных практик;

— макро-микро-макро-модель как наиболее общая теоретическая модель социального контроля не может быть валидизирована средствами ограниченного числа эмпирических исследований;

— макро-микро-макро-модель социального контроля может быть продуктивно использована для изучения конкретных дискурсивных практик в отношении девиантных подростков.

²¹ Институционализация как социальный феномен // Социология: обучающие материалы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gospsyh.ru/sc.html>. Дата обращения: 01.08.2013.

ЛИЧНОСТЬ И СЕМЬЯ

К. С. Дивисенко

ЦЕННОСТИ И УСТАНОВКИ В СТРУКТУРЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА

В статье анализируется структура жизненного мира личности как индивидуальной модели реальности, само собой разумеющегося знания, обеспечивающего возможность субъекту жить и действовать. Интериоризирующая и экстериоризирующая направленность процессов взаимодействия человека и внешнего мира является параметром, по которому выделяются два измерения в общей структуре жизненного мира личности: смысловое и ценностно-аттitudное. Ценности и установки как компоненты жизненного мира индивида выступают в роли ресурса и ограничения для развития, разрешения и оценивания актуальных ситуаций, с которыми сталкиваются действующие субъекты. В заключении обозначены возможности биографического исследования структуры жизненного мира.

Ключевые слова: жизненный мир, ценности, установки, биографическое исследование.

Обращение к категории «жизненный мир» в теоретической социологии обусловлено попытками нивелировать существующий зазор в анализе агентных и структурных измерений социальной реальности и преодолеть противоречия объективизма и субъективизма, номинализма и реализма, холистической и индивидуалистической перспектив. Собственно категорию «жизненный мир» и близкие ей понятия можно обнаружить у ряда крупных социальных мыслителей второй половины XX в.

Категория «жизненный мир» является инструментом социологического анализа как субъективного мира человека, так и интерсубъективной социальной реальности в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

В нашем понимании жизненный мир является субъективной моделью реальности, которая выступает как фоновое (само собой разумеющееся) знание, обеспечивающее субъекту возможность жить и действовать, адаптироваться к условиям жизни и адаптировать их в соответствии со своими потребностями.

Ранее нами был представлен анализ категории «жизненный мир» в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля и обозначены основные параметры, по которым жизненный мир может быть структурирован¹. Настоящая статья продолжает начатый анализ. Основываясь на идеях феноменологического направления социологии, рассмотрим один из вариантов структурной операционализации жизненного мира личности.

Некоторые идеи о структуре жизненного мира, обозначенные Э. Гуссерлем, развивает А. Шюц в рамках феноменологического направления социологии. Им разработаны несколько вариантов структурирования жизненного мира с использованием различных критериев².

По характеру *субъекта* жизненного мира (измерение Я—Другой), могут быть выделены отношения Я—Ты, Я—Они, Я—Мы, Мы—Они. Эвристический потенциал этого критерия оказался высоким: такого рода структурирование жизненного мира можно обнаружить в философской феноменологии, в частности у Ж.-П. Сартра³, а также у М. Бубера⁴.

По критерию *близости—анонимности* субъекты жизненного мира (как совокупность Других), разделяются на партнеров, современников, предшественников и преемников.

Пространство жизненного мира также может быть структурировано по критерию *релевантности интересам Я*: знакомость, чуждость и досягаемость⁵.

В «Размышлениях о проблеме релевантности»⁶ А. Шюц выделяет еще два измерения: *пространственное* (по критерию доступности)

¹ Дивисенко К. Концепция жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля: горизонты социологического исследования // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 183–198.

² Шюц А. Феноменология и социальные науки // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 180–232.

³ Например, анализ *бытие-с* (Mitsein): — Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 425–442.

⁴ См.: Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 15–92.

⁵ Шюц А. Феноменология и социальные науки. С. 195–196.

⁶ Шюц А. Размышления о проблеме релевантности // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 235–398.

и *темпоральное* (жизненный мир индивида соотносится с определенным историческим, внутренним, космическим и социальным временем).

Особенно сильное влияние на дальнейшие феноменологические исследования жизненного мира (П. Бергер, Т. Лукман) оказала предложенная А. Шюцем идея множественной реальности⁷, согласно которой жизненный мир рассматривается как единство конечных областей смысла⁸, где повседневность выступает как системообразующий стержень в силу своего intersубъективного характера.

Структура жизненного мира является одной из центральных проблем феноменологической социологии и требует отдельного историко-социологического анализа.

Как можно заметить из приведенного выше краткого обзора, в тени остается структура жизненного мира личности как субъективного образа реальности, смыслового и ценностного универсума, как того ресурса и ограничения, который обеспечивает любые действия каждого человека.

* * *

Согласно основным постулатам феноменологической социологии, сознание субъекта представляет собой поток переживаний, и, соответственно, переживание выступает в качестве единицы анализа сознания. Переживание является результатом чувственного восприятия субъектом предметов внешней реальности в интенциональном акте как в со-бытии сознания субъекта и внешнего (по отношению к сознанию) мира. Переживание — то, что реально испытывается в момент интенционального акта.

Любое переживание становится само собой разумеющейся (очевидной) данностью: в момент самого восприятия у субъекта не возникает сомнения в том, что он переживает в данный момент.

Память обеспечивает субъекту возможность обращаться к тем или иным переживаниям, когда отсутствует вызвавший их объект внешнего мира.

⁷ См. подробнее: *Шюц А.* О множественности реальностей // Социологическая теория: история, современность, перспективы. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 82.

⁸ В русских переводах работ А. Шюца, можно встретить как «конечные области смысла», так и «конечные области значения». С нашей точки зрения, в данном контексте лучше использовать понятие «смысл», так как именно он является результатом интерпретативной деятельности, а «значение» — появляется, когда в системе присутствует знак.

В том случае, когда интенциональный акт сознания направлен не на объект внешнего мира, а на переживание, происходит интерпретация данного переживания, оно наделяется *смыслом*. Таким образом, смысл — это интерпретация определенного переживания.

Жизненный мир личности представляет собой совокупность привычных (само собой разумеющихся) переживаний и смыслов, которыми наделяются данные переживания в процессе интерпретации. Эти субъективные переживания и смыслы формируются в процессе онтогенеза человека и представляют собой его субъективный опыт, обеспечивающий дальнейшую жизнедеятельность. Вместе со своим личным опытом индивид, по мере социализации, воспринимает опыт других, осваивая знание, которое также становится достоянием его жизненного мира. Жизненный мир выступает в роли когнитивной структуры, которая по мере своего становления предполагает дальнейшие способы «опривыченного» восприятия и осмысления («набрасывания смысла»⁹) в соответствии с имеющимся опытом.

С нашей точки зрения, элементарной единицей анализа жизненного мира является смысл, а не переживание. Последнее, хотя и является в момент восприятия аподиктической истиной и, соответственно, попадает в область жизненного мира, но, тем не менее, остается в до-рефлексивной области сознания, тогда как смысл осознается человеком, формируется в его деятельности и «обладает действительностью»¹⁰, т. е. регулирует практическую деятельность.

Смысл — результат интерпретации переживания и сама сущность (эйдос) феномена¹¹. Под «значением» мы будем понимать лингвистическое выражение субъектом личного смысла¹².

⁹ Набрасывание смысла — звено в процесс интерпретации, когда общее представление о смысле целого меняется по мере осмысления отдельных частей. См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс. 1988. С. 318–319.

¹⁰ Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. С. 104.

¹¹ В настоящей работе под «феноменом» понимается ясное дотеоретическое восприятие определенного объекта как результата его самоконституирования в потоке переживаний. Феномен в равной мере не является ни предметом внешнего мира, ни представлением об этом предмете.

¹² В настоящей работе под «значением» подразумевается не «определенная вещь», согласно семиотике Г. Фреге (*Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Opera selecta. Вып. 35. М.: «Русские словари», 1997. С. 354 (http://lpcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_15FREGE.pdf)), а лингвистическое выражение смысла. Такое понимание «значения» близко к теории знака Э. Гуссерля (См.: Гуссерль Э.

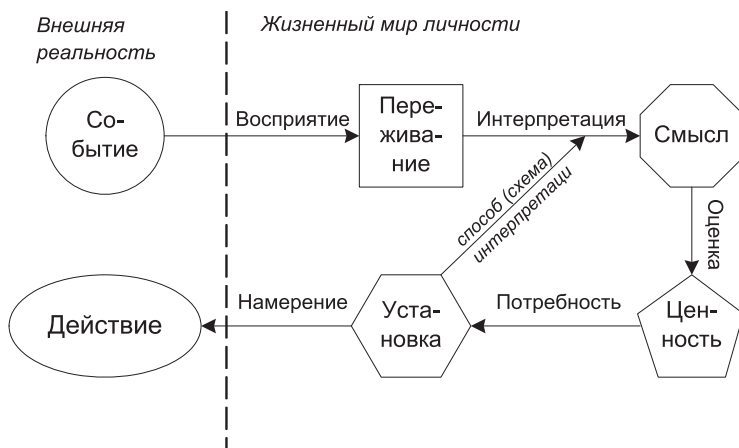

Рис. 1. Схема функционирования жизненного мира личности

Общая схема функционирования жизненного мира индивида в процессе его жизнедеятельности представлена на рис. 1.

Событие внешней реальности через восприятие в сознании индивида становится переживанием. В результате процесса интерпретации отдельные переживания наделяются смыслом — «осмысливаются». В самом смысле сохраняется не только интерпретация переживания, но и память о чувственном восприятии объекта внешнего мира и о конкретной ситуации, в которой происходило это восприятие.

Каждый новый акт переживания и интерпретации соотносится с другими актами, уже имевшими место в личной истории жизни индивида. *Контекстуальность* является ключевой характеристикой смысловой структуры жизненного мира. Она предполагает соотнесение каждого нового интерпретационного акта с подобными актами осмысления, имевшими место в прошлом жизненном опыте. Вследствие этого происходит становление жизненного мира личности как модели (образа) внешней реальности¹³.

Логические исследования. Т. 2. // Собрание сочинений: в 3 т. М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. Т. 3. С. 58).

¹³ В образе мира как когнитивной конструкции целесообразно выделить как условно неосознаваемый компонент (способы восприятия и интерпретации), так и преимущественно осознаваемый — знание о внешнем мире. (См.: Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Когнитивный образ мира. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 44–45, 217.).

Иллюстрацией этого положения могут быть шахматы¹⁴. Благодаря зрительному восприятию деревянные фигурки (объект внешней реальности) воспринимаются человеком как известного рода предметы: нечто, вырезанное из дерева, определенной формы и цвета и т. д. Для ребенка или взрослого человека, не знающих о шахматах как игре, эти фигуры останутся лишь поделками из дерева, покрашенными в белый и черный цвета. Если человек, по крайней мере, имеет представление о том, что существует такая игра, то тогда эти предметы интерпретируются (осмысляются) как шахматные фигуры. Другими словами, любой человек, независимо от того, имеет ли он представление о шахматах или нет, сперва воспринимает (переживает) определенным образом предмет внешнего мира и только после этого может его осмыслить (интерпретировать). Контекстуальное соотнесение смыслов как механизм типизации обнаруживается в том, что шахматные фигуры и доска сопоставляются либо с другими настольными играми, либо с антикварными вещами, памятными подарками и т. д.

Особенности жизненного мира отдельной личности определяют направленность ее потребностей и интересов. Так, одному человеку шахматы нужны, чтобы отдохнуть с друзьями в свободное время, для другого представляет больший интерес их антикварная ценность, а ребенок может быть заинтересован в том, чтобы достать из фигур 32 магнита.

В исследовании жизненного мира целесообразно выделить два основных типа человеческой деятельности. Первый связан с познанием (в широком смысле этого слова) внешней реальности, а второй тип — с преобразованием внешнего мира на основе имеющегося опыта. Данный параметр (направленность взаимодействия человека и мира) определяет два измерения общей структуры жизненного мира личности. Жизненный мир как система смыслов выстраивается в результате познавательной деятельности человека. Практическая, преобразовательная деятельность человека обусловлена ценностно-аттитюдной структурой жизненного мира.

Дифференциация личных смыслов по критерию субъективной значимости¹⁵ определяет *ценностное* измерение структуры жизненного мира.

¹⁴ На развитие сюжета с шахматами нас вдохновил пример А. Джорджи. (*Джорджи А.* Набросок психологического феноменологического метода. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://edinorog.h1.ru/psimaster/fenomen.htm>. Дата обращения: 01.03.2012.

¹⁵ В данном контексте «значимость» выступает синонимом «важности», «значительности», «необходимости». Это замечание следует сделать, поскольку в семиотике

Как справедливо замечает И.Н. Инишев: «Все переживаемое в фактическом опыте жизни обладает характером значимости»¹⁶. Поэтому мы можем говорить, что каждый отдельный смысл имеет определенную *ценность*, имеющую относительно автономный характер, который зависит не столько от контекстуальности, сколько определяется потребностями и интересами личности.

Опираясь на неокантианскую теорию ценностей (Г. Риккерт, В. Виндельбанд) и современные аксиологические концепции (М.С. Коган, Г.П. Выжлецов, В.К. Шохин)¹⁷, можно утверждать, что ценностное отношение возникает в результате оценивания субъектом (человеком, группой людей) определенного объекта, который рассматривается в качестве носителя ценности.

В понимании ценности необходимо различать саму ценность и ее носителя: первое есть отношение, второе — объект. Это положение является традиционным в философской аксиологии: ценность всегда значима, носитель — «фактичен»¹⁸ (Г. Риккерт).

Ценность — не предмет и не свойство, а отношение¹⁹, т. е. включает как *оценку* субъектом определенного объекта, так и *значимость* этого объекта для субъекта. Сам объект-носитель ценности может быть как материальным предметом, так и идеальным явлением.

Возвращаясь к нашему примеру, заметим, что конкретный набор шахматных фигур и доска могут быть памятливы как подарок близкого человека. В данном случае ценность этой вещи не определяется ее стоимостью и ценой, и даже умением и желанием (потребностью) играть, а обусловлена субъективной значимостью. Заметим, что в этом случае может происходить адекватная (контекстуальная) интерпретация шахмат в качестве игры (а не каких-либо сувениров, поделок из дерева), но в то же время восприятие, переживание и интерпретация этих

понятие «значимость» имеет иное значение (См.: *Соссюр Ф. де*. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 147–148.).

¹⁶ Инишев И.Н. Чтение и дискурс: трансформации герменевтики. Вильнюс: ЕГУ, 2007. С. 33–34.

¹⁷ Коган М.С. Философская теория ценности. СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.; Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. 152 с.; Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.

¹⁸ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 94.

¹⁹ Свойство — признак, принадлежащий одному предмету, а отношение — признак, принадлежащий как минимум двум предметам. См.: Левин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. М.: Логос, 2007. С. 79.

предметов порождает нехарактерную смысловую нагруженность. Для этого человека оказывается нормальным (само собой разумеющимся) неутилитарное отношение к шахматам как к памявному подарку, что для другого может быть nonsensom.

Ценностное отношение — особого рода интенция, а отдельные смыслы суть объекты-носители ценностей, выстраивающиеся центростремительно в пространстве жизненного мира в соответствии со степенью субъективной значимости. Степень субъективной значимости определяется предшествующим жизненным опытом индивида, актуальными потребностями и интересами²⁰.

Жизненный мир включает в себя не только совокупность привычных переживаний, интерпретаций, смыслов, но и «набор» типичных способов оценивания, намерения и готовности действовать в конкретных ситуациях. Как отмечено выше, ценности влияют на направленность практических интересов личности, выражающуюся в установках (аттитюдах)²¹, которые определяют поведение в конкретной ситуации.

В рамках данной статьи мы не будем подробно рассматривать проблемы внутренней регуляции социального поведения личности и многообразии подходов к изучению установок. Дальнейшие наши рассуждения относительно установок базируются на теоретических идеях о структуре социального действия А. Шюца²² и Т. Лукмана²³,

²⁰ Очевидно, что значимость того или иного объекта-носителя ценности обусловлена его способностью удовлетворять определенную потребность человека в диапазоне от витально-материальной до духовно-художественной. Поэтому потребность оказывается первичным понятием, которое определяет и интересы человека, и его ценности. (См.: *Здравомыслов А.Г.* Потребности, интересы, ценности. М.: Политиздат, 1986. С. 7–8).

²¹ В отечественной социальной психологии традиционно принято различать понятия «установка» и «аттитюд» (См.: *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Наука, 1994). Другие авторы, напротив, полагают, что «установка» и «аттитюд» являются синонимами (См.: *Монмолен Ж. де.* Изменение установок // Социальная психология. 7-е изд. / Под. ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007. С. 100–101.). А.А. Девяткин считает, что базовой категорией, охватывающей другие частные понятия (*set, attitude*, «фиксированная установка»), является «социальная установка» (*Девяткин А.А.* Явление социальной установки в психологии XX века. Калининград: Калинингр. ун-т, 1999. С. 21). В настоящей работе понятия «установка» и «аттитюд» используются как синонимы, так как прилагательное от существительного «установка» — «установочный» имеет определенную коннотацию, неуместную в данном контексте. Поэтому здесь и далее будет использоваться наряду с двумя существительными одно прилагательное — «аттитюдный».

²² *Шюц А.* Выбор между проектами действия // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 116–148.

²³ *Лукман Т.* Аспекты теории социальной коммуникации // Социологическое обозрение. 2007. Том 6. № 3. С. 3–20.

ценностно-аттитюдной регуляции деятельности У. Томаса и Ф. Знанецкого²⁴, диспозиционной концепции личности В.А. Ядова²⁵.

Установки как структурный элемент жизненного мира личности являются сложным образованием, на формирование которого оказывает влияние как практический опыт, его интерпретация и значимость, так и потребности человека, объективные ситуации его жизни и деятельности.

Установка — относительно устойчивое когнитивное образование, сформированное благодаря жизненному опыту индивида и проявляющееся как неосознаваемая, само собой разумеющаяся готовность действовать определенным образом в конкретной ситуации. Установки оказываются практическим коррелятом внутренней системы ценностей действующего субъекта в той мере, в которой ценности индивида определяют его потребности. Поясним это на примере.

Человек, для которого шахматы дороги как подарок, совсем не обязательно будет их использовать по утилитарному назначению, так как они для него являются материальным носителем памяти. Для другого человека эти фигуры и доска представляют практический интерес — в них можно играть. Различные интерпретации шахмат (либо как памятного подарка, либо как настольной игры) связаны с разными ценностными отношениями к одному и тому же предмету. Это проявляется в установках как в намерении и готовности осуществить то или иное действие.

Установки как элемент жизненного мира личности проявляются не только в практической деятельности индивида, но также оказываются теми механизмами, благодаря которым осуществляются привычные способы восприятия, интерпретации, оценки. Поэтому каждый элемент жизненного мира — смысл, ценность и установка — является обусловленным другими элементами и одновременно определяющим их; а жизненный мир в целом выступает и как необходимый ресурс для осуществления практической деятельности, и как ее ограничение.

Обобщенную структуру жизненного мира индивида можно представить в виде следующей схемы (рис. 2).

²⁴ *Thomas W.I., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. Boston: The Gorham Press, 1918. Vol. 1.

²⁵ *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 89–105.

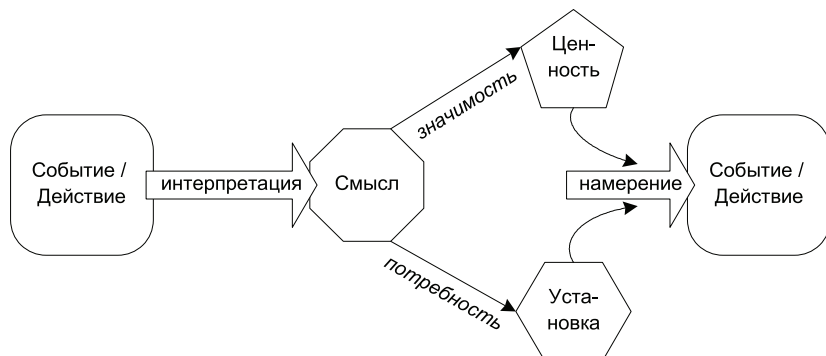

Рис. 2. Общая схема структуры жизненного мира личности

Переживание и интерпретация события сохраняются в жизненном мире как его осмысление. Совокупность индивидуальных смыслов, упорядоченных в соответствии с критерием контекстуальности, предстает в качестве смыслового измерения общей структуры жизненного мира. Второе измерение этой структуры — ценностно-аттитюдное — организовано в соответствии с релевантностью (значимостью) смыслов и актуальными потребностями личности. Ценности и аттитюды обеспечивают формирование намерения (проекта) действия и само действие в конкретной социальной ситуации.

Ценности и установки как компоненты жизненного мира индивида выступают в роли ресурса и ограничения развития, разрешения и оценивания актуальных ситуаций, с которыми сталкиваются действующие субъекты. Так, ценности определяют выбор того или иного способа разрешения ситуации, а установки — привычные схемы действий, соотношенные с предыдущим опытом и контекстом актуальной ситуации.

В условиях коммуникативной ситуации, в которой участвуют, по меньшей мере, два субъекта, в идеале достигается согласие между ее участниками. Любое социальное взаимодействие подобного рода формирует у каждого действующего субъекта интерсубъективную область жизненного мира.

На рис. 3 изображена элементарная ситуация коммуникации между двумя субъектами (А и В) посредством знаковой системы²⁶. Референтом

²⁶ В основе данной схемы использованы элементы семиотической модели «знаковой призмы», предложенной Л.Ф. Чертовым (*Чертов Л.Ф.* Знаковость: опыт теоретического

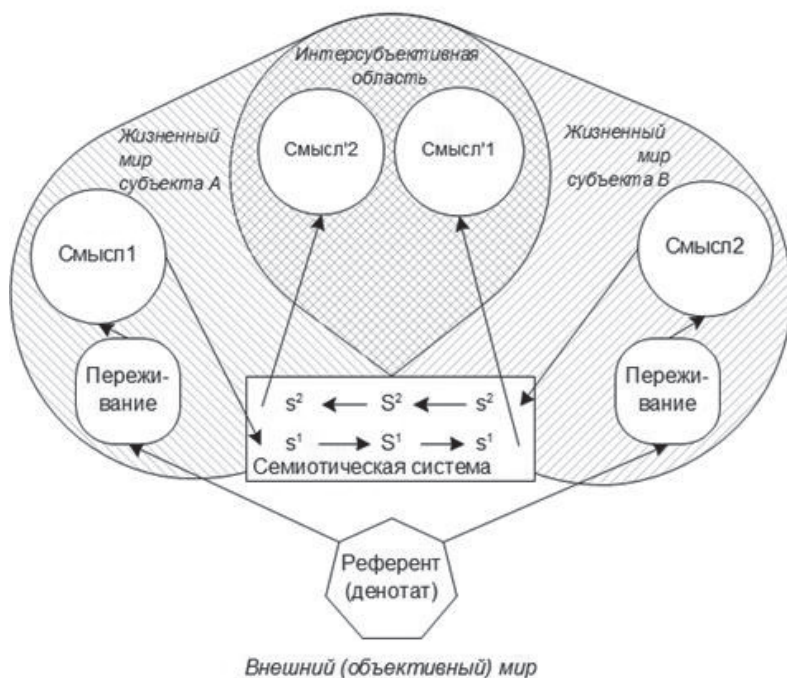

Рис. 3. Интерсубъективная область в структуре жизненного мира

(денотатом, в терминологии Ч. Морриса) выступает определенный объект лингвистической реальности. Референт воспринимается двумя субъектами, но осмысливается каждым из них по-разному (Смысл 1 и Смысл 2). В коммуникативной ситуации посредством кодов и норм семиозиса естественного языка происходит преобразование лингвистического субъективного смысла в знак, представляющий собой понятие (означаемое) — s и акустический образ (означающее) — S^{27} . Знак на схеме представлен трехчленной цепочкой $s - S - s$ по нескольким причинам. Во-первых, чтобы показать лингвистическую сущность

синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. 388 с.).

²⁷ В терминах Ч. Морриса означаемому соответствует «десигнат», а означающему — «знаковое средство» (см.: Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радула, 1983. С. 39).

смысла (выделение означаемого) и языковую природу понятий. Во-вторых, подробно представленная цепочка, благодаря которой достигается понимание смыслов в процессе коммуникации, показывает возможность появления «шумов» на разных этапах взаимодействия. Так, определенные несоответствия между намерением и самим действием могут появиться в процессе выражения значения смысла (смысл — s), т. е. в выборе того или иного соответствующего смыслу понятия, а также в преобразовании понятия в чувственно воспринимаемый образ ($s - S$). Субъектом-адресатом данный чувственный образ должен быть адекватно воспринят, декодирован в понятие ($S - s$) и проинтерпретирован как смысл ($s - \text{смысл}$).

Наконец, эта цепочка иллюстрирует манифестацию жизненного мира на двух уровнях. На уровне означаемого жизненный мир предстает как понятийная картина мира субъекта, а на уровне означающего как умение субъекта использовать знаковую систему для коммуникации.

В результате межсубъектной коммуникации в смысловом измерении жизненного мира каждого ее участника происходит становление области общих смыслов — интерсубъективного жизненного мира.

Вновь обратимся к нашему примеру. В результате социальной коммуникации два человека могут сообщить друг другу о своем отношении к шахматной доске и фигурам, и, соответственно, согласовать свои дальнейшие действия. Заметим, что человек, рассматривающий шахматы только в утилитарном аспекте, может адекватно понять своего партнера по коммуникации, если в его жизненном опыте были факты «памятного дарения» и сформировано соответствующее ценностное осмысление.

Жизненный мир личности представляет собой субъективную модель реальности, сформированную благодаря как собственному опыту (интерпретации событий личной истории), так и научению в процессе социальной коммуникации. Выражение (репрезентация) индивидом своего жизненного мира может быть осуществлено только благодаря определенному посреднику — знаковой системе. Естественный язык как знаковая система «хранит информацию архетипов говорящей на нем общности людей»²⁸, но также вносит в процесс нарративизации

²⁸ Носачев Г.Н., Краснов А.Н., Смирнова Д.А., Словева Е.А., Кувшинова Н.Ю. Методика предельных смыслов в изучении языковой картины мира пациента с невротической депрессией // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 3 (2). С. 412.

(означивания смыслов) определенные ограничения: посредством языка может быть выражено только то, что имеет соответствующие знаки и их комбинации. Если же для выражения определенных смыслов в языке не находится соответствующих знаков, то появляются неологизмы, которые должны стать, как и другие слова, общепонятными, чтобы адекватно выполнять свою функцию. Также смыслы, не имеющие в естественном языке знаковых эквивалентов, могут быть выражены с помощью других семиотических систем — мимики, жестов, языка искусства и т. д.

Любая семиотическая система, и в первую очередь естественный язык, в своих кодах и нормах сигнификации хранит интерсубъективно выработанное знание и обеспечивает возможности для дальнейшего познания. В этой связи показательно различие языка и речи, предложенное Ф. де Соссюром²⁹. В языке преимущественно репрезентируется интерсубъективный жизненный мир, а в речи — субъективный жизненный мир личности.

Становление интерсубъективной области жизненного мира происходит в процессе социальной коммуникации благодаря семиотической системе. Нахождение двух и более индивидов в одной точке пространственно-временных координат или схожесть их социально-демографических характеристик еще не является достаточным условием для формирования у них взаимно разделяемого интерсубъективного опыта. Для становления последнего необходимым условием является наличие у субъектов схожей системы интерпретации событий, которая формируется как в собственном жизненном опыте, так и в процессе коммуникации. Поэтому субъектом интерсубъективного жизненного мира выступает определенная группа индивидов, разделяющих общий смысловой универсум. Интерсубъективный жизненный мир становится достоянием отдельного индивида при условии освоения им общей семиотической системы и жизненного опыта предшественников и современников.

Онтологический статус интерсубъективного жизненного мира двойственен. С одной стороны, в ситуации взаимодействия двух и более индивидов он оказывается той общей областью, которая обеспечивает взаимосогласованные социальные действия. С другой стороны, интерсубъективный жизненный мир проявляется в нематериальных и материальных культурных формах: языке, искусстве, религии, науке

²⁹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. С. 56–58.

и т. д., и тем самым он перестает быть привязанным к ситуации здесь-и-сейчас. В этом плане понятие жизненного мира как мира смыслов близко, но не тождественно понятию «культура»³⁰. Культура как знаковая система аккумулирует в себе независимую от жизни отдельных индивидов область очевидной данности (интерсубъективный жизненный мир): набор готовых схем принятия решений («у нас так принято делать»), интуитивно понятное знание («кто же этого не знает») и т. д. За пределами жизненного мира остается материальное измерение культуры.

* * *

Резюмируя предыдущие рассуждения о структуре жизненного мира, кратко обозначим возможности биографического исследования жизненного мира.

Смысловой универсум жизненного мира личности формируется в результате восприятия и интерпретации событий и объектов внешней реальности. Смыслы как основное содержание жизненного мира принадлежат неязыковой области сознания индивида, и непосредственный доступ к ним закрыт. Актуализация смыслов происходит для осуществления любого действия.

В автобиографическом нарративе как коммуникативном действии — в устной речи или в письменном тексте — посредством знаковой системы происходит репрезентация событий личной истории, их осмысление и оценка. На процесс данной репрезентации жизненного мира оказывает влияние как система ценностей субъекта в содержательном аспекте построения модели собственной жизни (тема, цель, план рассказа), так и его установки, которые обеспечивают сам процесс нарративизации (способ и средства повествования).

Связи между репрезентированными в автобиографическом нарративе событиями определяются логикой самого рассказа (в том числе представлениями о нормативном рассказе), обстоятельствами конкретной коммуникативной ситуации³¹ и степенью владения средствами

³⁰ Так, с точки зрения информационно-семиотического подхода к пониманию культуры, в ней выделяется три аспекта: мир артефактов, мир смыслов и мир знаков. См.: Кармин А.С. Культурология. СПб.: Лань, 2001. С. 12–24.

³¹ Как справедливо отмечает Г. Розенталь: «Взгляд на события своей жизни с точки зрения настоящего и определяет, что именно человек считает важным для своей биографии, каким образом он выстраивает тематические и временные связи между различными пережитыми событиями, и каким образом реалии прошлого, настоящего и предпола-

(кодами и нормами) семиотической системы. Нарушение в рассказе строгой хронологии событий личной истории обуславливает нелинейность репрезентированной в повествовании истории жизни.

Репрезентация события в автобиографическом нарративе представляет собой описание определенного факта, имевшего место в личной истории индивида, и его осмысление. Реконструкция ценностно-аттитюдного измерения жизненного мира на основе анализа репрезентаций событий возможна посредством выявления оценок данных событий и анализа действий, осуществленных человеком в описываемых ситуациях.

В соответствии с предложенной структурой жизненного мира и особенностями коммуникативной репрезентации можно выделить следующие направления биографического исследования:

- 1) изучение границ области действительности, которой ограничено поведение субъекта — *исследование траектории жизни*;
- 2) анализ сегментации данной области по критерию значимости — *биографическое исследование ценностей жизненного мира*;
- 3) выявление структуры описываемых действий и объяснительных схем — *анализ аттитюдной структуры жизненного мира*.

Если первое направление исследования жизненного мира предполагает реалистическую интерпретацию биографии, то второе и третье подразумевают конструктивистский подход в биографическом исследовании.

В изучении *траектории* жизни важно понять взаимосвязь субъективного и объективного измерений исторического процесса. В биографическом исследовании системы *ценностей* жизненного мира предполагается выявление по критерию значимости системы событий внешней и внутренней жизни человека, представленной в биографическом повествовании. Анализ *аттитюдной* структуры направлен на раскрытие описаний и интерпретаций человеком собственных действий и жизненных стратегий, на исследование механизмов разрешения и оценивания даже тех ситуаций, активным участником которых он не был, но рассказ о которых попал в поле повествования.

гаемого будущего влияют на понимание человеком смысла своей жизни» — Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 327.

* * *

Жизненный мир личности как смысловой универсум формируется благодаря собственному практическому опыту индивида и восприятию опыта других в процессе социального взаимодействия. Коммуникация, опосредованная семиотической системой, предполагает выражение значения нелингвистического субъективного смысла посредством знака, а также восприятие знака и его декодирование субъектом-адресатом. В результате этого процесса в жизненном мире отдельных субъектов формируется интерсубъективная сфера как область общих, надындивидуальных смыслов.

Структура жизненного мира личности может быть рассмотрена как ценностно-аттитюдное образование, формирующееся в процессе деятельности человека и определяющее его дальнейшее взаимодействие с внешним миром.

Оценка человеком значимости того или иного смысла определяет ценностное измерение структуры жизненного мира. Аттитюдное измерение зависит от потребностей и интересов человека: оно проявляется в привычных способах интерпретации переживаний и в намерениях (готовности) действовать определенным образом в конкретной ситуации.

В коммуникативной ситуации автобиографического повествования происходит зависящая от конкретных обстоятельств рационализация жизненного мира личности как выражение значения субъективных смыслов и артикуляция этих значений посредством создания устного или письменного нарратива. Репрезентация событий личной истории в автобиографическом нарративе подчинена логике повествования и обстоятельствам коммуникативной ситуации. В анализе репрезентированных событий становится возможной реконструкция ценностно-аттитудной структуры жизненного мира личности, поскольку тематический репертуар автобиографического нарратива выражает ценности индивида, а описание ситуаций, их оценка и интерпретация представляют систему установок.

СЕМЬЯ И ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ ЖЕНЩИН

В статье представлены некоторые результаты качественного исследования материалов Биографического фонда Социологического института РАН¹. На основе биографических нарративов представительниц двух поколений анализируется, как меняются обыденные представления женщин о семье и гендерных отношениях в постсоветское время.

Ключевые слова: биографические нарративы, обыденные представления о семье и гендерных отношениях, межпоколенческие различия.

Введение

Биографические нарративы² (истории жизни, дневники и другие свидетельства биографического характера) сегодня — уже признанный источник социального знания. В методологии качественного социологического исследования биографические нарративы рассматриваются не только как свидетельства о реальности, но и как социальная конструкция, которая позволяет увидеть, какие представления и стереотипы работают на уровне повседневной жизни, и тем самым понять, как складывается и как изменяется логика практики, логика культуры общества. Заклученный в таких нарративах опыт жизни людей, окрашенный их эмоциями и переживаниями, позволяет дать «насыщенное описание» исследуемой проблемы, раскрыть многообразие и сложность реальной жизни, продуцируя гипотезы для изучения еще не выраженных ясно тенденций общественного развития. Таким образом, биографические нарративы дают представление об особенностях

¹ Биографический фонд был создан в СИ РАН в 1989 г. и на сегодняшний день содержит более 700 единиц хранения. В число материалов Фонда входят автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, а также материалы нескольких тематических конкурсов. Собрание Фонда постоянно пополняется.

² Термин «нарратив» (англ. — рассказ, повествование) используется многими гуманитарными науками, занимающимися изучением и интерпретацией текстов. В западной социологии этот термин является общепринятым обозначением любых текстовых данных «качественного» характера. Подробнее об использовании этого термина см.: *Ярская-Смирнова Е.Р.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61; *Пузанова Ж.В., Троцук И.В.* Нарративный анализ: понятие или метафора // Социология: 4М. 2003. № 17. С. 56–82.

происходящих в обществе социально-культурных изменений, которые, как известно, не происходят моментально, а накапливаются в результате множества невидимых микроисторий в повседневной жизни людей, и только спустя какое-то время (казалось бы, вдруг) проявляются как статистический факт, как привычное для традиционных социологических опросов репрезентативное обобщение.

Для качественного исследования обыденных представлений о семье и гендерных отношениях из материалов Фонда были отобраны биографические нарративы женщин двух поколений — старшего поколения, формативный период жизни которого приходится на советское время, и более молодого поколения, формативный период жизни которого приходится на время реформ при переходе к рыночной экономике³. Предполагалось, что нарративы женщин этих поколений в определенной мере репрезентируют обыденные представления о семье и гендерных отношениях двух разных эпох в жизни российского общества и позволят увидеть, как меняются эти представления в постсоветское время⁴.

Единицей анализа обыденных представлений о семье и гендерных отношениях были суждения, которыми женщины этих поколений описывали в своих нарративах опыт семейной жизни и опыт гендерных отношений в целом⁵. Семантическое поле этих суждений интерпретировалось по двум типам характеристик. Анализировались как описываемые в нарративах сюжеты и практики (замужество, рождение детей, конфликты, разводы, отношения в родительской семье и с родительской семьей), так и соответствующие этим сюжетам и практикам лексические образцы повседневного языка, лексическая символика нарративов.

³ Понятие «формативный период» в терминологии Манхейма — период 17–25 лет, когда происходят наиболее значимые переходы из социальной зависимости в независимый статус (получение образования, отделение от родителей, женитьба) и формируются нормы и ценности, которые почти без изменений остаются ориентирами на всю жизнь. См.: *Семенова В.В.* Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН. 2009. С. 21.

⁴ Все анализируемые биографические нарративы хранятся в Биографическом фонде СИ РАН и написаны в конце 1990-х — начале 2000-х гг.

⁵ Надо подчеркнуть, что как обыденные представления о семье, так и опыт семейной жизни имеют разные формы и не всегда означают наличие собственной (традиционной) семьи автора нарратива как в прошлом, так и на момент его написания. В этой связи в исследовании использовалось более емкое понятие — обыденные представления о семье и гендерных отношениях.

Семья и гендерные отношения в нарративах женщин старшего поколения

Используемые в нарративах метафоры как символическая характеристика опыта, как распространенные в обществе культурные коды, дают возможность наиболее ярко увидеть обыденные представления о той или иной сфере жизни общества. Лексическую символику обыденных представлений о семье и гендерных отношениях в нарративах женщин обоих поколений наиболее значимо характеризуют следующие метафоры: «любовь с первого взгляда», «жить ради любви», «найти свою судьбу», «связать свою судьбу», «судьба и на печке найдет», «засидеться в девках», «впитать с молоком матери», «жить по маминой указке», «наговоры свекрови», «жена своего мужа», «быть за мужем как за каменной стеной», «начать совместную жизнь с чайной ложки», «создать семью», «жить для семьи», «спасти семью», «жить душа в душу», «безотцовщина», «куда нитка, туда и иголка», «сели на шею родителям», «родители мечтали, чтобы их дети выбились в люди».

Интерпретируя эти метафоры, прежде всего надо отметить, что они довольно точно отражают основные темы, которые женщины включают в свои нарративы, рассказывая об опыте семейной жизни и гендерных отношений. Этими темами оказываются *романтическая любовь, судьба, влияние матери (или свекрови) на семейную жизнь дочери (или невестки), воспитательные практики и отношения с родителями*. В свою очередь, все эти темы в той или иной мере характеризуют не только обыденные представления женщин о семье и гендерных отношениях, но и породившие эти представления практики, а также разные этапы жизненного пути женщины.

Большую часть этих метафор можно отнести к традиционным, «патриархатно» окрашенным, представлениям о семье и гендерных отношениях, и они характеризуют нарративы женщин старшего поколения. Однако контекст этих метафор, конкретные ситуации и практики, описываемые в нарративах, до некоторой степени «размывают» эту традиционность. Эти ситуации и практики свидетельствуют, что женщины этого поколения, наряду с профессиональной и в ряде случаев общественной деятельностью, играют определяющую роль в организации семейной жизни, а также в организации жизни детей (причем даже взрослых детей), и что, в целом, мужского доминирования в качестве главы семьи нет. Традиционные же представления о предназначении женщины они обнаруживают тогда, когда

ради сохранения семьи жертвуют личными интересами, терпя, например, плохой характер мужа или борясь с его алкоголизмом. Или когда считают, что все нагрузки по уходу за домом и семьей являются *естественными обязанностями женщины*:

«Вообще я была довольно деятельная и активная. Все вроде бы было хорошо, но тут пришла беда — муж начал пить. Мои уговоры, просьбы, скандалы ни к чему не приводили, сказалось и то, что отец у него был алкоголиком (о чем раньше я не знала). Билась я за него как могла. Не один раз решала развестись, да вставал вопрос, куда деваться мне с ребенком — к родителям не могла, и у них уже сестра моя с ребенком и без мужа жила, в тот период погиб старший брат, и если бы я еще появилась со своей бедой, это бы окончательно сразило бы моих родителей. Не знаю, почему я его не бросила, любви к нему никакой уже и не было, оставалось чувство долга и ответственности за человека, с которым связала меня судьба» (51 год, главный инженер).

«Поверьте, я делала все, чтобы спасти его. В периоды между запоями он опять становился самим собой — заботливым, любящим. Я решила родить второго ребенка. Он тоже был рад этому. Но в роддом не пришел ни разу — снова запил. Но я старалась держаться. Поступила в 2-годичную ординатуру, старалась, как можно больше уделять внимания детям. Я хотела, чтобы, несмотря ни на что, они были счастливы. Ведь они не виноваты, что отец у них алкоголик» (50 лет, врач, заведующая отделением).

«В настоящее время я уже пенсионерка. Единственная дочь к моему уходу на пенсию подарила мне внучку. В основном мне приходится заниматься воспитанием внучки, и я совмещаю все обязанности женщины (магазины, очереди, приготовление пищи, уборки, стирки и пр.)» (60 лет).

Это противоречивое сочетание традиционных представлений о предназначении женщины как хранительницы очага и активнo-достижительных практик профессиональной и семейной жизни во многом объясняется спецификой положения женщины в советском обществе, в котором проходила большая часть жизни женщин этого поколения. Как известно, советское законодательство провозгласило равенство женщин, включив их в профессиональную деятельность и освободив от экономической зависимости. В результате советская женщина оказалась под давлением «тройной нагрузки» — производственной деятельности, организации быта и воспитания детей⁶. Еще

⁶ Темкина А.А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 6.

одним объяснением противоречия между традиционными представлениями о предназначении женщины и практиками реальной жизни может быть довольно характерная для советского времени неполная семья. Описываемые в литературе формы неполной семьи, когда мужа отсутствуют в семье по причине смерти или развода⁷, нарративы женщин этого поколения позволяют дополнить еще одной формой, когда мужа присутствуют в семье лишь формально, но фактически отсутствуют, так как не принимают участия в организации семейной жизни, часто из-за алкоголизма:

«В 1992 году пришлось уволиться по собственному желанию из-за задержки зарплаты. Нужны были деньги, ведь на иждивении у меня трое детей. На мужа надежды не было, очень пил и в 1994 умер» (50 лет).

Подтверждением незначительного участия мужчин в семейной жизни женщин этого поколения является и то, что в их нарративах мужчины появляются либо на ранних этапах семейной жизни (при заключении брака, романтической любви и т. п.), либо при неудачно сложившейся семейной жизни, когда речь идет о *разводе* с мужем, *смерти* мужа или *алкоголизме* мужа. Но мужчины почти не упоминаются как партнеры в организации семейной жизни и принятии семейных решений. И среди структурных каналов семейных отношений: «муж—жена», «родители—дети», «супруги—родственники», «дети—прародители»⁸ — самым редким оказывается описание отношений «муж—жена». Можно предположить, что «исключение» женщинами этого поколения мужчин как партнеров по организации семейной жизни оказывается до некоторой степени результатом их собственной активности, восприятия ими «тройной нагрузки» как нормы, как естественного порядка вещей и даже предмета гордости⁹. Тем более что эта

⁷ Голод С.И. Современные немоногамные модели семьи // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 112.

⁸ С.И. Голод рассматривает эти каналы как всестороннюю деятельную палитру для раскрытия возможностей современного типа семьи, названного им супружеским типом семьи, которая основана на личностном взаимодействии мужа и жены. См.: Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 45.

⁹ Исследование С. Ашвин подтверждает, что советские женщины воспринимали необходимость сочетать работу и семью как естественную норму и даже гордились своей способностью все «успевать» и «крутиться». См.: Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 65.

норма обусловила их независимость в семейных отношениях. Кроме того, отсутствие в нарративах женщин старшего поколения характеристик мужского влияния на семейные отношения можно интерпретировать и как кризис гегемонной маскулинности¹⁰.

На фоне этой малозаметной роли мужчин в нарративах женщин старшего поколения контрастно представлена ценность материнства и отношения к детям. Описанию практик воспитания детей и своего рода служения им они уделяют большое внимание:

«Рождение дочери было для меня большим счастьем, 14 лет детей не было, только в 35 она появилась. Это — подарок судьбы. После рождения дочери многое изменилось. Благодаря ей многое поняла в жизни. Поняла, что ребенок очень многое дает, жизнь уже видишь другими глазами, про себя уже забываешь. Иногда думаю, что если бы не она, то жизнь была бы прожита зря» (53 года).

«С мужем мы несколько раз сходились, расходились, я сделала много попыток сохранить семью, но ничего не получилось. Я решила посвятить всю жизнь дочери, она для меня стала единственной радостью и надеждой. Я уделяла дочери все свободное от работы время. По выходным мы всегда ездили за город или на каток в наш ледовый заводской дворец. По возможности занимались спортом» (52 года).

Кроме того, для женщин этого поколения наличие в семье детей часто оказывается обязательным и необходимым условием ее сохранения, а также удержания в семье мужа. Причем даже в тех случаях, когда приходится прибегать к обману:

«Мне было уже 23,5 лет. И я решила оставить ребенка, так как это счастливый случай спасти семью. В противном случае — наоборот — остаться без мужа, но с ребенком. В то время еще считалось, что рожать без мужа не очень приятно, какой-то стыд. Своему мужу я сказала, что ребенок от него» (45 лет).

Нарративы женщин старшего поколения позволяют заключить, что дети являются центральным образующим семью фактором, свидетельствуя об устойчивости *детоцентристского* типа семьи¹¹ и соответствующих этому типу семьи представлений. Усиленное внимание женщин этого поколения к детям, по всей видимости, можно

¹⁰ См.: Мещеркина Е.Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 15–16.

¹¹ Голод С.И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. С. 92.

объяснить не только распространенностью форм неполной семьи, но и отсутствием партнерских отношений в семьях этого поколения и отстраненностью мужчин от процесса воспитания детей.

Семья и гендерные отношения в нарративах молодых женщин

Биографические нарративы молодых женщин свидетельствуют, что они отчасти наследуют практики доминирования своих матерей в организации семейной жизни. Однако если в нарративах женщин старшего поколения эти практики окрашены готовностью всеми силами сохранять семью, даже жертвовать личными интересами (например, борясь с алкоголизмом мужей), то в нарративах молодых женщин эти практики больше похожи на сохранение дистанции в отношениях с мужчинами и даже манипулирование ими:

«Он был некрасивый, в очках. От нечего делать стали встречаться... Постепенно он стал раскрываться передо мной как человек. Добрый, заботливый, им можно было покомандовать» (23 года).

Нарративы молодых женщин (как правило, очень молодых) свидетельствуют также о доминирующей роли матерей в построении их семейной жизни. Так, они часто ссылаются на влияние своих матерей в случаях, например, принятия решений о замужестве или рождении детей:

«Я жила по маминой указке, узнав, что будет ребенок, я прежде всего подумала, что скажет мама» (22 года).

В этой связи надо отметить, что в нарративах женщин обоих поколений часто описывается влияние свекрови (матери мужа) на семейную жизнь сына. Причем об этом влиянии в большей степени говорят нарративы молодых женщин, что до некоторой степени также свидетельствует об усилении доминирующей роли матерей в организации жизни детей и об «отсутствующих» (как уже говорилось, по разным причинам) отцах и, как следствие, своеобразной психологической зависимости сыновей от матерей:

«Вчера мы купили машину, конечно, это хорошо, но я знаю, что мужа своего я теперь вообще видеть не буду, так как два дня он работает, а два дня отдыха он теперь будет проводить с машиной. А наступит весна, его мама скажет “вези нас на дачу, а через неделю заведи”, так и будет им командовать, хотя он и сейчас во всем ее слушается, а мне это не нравится, но я понимаю, мама есть мама» (22 года).

«Я узнала от знакомых, что Сашина мама хочет женить его на другой девушке, у которой состоятельные родители. Я написала Саше

письмо в армию, что если это так, то ждать два года я не буду. Получив мое письмо, он очень расстроился. Написал своей матери ультиматум: “Или Ира (т. е. я), или я сброшусь с парашюта”. Одним словом, мать его была очень взволнована, что может потерять сына, даже морально. На наш брак она дала свое согласие, но все это было уже не так, как должно быть по-хорошему. Даже в день свадьбы были попытки расстроить нашу регистрацию. Свадьба состоялась. Но с того момента мать Саши постоянно настраивала его против меня» (28 лет).

Что касается описываемых в нарративах мотивов замужества, которые являются одной из значимых характеристик обыденных представлений о семье и гендерных отношениях, то женщины обоих поколений таким мотивом называют любовь. Наиболее ярко свои ориентиры на романтическую любовь как основу брака описывают молодые женщины:

«Я жила для любви и ради любви. Я всегда считала, что истинным тылом для человека является семья. И до сих пор (стыдно признаться) верю в эту скучную фразу: “не в деньгах счастье” и даже про “рай в шалаше”» (27 лет).

«До свадьбы мы встречались 5 лет. Три года до армии и два года переписывались. Он очень сильно любил меня. Я его полюбила не с первого взгляда, а позже. До сих пор сохранились письма, полные нежных слов любви» (29 лет).

Однако романтические ориентиры на любовь как основу брака в ряде случаев не мешают молодым женщинам выходить замуж без любви (иногда даже сохраняя при этом любовь к другому мужчине). И в целом эти ориентиры предстают в нарративах молодых женщин скорее как культурный образец, тогда как описываемые ими практики, например, решения о замужестве, выглядят вполне прагматично:

«Я не собиралась связывать свою судьбу с этим человеком, но кто-то свыше распорядился иначе. Я забеременела, но узнала об этом лишь два месяца спустя. Так уж подвела меня природа. Делать аборт я побоялась, так как первая беременность. Володя (так зовут моего избранника) не был против ребенка. Пришлось пожениться. Все кругом осуждали. Лучше не могла найти?» (23 года).

Это противоречивое сочетание представлений о любви как нормы при заключении брака и практик реального поведения свойственно и женщинам старшего поколения. Однако причины отказа от ориентиров на любовь в браке у них несколько иные, чем у молодых женщин. В их нарративах основной причиной отказа от этих ориентиров

оказывается страх не выйти замуж, «засидеться в девках». При этом возраст в двадцать с небольшим лет они называют уже критическим:

«После техникума работала на заводе. Девчонки-подружки одна за другой выходят замуж, и я вдруг поняла, что мне уже не за горами 20 стукнет, а я еще ни разу с мальчишкой в кино не сходилa, ни разу на свидание не сбегала — мне стало страшно. Я согласилась стать Сашиней женой» (55 лет).

«Когда был последний семестр, все как с ума посходили, начались свадьбы. Вышла замуж и я за своего однокурсника. Не потому что страстно любила, а скорее испугавшись будущего — мне уже было 23 года, уехать куда-то одной по распределению было страшновато, очевидно, поэтому и вышла замуж не очень-то обдуманно» (58 лет).

В нарративах молодых женщин достаточно очевидно произошедшее изменение в норме возраста для замужества женщины, так что ссылки на критический возраст как необходимость выйти замуж уже не встречаются. Свои решения выйти замуж без любви они объясняют другими причинами — непредвиденными обстоятельствами (например, беременностью), или давлением родителей, или страхом одиночества:

«Замужество мое было спокойным с двух сторон. Я устала от бесконечных скандалов дома. Мать моя открыто оскорбляла меня, называла самыми гадкими словами. А ему пришло время жениться. Ему было 33 года, и его мама, папа и сестра очень хотели, чтобы он женился. Он сделал предложение, я согласилась» (29 лет).

«Первый раз замуж вышла без любви. Из страха одиночества. Второй — собственно из-за того же страха. Я ничего не испытывала к своему мужу. Разве что чувство благодарности за то, что не оставил меня тогда в трудную минуту. Но он мне был как друг. А я-то искала любовь. Искала и не находила» (30 лет).

Нарративы свидетельствуют, что молодые женщины не только менее чувствительны к традиционным нормам замужества, но и демонстрируют большую, чем женщины старшего поколения, свободу и независимость в выборе партнеров для брака. Кроме того, они более откровенны в своих описаниях любовных отношений и не стесняются говорить как о своих материальных интересах, так и об интимных переживаниях:

«Потом мы стали любовниками. Любила ли я его — не знаю. Он открыл для меня прелесть секса. Но мы должны были расстаться. Он сказал, что дома (на Украине) родители его женят. После него у меня были мужчины. Я пыталась любить по расчету. Меня могли содержать, платить деньги, но мне это было противно» (23 года).

«Когда я была на сессии, я познакомилась с мужчиной. Я его держала, так сказать, в запасе, так как он был действительно для семьи человек. Три года он ждал и, наконец, я приехала к нему. Мы расписались. Он хотел усыновить сына моего, но я отказалась. Все считают, что мне попался идеальный муж. Кто-то завидует, кто-то радуется за меня. Да и сама понимаю, что это редкость. Но я его не люблю» (29 лет).

Наряду с этими явными изменениями в нормах приватности/публичности в нарративах молодых женщин очевидна и бóльшая, чем в нарративах женщин старшего поколения, независимость и прагматичность в семейных практиках и гендерных отношениях. Их нарративы подтверждают также, что официальный брак вытесняется разными формами сожителства и что родительство, супружество, любовные отношения и семья все больше отделяются друг от друга и становятся отдельными институтами¹²:

«Я решила рожать. Но рожать нужно было с умом. Я попросила у отца будущего ребенка разрешения. Мы были друг другу никто в смысле законно. Отягощать жизнь я никому не хотела. Но и оставаться без поддержки одна тоже не хотела. Мое к нему обращение за разрешением тогда было зовом о помощи, сейчас воспринимаю это как фарс. На работу вышла через год после рождения дочери и перестала нуждаться (как в спонсоре и как в мужчине) в ее отце, который часто жаловался, что ему трудно материально. Оплачиваю свои счета сама» (25 лет).

«Моя близкая подруга тоже разошлась с мужем, тоже примерно такая картина семейной жизни, как и у меня. Она шьет, вяжет, стрижет, делает цветы декоративные, работает надомницей по чертежам. В общем, молодец! Живет с сыном 9-летним в общежитии семейного типа. Если у нее были мужчины, она находила им всем применение: ремонт окна, утюга, магнитофона и т. д. С пустыми руками не приходили. Она понимала, найти хорошего мужа очень сложно, а любовника поить и кормить — глупо. Поэтому придерживалась, чтобы мужчина хоть чем-то был полезен» (29 лет).

Разумеется, такого рода проявления независимости и прагматичности в семейных практиках и гендерных отношениях в определенной мере присущи и женщинам старшего поколения. Однако в их нарративах откровенные заявления о материальных интересах, как правило, не встречаются, что, по всей видимости, объясняется

¹² Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 130.

устойчивостью норм советского гендерного порядка, которые табуировали демонстрацию таких практик и представлений. В этой связи можно заключить, что откровенные заявления молодых женщин об их независимости и прагматичности в гендерных отношениях свидетельствуют не только об усилении такого рода ориентаций, но и об изменении гендерного порядка в обществе. И эти изменения в значительной степени объясняются тем, что формативный период жизни женщин этого поколения пришелся на время рыночных реформ и радикальных перемен, которые, собственно, и потребовали такого рода изменений.

Заключение

Сравнение биографических нарративов женщин старшего поколения, сформированного гендерными нормами советского времени, и молодого поколения, формировавшегося в эпоху рыночных реформ, дает возможность увидеть не только преемственность в обыденных представлениях о семье и гендерных отношениях, а также в практиках семейного поведения, но и изменения в этих представлениях и практиках.

Нарративы женщин старшего поколения свидетельствуют о некоторой устойчивости традиционно-патриархатных представлений о семье и гендерных отношениях. Прежде всего это касается их представлений о традиционном гендерном разделении труда, а также ориентиров на сохранение семьи за счет личных интересов женщины. Кроме того, их нарративы говорят об устойчивости *детоцентристского* типа семьи и о незначительной роли мужчин как партнеров по организации семейной жизни.

В нарративах молодых женщин, жизнь которых складывалась уже в постсоветское время, можно видеть как наследование ими некоторых представлений о семье и гендерных отношениях женщин старшего поколения, так и изменения в этих представлениях. Прежде всего, в нарративах молодых женщин очевидно усиление индивидуализма и прагматических ориентаций в их представлениях о семье и гендерных отношениях, что, по всей видимости, соответствует требованиям постсоветского времени. Кроме того, эти изменения находятся в русле описываемого многими социальными исследователями процесса индивидуализации. Зигмунт Бауман, например, полагает, что в современном, «индивидуализированном», обществе каждый человек

вынужден индивидуализироваться и быть прагматичным, что *это не его выбор, а судьба, структурное принуждение*¹³.

Тем не менее, в биографических нарративах женщин обоих поколений обнаруживаются скорее смешанные, чем чистые, типы поведения в сфере семьи и гендерных отношений и, соответственно, смешанные типы представлений о семье и гендерных отношениях. Этот вывод вполне соответствует сформулированному У. Бекom принципу изучения социальных изменений в современном глобализирующемся мире. *«Новое должно мыслиться по принципу — не “или-или”, а “как..., так и...”», поскольку оно не выступает в чистой форме, но в множестве разнообразных конфигураций*»¹⁴. Собственно эти «разнообразные конфигурации» индивидуального опыта семейной жизни и гендерных отношений, характеризующие обыденные представления женщин о семье и гендерных отношениях, и обнаружил качественный анализ их биографических нарративов.

¹³ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 66.

¹⁴ Бек У. Космополитическое общество и его враги // ЖСиСА. 2003. Т. VI. № 1. С. 9–10.

МИР ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ

Приводятся результаты как личного «не выключаемого наблюдения» (по выражению Игоря И. Травина), так и социологического мониторинга особенностей жизни петербуржцев в разных временных периодах (2008–2012 гг.). В центре нашего внимания оказались по преимуществу пожилые люди как за рубежом, так и в Санкт-Петербурге.

Статья являет собой нечто среднее между эссе и аналитическим обзором ряда социологических исследований, в которых рассматриваются тренды некоторых социальных процессов повседневной жизни горожан. Подобный жанр публикации, который можно обозначить как «эссеистская социология», в последнее время приобретает определенную популярность.

Ключевые слова: пожилые люди, уровень жизни, повседневность, социальные проблемы, туризм, досуг, политические ориентации.

Лирическое вступление

Однажды я присутствовала на встрече, где обсуждались проблемы, которые приходится решать представителям городских властей в Финляндии и в России, в частности в Санкт-Петербурге и в финском городе Лахти. Меня заставило серьезно задуматься заявление мэра Лахти о том, что для него чуть ли не самой важной городской проблемой, которая требует решения, является проблема одиночества пожилых людей. Вполне понятно, что это связано с увеличением продолжительности жизни, особенно среди мужчин, чему не в последнюю очередь способствуют наряду с успехами медицины и повышение уровня благосостояния и социального обеспечения. Заметим, что одиночеству способствуют и современные стандарты и ценности личной жизни, ибо в большинстве западных стран принято, чтобы дети жили отдельно от родителей, да и супружеские пары «разбегаются» достаточно часто — ведь решить жилищный вопрос (то есть «разъехаться») там гораздо проще. А убеждение, что надо жить ради детей, а не ради себя, там не слишком распространено.

На одиночество в качестве серьезной социальной проблемы пожилых людей обращает внимание в своей статье «Старение населения и организация жизни пожилых людей: случай России»

И.И. Елисеева¹. Совершенно справедливо она отмечает, что эта проблема является значимой в социальной политике властей Петербурга, для чего был разработан «спектр услуг для пожилых людей, включающий изучение иностранных языков, приобретение компьютерной грамотности, танцы, занятия физической культурой и т. д.».

После вышеупомянутой встречи и изучения соответствующей литературы я, можно сказать, стала проводить включенное наблюдение (нужно учесть, что я все-таки не являюсь специалистом в этой области социологии): при каждой возможности, находясь за границей, я старалась понаблюдать за жизнью стариков — чем они занимаются в течение дня. Конечно, это было связано с их жизнью в публичном пространстве: именно здесь я могла проводить свои наблюдения. А потом я провела и некоторые опросы общественного мнения, где смогла выяснить действительную картину жизни пожилых петербуржцев в связи с моими визуальными впечатлениями.

Особо отмечу, что даже визуально можно понять, как сильно отличается жизнь стариков в разных странах и на разных континентах. Так, в Европе пожилые люди на виду, складывается впечатление, что их очень много. И это правда. Во-первых, действительно, население в Европе стремительно стареет. Падает рождаемость, увеличивается средний возраст. Падает смертность. Во-вторых, социальная политика, особенно в отношении пожилых людей, чрезвычайно развита, и результатом является то, что старики чувствуют себя полноправными членами общества, не боятся присутствовать в общественной жизни и публичной сфере, зачастую ведут такой же образ жизни, как и представители других слоев населения.

В то же время, например, в странах Латинской Америки старики менее заметны. Причины также понятны — более высокая рождаемость и более высокая смертность, более низкая продолжительность жизни. Социальная политика в отношении стариков — достаточно слабая, к тому же, возможно, традиции не позволяют старикам активно визуально присутствовать в публичном пространстве.

В правильности своего выбора метода изучения этой социально-демографической группы я убедилась, когда прочла интервью с А. Готлиб в «Телескопе» где она отмечает, что «Сегодня набирает силу, можно сказать, даже входит в моду и так называемая *mix* методология (я ее

¹ Елисеева И.И. Старение населения и организация жизни пожилых людей: случай России // Петербургская социология сегодня. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 32.

в своей книге называю “прагматической позицией”, когда обе методологии [качественная и количественная. — *Т.П.*] используются в одном отдельно взятом исследовании: каждая, используя свою оптику, “работает” на свои исследовательские задачи»².

О важности включенного наблюдения в жизни социолога и осмысления им различных социальных ситуаций, в которых он оказывается, говорит социолог Владимир Ильин в статье «Интервью с социологом как исследование» в журнале «Телескоп»: «Освоение социокультурной атмосферы обычно имеет бессистемный, отрывочный характер. Это коллекционирование социальных ситуаций, которое в процессе социологического “разглядывания”, “прощупывания” дает понимание и/или ощущение атмосферы. Эти ситуации часто не имеют прямого отношения к исследуемым в порядке профессиональной деятельности темам, но они представляют собой “молекулы”, заполняющие поры изучаемого предмета»³.

Наблюдения

Думаю, что многие люди моего поколения, и прежде всего жители Ленинграда, могут вспомнить свои впечатления от образа жизни в Эстонии. Особенно, когда мы попадали в эстонские кафе. Потом в разговорах мы высказывали свое удивление и умиление, что в этих кафе сидит большое количество старушек, которые о чем-то без умолку говорят и пьют кофе. Мы в то время привыкли видеть совсем других старушек — наших бабушек — уставших от жизни, от мужей, постоянно заботящихся о семье и прежде всего о внуках. Посещение кафе в их образ жизни не входило. В лучшем случае они «отдыхали» на дачах, делая заготовки на следующий год, либо посиживали на скамейках около подъездов. И тем более были лишены путешествий. Лишь изредка они получали весьма широко распространенную среди ленинградцев поездку на остров Валаам или в санаторий — подлечиться. Но это нельзя все-таки было назвать досугом...

Чехия, осень 1995. В самом центре Праги рядом с собором Святого Вита останавливается множество автобусов, из него выходят весьма

² Готлиб А.С. Моя потребность рассказать «свою историю» счастливо совпала с исследовательским интересом к автоэтнографии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 4. С. 9.

³ Ильин В.И. Интервью с социологом как исследование // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 5. С. 17.

пожилые люди, многие из которых одеты в вечерние наряды, и медленно шествуют в зал, где состоится открытие фестиваля «Пражская осень». По пути участники этого мероприятия зажигают свечи. Зрелище очень красивое и торжественное. Судя по надписям на автобусах, пассажиры приехали не только из Словакии и Чехии, но и из Австрии, Германии, Франции и Швейцарии.

Франция, начало 2000-х гг. — маленькие провинциальные городки, а также Париж. И там, и там — элегантнейшие изящные старушки, щебечущие о чем-то в кафе. Напоминает мои старые таллинские впечатления. Ницца — бульвар и набережные. Мужчины весьма преклонного возраста, одетые в элегантные костюмы, с тростью, с аккуратно повязанными галстуками, неспешно совершают променад. И главное удивление — в жару на их руках светлые перчатки.

Клошары, бездомные обитатели берегов Сены, о которых так много и романтично писали в прежние времена, больше относятся к средневозрастной категории — 35–45 лет. Пожилых среди клошаров мало.

Великобритания. Лондон. Конец 1990-х гг. Круизные суда на Темзе. Видимо, я наблюдала специальные круизы для пожилых людей, которые большими группами на палубах судов и на набережных в сопровождении гидов о чем-то беседуют, а временами танцуют. Гиды ведут себя очень галантно и трогательно ухаживают за своими подопечными, а старушки мило кокетничают с гидами-мужчинами.

Менее умилительную картину я наблюдала в маленьких городках Великобритании, особенно в Уэльсе, который издавна считается более бедным районом страны, чем, собственно, Англия и Шотландия. Там я постоянно обращала внимание на одиноко сидящих стариков у своих сельских домов.

Среди бомжей и алкоголиков, которых в Великобритании немало, так же, как и во Франции, настоящих стариков немного, все больше люди 30–50 лет.

Аргентина — 2010 г. Что-то напоминающее Испанию. Великое множество весьма импозантно одетых мужчин в возрасте 50 лет и старше. Характерно, что понять, кто стоит рядом с тобой — клерк, пенсионер, бомж — трудно. Кстати, в Аргентине существует одно любопытное правило. Как известно, в этой стране весьма популярно мясо, которое в огромных количествах производится, приготавливается разными способами в ресторанах и съедается. Многие, и прежде всего туристы, съесть полностью огромные порции не в состоянии, поэтому там есть традиция — все, что осталось от трапезы, упаковывают и со-

ветуют отдать первому встречному нищему. Я так и поступала, но при этом не могла понять, кому отдать: все мужчины, особенно пожилого возраста, выглядели одинаково прилично, — поэтому я шла к ближайшим «лежбищам» бомжей и все отдавала им, при этом они принимали подношение с такой элегантностью, и вели такой светский разговор, что можно было придти в полное восхищение и... недоумение.

Швеция, 1996—2012 гг. Шведскую систему социального обеспечения можно ставить в пример. Старики находятся под сильнейшим патронажем государства. Чрезвычайно развиты социальные дома с высоким уровнем обслуживания, где в общем-то созданы все условия для общения — но(!) между собой, то есть между стариками-жителями этих домов. А им требуется и другое общение, не только со стариками, поэтому те, кто остаются жить в своих квартирах, выходят на улицу, усаживаются на скамейку в людном месте и стараются завязать разговор с любым, кто садится отдохнуть рядом с ними. Вот уже несколько лет я встречаю в Стокгольме на одной из людных туристических площадей старика, который охотно вступает в разговор и рассказывает о своей жизни. Через некоторое время к нему приходят, похоже, опекуны или родственники, и стараются уберечь его от этого общения, потому что он, по их мнению, выбалтывает много ненужного и может остаться без денег. При этом, возможно, он страдает некоторой амнезией, но прекрасно говорит по-английски, и беседовать с ним о прошлой жизни очень интересно.

Ежедневный военный парад перед Королевским дворцом в Стокгольме. Очень много людей в инвалидных колясках, которых сопровождают социальные работники. (Кстати, среди социальных работников немалая доля выходцев из России, Украины, Молдавии...) Социальные работники, как правило, среднего возраста. А в инвалидных колясках большое количество стариков весьма преклонного возраста, которые живо наблюдают за происходящим (хотя, уверена, они видели это зрелище не один раз) и общаются между собой.

Испания, 1999—2012 гг. Я живу в Гранаде в центре старой части города, на маленькой улочке, и балкон моего гостиничного номера находится чуть ли не напротив балкона жилого дома. Ровно в 8 часов утра на этот балкон выходит старик, которому сильно за 80, но при этом он уже одет в элегантный костюм, отглаженную, с галстуком, рубашку, на голове шляпа. Он кричит: «Хуан, Хуан!» — это его сосед такого же возраста, который живет напротив. Минут через 10—15 они появляются вместе уже на улице — красивые, импозантные — и медленно,

с достоинством шествуют в ближайшее уличное кафе, где заказывают себе кофе, потом пиво или стакан вина с закуской и, непрерывно о чем-то разговаривая, сидят там чуть ли не до вечера. (Кстати, этот «продуктовый набор» в любых сочетаниях стоит 1 евро 20 центов — или в российской валюте около 50 рублей). О чем они говорят? Конечно же, как шутят испанцы, о женщинах — о чем еще могут говорить испанские мужчины любого возраста? Эту картину я наблюдала неделю, и поскольку регулярно бывала в том же кафе одновременно с этими стариками, я смогла с ними побеседовать. Правда, английского они не знали. Но на смеси всех языков мы поняли друг друга. Я узнала, что они оба одиноки; живут одни в маленьких квартирках. У одного из них есть дети, но те живут очень далеко. Другой мой знакомый живет один уже очень давно. Они были рады со мной болтать о чем угодно, только бы я не уходила. Потом я много раз встречала таких стариков в Испании на шествиях во время Страстной недели — кто-то был с родственниками, кто-то один. В Мадриде много людей весьма преклонного возраста я заметила в очередях за лотерейными билетами. Лотереи, надо сказать, в Испании очень популярны. А в отношении стариков, как мне показалось, дело тут не столько в желании обогатиться, а в желании пообщаться с соседями по очереди.

Кстати, среди нищих пожилых и старых мало — больше молодых и иммигрантов.

Италия, 2003–2006 гг. Маленькие уютные площади небольших городков. И везде задумчивые фигуры стариков, которые сидят на скамейках. На краю фонтанов. На раскладных стульчиках. И задумчиво наблюдают жизнь, опершись подбородком на сложенные ладони и трость. Они мало общаются между собой — наблюдения за течением жизни важнее. О чем они думают? Что могут рассказать?

Финляндия, 1989–2012 гг. Вышеупомянутый город Лахти (2012 г.) Огромный стеклянный ангар: в таких практически во всех европейских странах (теперь и мы не исключение) располагаются супермаркеты. Но в этом «супермаркете» находится фактически «блошиный рынок». Он весь поделен на маленькие отсеки, где любой житель может разместить вещи, от которых он хочет избавиться. (Надо отметить, что жители Финляндии очень трепетно относятся к старым вещам и ни в коем случае не хотят их просто выбрасывать.) А вещи на этом рынке — самые разнообразные: от мебели до книг, одежды и сувениров. Везде выставлены ценники, а сами продавцы зачастую отсутствуют: либо общаются друг с другом и посетителями в другом месте, либо

сидят в кафе, которое находится тут же, либо гуляют рядом на улице. Украсть вещи невозможно, поскольку каждая из них имеет штрихкод, и то, что ты возьмешь, ты оплачиваешь на кассе, как в любом магазине. Участники этой акции получают определенную выгоду — и материальную, и социальную. Все издержки по содержанию этого блошиного рынка, похоже, ложатся либо на плечи бизнесменов, благотворителей, либо/и властей. Такие рынки существуют в большинстве европейских городов, размещаясь чуть ли не на самых центральных многолюдных площадях, особенно в воскресные дни. По моим наблюдениям, это и возможность немножко подзаработать, но главное — возможность пообщаться самым различным слоям населения. Кстати, на «блошином рынке» в Лахти в отдельных отсеках выставлена на продажу обстановка и, так сказать, «начинка» комнат, квартир и даже домов умерших одиноких людей, которым некому было передать свое имущество. Смотреть на это — все равно, что приходить в музей социальной памяти. Вещи, которыми долго пользовались; сувениры, которые привозили из путешествий; книги, которые читали; картины и другие украшения, на которые любовались; фотографии, на которых запечатлена жизнь владельцев, их родственников, знакомых; есть даже частички эпистолярного наследия — открытки, записки, письма, дневники... А также собрания марок, фантиков, билетов в метро...

Еще одно наблюдение о жизни пожилых людей в Финляндии. Возможно, несколько неожиданное и, на первый взгляд, странное.... Это увлеченность пожилых людей игровыми автоматами. Май 2012. Автовокзал в городе Турку. Кафе, и рядом несколько игровых автоматов. На всех играют, практически все игроки — пожилые люди, некоторым из них далеко за 70, есть те, кто ходят с помощью ходунков. В среднем из десятка игроков — две женщины, причем возраст их чуть меньше, чем возраст мужчин, но молодых среди них нет. Некоторые, поиграв на автомате и, как правило, проиграв некоторую сумму денег, уходят, но потом возвращаются. Кто-то начинает играть снова. А кто-то, взяв чашку кофе, просто наблюдает за играющими. Практически все знакомы друг с другом, есть среди них специалисты, которые достаточно часто выигрывают, а потом все что-то обсуждают. Много пожилых людей я видела также на круизных судах, где игровых автоматов предостаточно. Почему они этим увлечены? Уверена, дело не в недостатке средств, а в недостатке общения. Кстати, уже есть достаточно серьезные исследования, которые доказывают, что игры на подобных автоматах усиливают умственную активность, способствуют уменьше-

нию действия рассеянного склероза (по крайней мере, не позволяя ему усиливаться). Недаром многие врачи советуют своим пожилым пациентам почаще разгадывать кроссворды — это также улучшает умственную деятельность.

В отличие от стран, о которых я писала выше, в Финляндии много старых спившихся местных жителей и бомжей преклонного возраста, что достаточно странно, потому что там есть ограничения на продажу алкоголя, и стоит он достаточно дорого, а система социального обеспечения не хуже, чем в Швеции.

Россия. В чем визуальные отличия и сходство в поведении и внешнем облике стариков в прошлое и нынешнее время? Очень заметны изменения в одежде. Сейчас практически не встретишь плохо одетого старика в поношенной, заплатанной одежде старомодного фасона. Большинство из них одеты весьма прилично и в новое. Временами кажется даже, что наши старики слишком экстравагантны — так одеваться не рискнут люди среднего возраста. Причина улучшения внешнего вида наших стариков не только в повышении уровня благосостояния и уровня доступности многих товаров, но и в том, что им достаются хорошие вещи, от которых некоторая часть населения, весьма обеспеченная, избавляется. Иногда наши старики выглядят весьма нелепо.

Опишу еще один день моих наблюдений, который привел к некоторым выводам.

Питерский супермаркет. День больших скидок. Здесь дают весьма солидные скидки пенсионерам. В магазине ажиотаж. Причем любопытно, на какие виды товаров имеются очень значительные скидки. Не на мясопродукты, не на крупы, овощи и фрукты... Скидки дают на алкоголь, причем на эксклюзивный — уровень скидок достигает 70%. Обращаю внимание на то, что предлагаются очень дорогие виды шампанского, вина, вермута, которые даже со скидками стоят от 300 до 1000 рублей. В очереди — практически одни пенсионеры: кто-то берет этот скидочный алкоголь для детей, кто-то для подарка, а кто-то «себя побаловать». В очередях и в столпотворении очень удобно разговаривать — что я и делаю. Выясняется, что мои собеседники много путешествуют и хорошо знают марки вин. Одна пенсионерка в возрасте 75 лет (это я специально узнала) с восторгом рассказывала, как ей понравились вина в долине Луары, и что она побывала в 31-й стране. Действительно, российских пенсионеров все чаще можно встретить за рубежом на отдыхе. Все чаще их можно встретить и в петербургских кафе, и даже в ночных клубах и в ресторанах. Нет, это все-таки не ми-

лые щебечущие старушки, сидящие за чашкой кофе, а чаще одинокие старики, которым не хочется самим «себя кормить». О чем наши престарелые мужчины разговаривают? Нет, не о женщинах. Под балконом моей квартиры в Петербурге на Васильевском острове расположен скверик, где по вечерам в теплое время года можно наблюдать настоящий гайд-парк. Там собираются мужчины, как правило, старше 60-ти, и под бутылку пива, а порой и водки с упоением рассуждают о политике и политиках. В ночи их слышно очень хорошо, получаются своеобразные фокус-группы.

Обращает на себя внимание и то, что все меньше наших бабушек прогуливается с внуками — есть такая тенденция в современной российской городской действительности: родители считают, что в современной жизни с ее новыми реалиями и навыками бабушки вряд ли могут чему-то научить внуков. В то же время у бабушек появляются свои новые увлечения — они ходят на курсы компьютерной грамотности, занимаются «финской ходьбой», танцами и многим другим, о чем несколько лет назад такие же бабушки даже не помышляли. (О роли института бабушек в современном российском обществе см. статью М.Ю. Арутюняна⁴.)

Организованных «блошинных рынков» у нас практически нет, однако регулярно около метро я вижу старушек, продающих, как правило, кое-что из сельхозпродукции, некоторые продают старые вещи, которые никто не берет, но зато достаточно часто им дают немного денег, и, махнув рукой — мол, вещи оставьте себе, — идут своей дорогой. А старушки активно общаются между собой. Уже лет 15 опять же около метро я вижу старика-аккордеониста. Он очень интеллигентно выглядит, прилично одет, и у него обширный репертуар. Подают ему за игру очень охотно. Как-то я с ним разговорилась — выяснилось, что у него вполне приличная пенсия, но живет он один, дома скучно, а тут люди, уже есть много знакомых, да и играть приятнее перед публикой.

Несколько лет я встречаю около нашего универсама старушку лет 80-ти, которая подходит к входящим в магазин покупателям и просит дать денег на лекарства. Она хорошо одета, выглядит вполне ухоженной, готова поговорить на любые темы. Я тоже с ней разговариваю — она живет в доме рядом со мной. У нее однокомнатная квартира, она «блокадница», а значит, пенсия у нее немаленькая. Но она одинока, и просьба о деньгах — предлог для общения...

⁴ Арутюнян М.Ю. Изменение «института бабушек»: социально-психологический аспект // Народонаселение. 2012. № 1. С. 77.

Хотя нынешнее поколение пожилых — уже не те, что были лет 20 назад. Это люди, примерно в 40 лет пережившие перестройку, их помотала жизнь, но у многих остались прежние ценностные ориентации, и этот микс очень любопытен.

Есть еще один тренд в поведении пожилых людей, который заметен и в зарубежных странах, и в России, в частности в Петербурге. Это достаточно частое посещение пожилыми книжных магазинов. Вообще говоря, несмотря на развитие интернета и виртуального книжного пространства, бумажные книги и книжные магазины не умирают. Во множестве стран я видела весьма многолюдные книжные магазины. Особенно сильное впечатление на меня произвели книжные магазины в Буэнос-Айресе, которые расположены в шикарных огромных зданиях, а некоторые — в бывших помещениях театров, весьма оригинально переделанных и приспособленных для продажи, а главное — для чтения и просмотра книг... В Финляндии я регулярно встречаю чуть ли не одних и тех же стариков в книжном магазине Стокмана. Они либо читают, либо наблюдают за людьми, либо участвуют во встречах с писателями и другими известными людьми, либо задумчиво прохаживаются по магазину. Некоторые из них, возможно, не совсем адекватны и имеют отклонения в психическом состоянии, но хорошо видно, что им очень нужно человеческое общение, или, по крайней мере, человеческое окружение.

Петербургские наблюдения похожи. В книжных магазинах немало стариков, и есть еще одно любопытное наблюдение. Я часто заходила одно время ночью в магазин «Буквоя», который находится на первом этаже гостиницы «Октябрьская» на площади Восстания. Тогда оттуда отправлялись автобусы в Хельсинки. И я там очень часто встречала весьма пожилую даму, которая пила кофе и читала самые разнообразные книги. Как-то я с ней разговорилась, и она мне призналась, что живет рядом, страдает бессонницей, пенсия у нее небольшая, а она очень любит читать. Поэтому она приходит в этот ночной книжный магазин и бесплатно читает все, что хочет, и кофе может выпить, и диспуты послушать, и даже концерты.

Если подвести итоги моих наблюдений, то к основным видам проведения времени, «спасающим» пожилых людей от одиночества, можно отнести выход из дома, пребывание в публичных местах, где бывают представители самых разных слоев населения. Это путешествия, сидения на скамейках в скверах (подальше от дома), хождения в кафе (и даже бары и рестораны), посещение книжных магазинов, всяческих распродаж и блошиных рынков, и даже увлеченность игровыми автоматами...

Хотя есть и вовсе экзотические способы спасения от одиночества — это окружение себя старыми вещами или животными. Все чаще и чаще соседи в многоквартирных домах стали жаловаться на пожилых людей, держащих у себя в квартирах великое множество собак и кошек, которые превращают подъезд в заразную клоаку, поскольку убирать за животными и содержать помещение, где они живут, на должном санитарном уровне старики не в состоянии. Закрыть эти приюты соседи не могут. Старики в ответ становятся весьма агрессивными и общаются в итоге только со своими домашними питомцами. То же и с вещами — вещи становятся товарищами и хранителями воспоминаний вместо людей. Даже на ТВ теперь есть программы для зрителей разных стран, (и у нас такие программы тоже появляются), идущие под примерным названием «Ненужные вещи», где обсуждаются вопросы о том, как привести в порядок и очистить квартиру от ненужных вещей, причем в основном герои этих передач пожилые люди.

Социологические опросы

От персональных наблюдений перейдем к результатам массовых исследований, которые были проведены совместно с СЦ «Мегаполис» в последние годы в Санкт-Петербурге, когда в репрезентативные выборки (объемом от 1500 человек) входило немалое количество пожилых людей. В данном случае мы будем рассматривать группу людей в возрасте 55 лет и старше с позиций уровня благосостояния, досуга, ценностных ориентаций. Причем из всего спектра информации будем отбирать случаи, иллюстрирующие сравнительные тенденции поведения стариков в тех странах, которые упомянуты выше, и в России.

В этой части статьи представлено много статистических таблиц, в которых отражены результаты проведенных опросов общественного мнения. Обращение к данным массовых опросов в социологии позволяет преодолеть субъективный момент, особенно в процессе интерпретации данных, читателю надо предоставить возможность самому делать выводы, сравнивая их с выводами авторов исследования. Многолетний опыт работы показывает, что интерпретация данных и выводы могут быть связаны не только с исследовательскими гипотезами и определенными теоретическими предпосылками исследования, но и с идеологическими предпочтениями и мировоззренческими позициями автора исследования.

Петербургские пенсионеры о некоторых аспектах своего текущего материального положения

К домохозяйствам, где живут пенсионеры, относятся как те, в которых живут только пенсионеры, в том числе и одиночки, так и многопоколенные семьи, состоящие из самих пенсионеров, их детей и, возможно, внуков. В наши опросы попадает, как правило, около 30 % опрошенных, проживающих в домохозяйствах с пенсионерами. Из рис. 1 видно, что эти семьи беднее в среднем в 1,25 раза. Однако нельзя уверенно утверждать, что доход серьезно падает в тех домохозяйствах, которые состоят только из одних пенсионеров. И на самом деле среднедушевой доход зависит от числа иждивенцев, в частности детей, которые фактически не имеют собственных доходов. В ряде случаев, как показывают специализированные исследования, именно пенсионеры с их стабильной пенсией, проживающие вместе с детьми и их семьями, выступают в качестве немаловажного фактора поддержки материального благосостояния семьи.

Ниже используются результаты социологического опроса, проведенного СЦ «Мегаполис» в сентябре 2012 г. по общегородской репрезентативной телефонной выборке объемом 1500 респондентов.

Для социальной политики важно знать долю петербургских семей со среднедушевым месячным доходом ниже установленного прожиточного минимума. С этой целью был предусмотрен вопрос: *«На текущий момент прожиточный минимум в нашем городе составляет около*

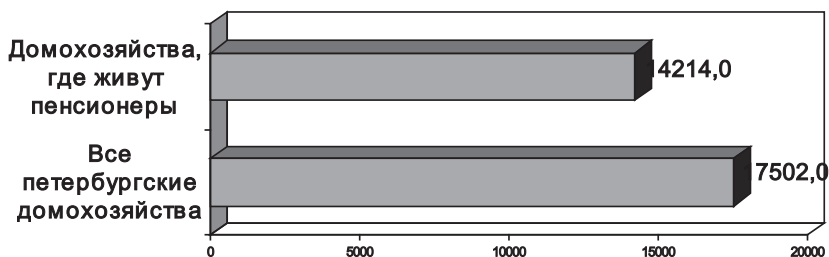

Рис. 1. Среднедушевой доход на февраль 2012 г. (в рублях).

(Источник: результаты социологического опроса, проведенного СЦ «Мегаполис» в марте 2012 г. по общегородской репрезентативной телефонной выборке объемом 1500 респондентов)

шесть тысяч пятисот рублей в месяц на одного члена семьи. А у Вашей семьи на одного человека больше или меньше 6,5 тысяч рублей в месяц?»

Как видно из приведенных данных, в целом по Петербургу на уровне прожиточного минимума и меньше (то есть примерно 210 рублей или 7 долларов на одного человека в семье в день) имеют доходы около 11% опрошенных, а среди пенсионеров таковых больше — около 17%. В то же время группа населения в Петербурге (включая пенсионеров), вынужденная существовать на сумму менее 60 рублей в день (общемировой показатель уровня нищеты), судя по данным опросов, ничтожна. Однако нужно помнить, что в телефонные опросы не попадают представители социального дна — бомжи и т. п. Для сравнения ситуации в Петербурге и в России в плане уровня жизни разных слоев населения мы рекомендуем прочитать доклад «Прощай, нищета!», подготовленный экспертами Центра стратегических разработок и Центра социальной политики РАНХиГС (осень 2012 г.).

С принятием российского закона о потребительской корзине⁵ возросла актуальность изучения представлений о прожиточном минимуме. В последнем проведенном нами опросе спрашивалось: *«На текущий момент официальный прожиточный минимум в нашем городе составляет около шести тысяч пятисот рублей в месяц на одного члена семьи. А какой прожиточный минимум установили бы Вы на одного человека в месяц? При ответе просим учитывать реальные финансовые возможности Петербурга»*.

Обобщив данные по всему взрослому населению Петербурга, получаем текущий запрос: величина прожиточного минимума составляет 17 218 рублей, для пенсионеров — 15 967 рублей. Разница невелика.

Для сравнения приведем данные предыдущих опросов.

По итогам ноябрьского опроса 2008 г., средний общественный запрос на прожиточный минимум был на отметке 12 147 рублей. К апрелю 2009 г. желаемый ПМ поднялся до 13 109 руб., к апрелю 2010 г. под влиянием финансового кризиса, заставившего нас уменьшить свои запросы, опустился до 12 699 рублей, а в мае 2011 г. достиг суммы 15 589 рублей.

Официальная величина прожиточного минимума весной 2011 г. в нашем городе составляла 6044 рубля. Характерно, что запросы людей, находящихся на разном уровне благосостояния, не слишком отличались —

⁵ Федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации».

так, бедные считали, что ПМ должен быть равен 14 638 рублей, средний класс — 15 915 рублей, обеспеченные — 16 081 рублей. В среднем текущие запросы по отношению к ПМ превышают его фактический размер, как правило, в 2,6 раза.

Одной из важных проблем, влияющих на уровень жизни петербуржцев, является оплата коммунальных услуг. По этому поводу нами задавался вопрос: «В какой степени Вашей семье сегодня трудно платить за жилье: очень трудно, достаточно трудно, не трудно, но ощути-мо, пока не трудно?»

За 100 % приняты представители каждой из анализируемых групп. Суммы ответов по группам меньше 100 % на доли отказавшихся отвечать и затруднившихся ответить.

Оплата коммунальных услуг — одна из важнейших составляющих структуры семейных расходов, поэтому оценка возможностей семьи в этом плане — необходимая характеристика уровня жизни респондента. Из приведенных данных заметно, что по степени тяжести оплаты коммунальных услуг семьи пенсионеров находятся на уровне группы, которые себя определяют в диапазоне между бедными и средним классом, причем семьи пенсионеров чувствуют себя несколько лучше.

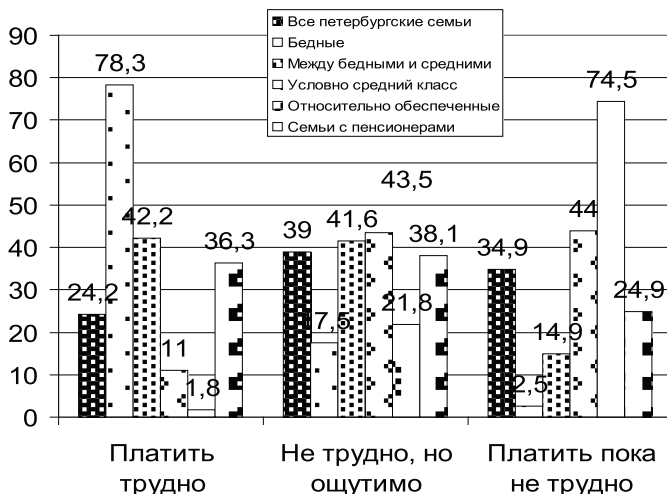

Рис. 2. Трудности оплаты за жилье

Выше было отмечено, что за последние годы существенно изменился внешний облик пенсионеров, особенно в плане одежды. Был задан вопрос: «Имеете ли Вы сегодня финансовую возможность одеваться так, как Вы хотите?»

Как можно видеть по данным опроса свою неудовлетворенность возможностью одеваться по потребности и вкусу выразили чуть менее 50 % всех опрошенных петербуржцев, а из числа пенсионеров — чуть более 50 %. При этом следует отметить, что под неудовлетворенностью «хорошо» одеваться скрывается неудовлетворенность даже не столько связанная с недостаточностью финансовых средств, а невозможность купить одежду в соответствии с размерами и личными вкусами. Если привести данные по возрастным группам, то они таковы: среди молодежи до 30 лет удовлетворенных тем, как они одеваются, в 2011 г. было 55 %, неудовлетворенных — 41%; среди лиц в возрасте 30–39 лет, соответственно, соотношение было 45 против 53 %, среди 40–49 — 40 к 53 %, 50–59 лет — 37–57 %, а среди лиц старше 60-ти — 38–53 %. Так что с возрастом доля неудовлетворенности своей одеждой возрастает. Этот результат отражает то, что пожилые носят не «свою» одежду, а то, что досталось от детей, родственников, из «секонд-хенда»; хотя эта одежда не старая, опрятная, но «чужая».

Для пожилых очень актуальной является доступность стоимости нужных лекарств. Респондентов спрашивали: «Скажите, пожалуйста, за последние 3 месяца у Вас была потребность купить какие-либо лекарства для себя или членов Вашей семьи?» Ответ «да» дали около 65 % взрослых петербуржцев.

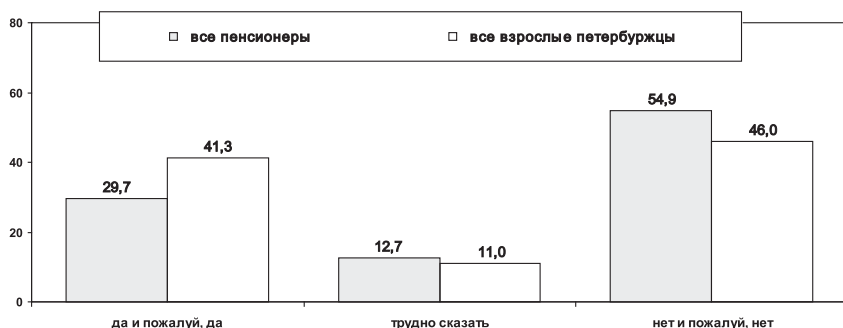

Рис. 3. Оценка финансовых возможностей покупки одежды

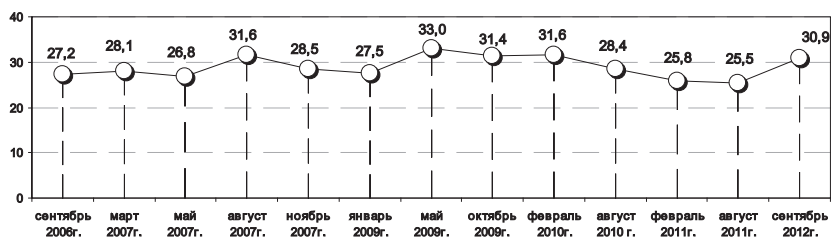

Рис. 4. Доля вынужденных отказаться от покупки лекарств из-за их высокой стоимости (2006–2012 гг.)
(все опрошенные по выборкам — 1500 человек старше 18 лет)

На вопрос: «А за последние 3 месяца Вы отказывались от покупки нужного Вам лекарства из-за его дороговизны?» отвечали только те, у кого за последние три месяца была потребность в покупке каких-либо лекарств. Данная группа принималась за 100 %. На представленном ниже графике показана доля тех потребителей, которые были вынуждены отказаться от покупки лекарств из-за их высокой стоимости.

Как видим, колебания по результатам проведенных опросов незначительны. Пугает значение этого показателя: получается, что около 30 % опрошенных вынуждены отказываться от приобретения необходимых лекарств из-за их высокой стоимости. Это серьезный вывод, приводящий к социально значимым последствиям.

Доступность покупки нужных лекарств для пенсионеров отмечалась по данным опроса на 1–2 %. О том, что у них была потребность купить лекарства, по итогам последнего опроса сообщило около 65 % взрослых петербуржцев и около 83 % пенсионеров.

При изучении бедности всегда обращается внимание на питание. Респондентам был задан вопрос: «Удовлетворены ли Вы качеством питания своей семьи?» По итогам последнего опроса доля затруднившихся с ответом составила 7,6 %, отказавшихся отвечать — 0,8 %.

Обратим внимание, что уровень удовлетворенности качеством семейного питания находится уже давно в Петербурге в диапазоне 65–75 %, а уровень неудовлетворенности снижается, и в настоящее время, несмотря на последствия финансового кризиса, эта доля снизилась до рекордно низкого уровня (18 % неудовлетворенных). Среди пенсионеров доля удовлетворенных качеством питания растет.

Рис. 5. Доля удовлетворенности качеством питания

Удовлетворенность текущим размером пенсий и запросы к ней петербургских пенсионеров позволяют оценить результаты социологического опроса, проведенного СЦ «Мегаполис».

Заметим, что общая доля петербургских пенсионеров составила 29,3 % от числа всех взрослых респондентов в Петербурге. Данная группа состоит из двух подгрупп: работающие пенсионеры — 10,4 % и неработающие — 18,9 %. Надо отметить, что объем этих групп в разных выборках достаточно стабилен. Так, в ноябре 2011 г. в выборку попали 29,8 % пенсионеров от общей численности петербуржцев в возрасте от 18 лет. Причем в данной группе работающие пенсионеры составили 10,5 %, неработающие — 19,3 %.

Доля удовлетворенных размером полученной пенсии составляет в среднем 20 %, т. е. пятую часть всех пенсионеров. Остальные отметили свою неудовлетворенность получаемой пенсией. Степень неудовлетворенности особенно высока у работающих пенсионеров (рис. 6).

Примерно те же результаты были получены в октябре 2012 г. То, что работающие пенсионеры в гораздо большей степени не удовлетворены размером своей пенсии, чем неработающие, объясняется тем, что, если бы пожилых людей полностью устраивала их сегодняшняя пенсия, то определенная часть из них не продолжила бы свою трудовую деятельность. Следует отметить, что в последнее время число удовлетворенных размером своей пенсии среди работающих пенсионеров растет. И это говорит в пользу того, что немалая часть пенсионеров работает не из-за материальных причин, а потому, что не представляет свою жизнь без работы, без трудовых отношений. В определенном смысле это показатель

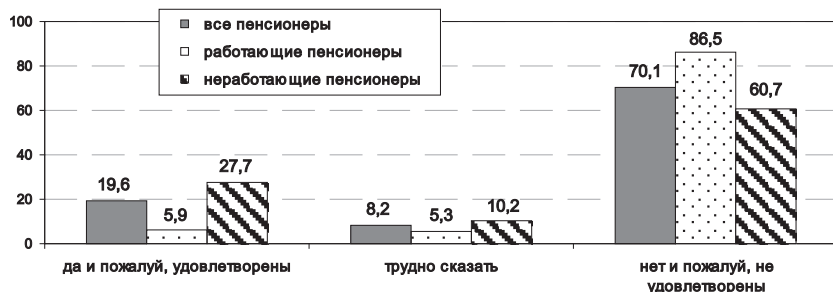

Рис. 6. Удовлетворенность размером пенсии среди работающих и неработающих пенсионеров (ноябрь 2011 г.)

некоторой заниженности в России пенсионного возраста. Тем не менее, подчеркнем, что возможность одновременно получать пенсию и заработную плату в последнее время выходит на передний план «пенсионных» дискуссий, связанных с пенсионной реформой.

Пенсионеров спрашивали: «Какой размер пенсии, с учетом вашего стажа работы и заслуг, Вы считали бы для себя более-менее справедливым?» 100% — это все петербургские пенсионеры.

Запросы к размерам пенсий растут по двум причинам. Во-первых, в результате роста цен, т. е. инфляции. Во-вторых, потому, что увеличиваются не только реальные доходы пенсионеров, но и потребности, и то, что раньше считалось вполне удовлетворительным, сегодня уже так не воспринимается. Ничего сверхнеожиданного получено не было: около 30 % считает, что они заслуживают пенсию свыше 20 тыс. рублей, 30 % опрошенных считает, что их вознаграждение должно составлять примерно 10 тыс. рублей, от 14 до 16 тыс. рублей оценили свою пенсию 23 %, от 18 до 20 тыс. рублей — 28,3 % опрошенных пенсионеров.

Интересно сравнить «пенсионные» потребности наших и европейских пенсионеров. Осенью 2012 г., в разгар протестных выступлений населения разных европейских стран против мер экономии правительств в связи с кризисными явлениями, в СМИ широко транслировались интервью с участниками этих выступлений. Так, один итальянский пенсионер возмущенно говорил о том, что им теперь стали платить пенсию в 800 евро, что недопустимо и ведет пенсионеров к полной нищете. (Обратим внимание, что 800 евро — это примерно 32 тысячи рублей, что даже чуть выше, чем средняя заработная плата

в Петербурге. И это при том, что продукты питания и одежда в Италии стоят намного дешевле, чем в России и в Петербурге. А наши пенсионеры мечтают лишь о средней пенсии в размере чуть выше 20 тыс. рублей — около 500 евро.)

Важной составляющей в структуре материального состояния российских и, в частности, петербургских пенсионеров являются так называемые льготы. Разные группы пенсионеров до недавнего времени имели возможность получать бесплатно определенного рода услуги (путевки в санатории и т. п., лекарства, коммунальные услуги и др.) С 1 января 2005 г. все бесплатные льготы были «монетизированы», то есть теперь каждая льгота, на которую мог претендовать пенсионер, была переведена на уровень денежных расчетов. При этом пенсионер-льготник мог получать деньги по льготам, но пользоваться ими не в полном объеме, а кто-то мог превысить объем потребляемых льгот, и, соответственно, недополучить компенсации. В принципе, несмотря на плохо организованное информационное сопровождение, реформирование льготной системы было вполне разумно, однако, вначале вызвало много протестов среди пенсионеров. И, судя по нашим наблюдениям, дело было тут не только и не столько в том, что пенсионеры считали, что их обокрали в материальном плане, а в том, что вся льготно-распределительная система советского времени основывалась, главным образом, не на материальном поощрении, а на поощрительно-наградном, когда было важно выделить того или иного человека за заслуги перед обществом среди других людей, поставив его в пример. Это ценили и этим гордились. И когда эти заслуги вдруг перевели в деньги, для многих пенсионеров это оказалось совершенно неприемлемо. Кроме того, для многих, особенно пенсионеров преклонного возраста оказалось проще все-таки пользоваться льготами бесплатно — не надо возиться с кошельком, с деньгами (поскольку их можно забыть, потерять, их могут украсть).

Внесенные местными органами власти коррективы в реализованную реформу по монетизации льгот оказали весомое влияние на изменение общественного мнения. Если раньше, в конце 2004 г., эту реформу в той или иной степени поддерживало всего около 21 % петербуржцев, то весной 2005 г. — около 43 %. Апрельский показатель 2005 г. поддержки монетизации имеет следующую структуру: твердое да — 21,6 %; пожалуй, да — 9,2 %; по одним параметрам да, по другим нет — 12 %. Обратим внимание на то, что буквально через три месяца монетизацию льгот стали поддерживать уже более половины людей

пенсионного возраста, среди более молодого поколения отношение достаточно безразличное, у них ощущение, что это их пока не касается, да и льготы у них, когда выйдут на пенсию, вряд ли будут (табл. 1).

Таблица 1

**Отношение различных возрастных групп к монетизации льгот,
в процентах (Санкт-Петербург, 2004)**

Возраст, лет	Отношение представителей данной группы (% по строке)			
	да и пожалуй, да	трудно сказать	нет и пожалуй, нет	не интересует, отказ отвечать
18–29	37,3	16,6	24,1	22,0
30–39	31,3	22,1	24,5	22,1
40–49	41,5	14,2	25,8	18,5
50–59	47,8	17,8	22,9	11,5
60 и старше	51,8	11,4	35,0	1,8

Иллюстрацией к предпочтениям пенсионеров в области приобретения услуг может быть их отношение к оплате общественного транспорта. Тут, как мне кажется, наиболее очевидно проявляется консерватизм этой группы населения, поскольку система льготного проезда максимально облегчена — получаешь вместе с пенсией денежную компенсацию, платишь в кассе деньги, получаешь карточку. Показываешь ее в транспорте — и все. Однако есть недовольные. Да, надо не потерять карточку. Но ведь и пенсионное удостоверение в случае бесплатного проезда надо показывать.

В результате ответа на вопрос: «Ваше мнение, нужно или нет снова вернуться к такой льготе, как бесплатный проезд на общественном транспорте?» было получено распределение, приведенное на рис. 7.

Свыше 50 % до сих пор мечтают о бесплатном проезде, не понимая, что дать льготу одной категории, значит отобрать что-то у другой. В нашем случае это могло бы означать только повышение тарифов на услуги транспорта для лиц в трудоспособном возрасте.

Завершая рассмотрение характеристик благосостояния людей пенсионного возраста в сравнении с другими возрастными группами, рассмотрим данные, которые дают общее представление о запросах пенсионеров по результатам опроса СЦ «Мегаполис» от 24–30 мая 2012 г. на выборке 1500 респондентов. Вопрос, который может дать

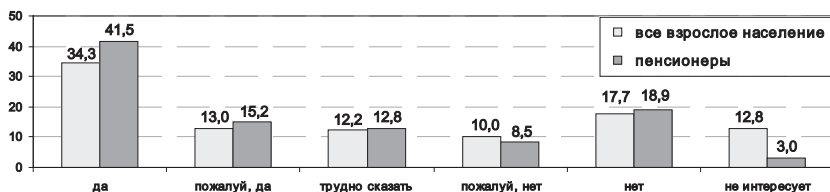

Рис. 7. Доля сторонников/противников возврата к бесплатному проезду на городском транспорте

нам необходимую информацию, задавался в открытом виде и касался предпочтений людей пожилого возраста в плане приоритетов расходования городского бюджета (табл. 2).

Таблица 2

На что тратить бюджет в первую очередь? Лица пенсионного возраста (в %)⁶

Направление бюджетных расходов	50—59 лет	60 лет и старше	Все опрошенные
Пенсии	13,8	24,1	5,0
Медицина	20,3	23,0	8,9
Уровень жизни	10,3	15,1	5,6
Ремонт дорог	13,8	13,4	7,0
Дети	6,0	12,1	3,7
Лекарства	6,1	10,8	2,0
ЖЭКи	8,4	9,0	3,2
Бедность	6,1	5,2	2,0
Пособия	2,7	5,2	1,7
Поликлиники	4,2	5,2	1,5
Квартплата	3,4	3,8	1,2

Весь список ответов, сформированный респондентами, составил более 50 позиций. В табл. 2 мы включили всего 11, которые набрали наибольшее число голосов именно людей пенсионного и

⁶ В расчет принимались только те позиции, где доли пенсионеров статистически значимо превышают соответствующие доли по всей выборке. Данные упорядочены по убыванию доли лиц старше 60 лет, указавших данную статью расходов бюджета.

предпенсионного возраста. Подчеркнем, что имелся в виду прежде всего городской бюджет, и подтекст вопроса состоял в социальном ориентировании бюджета.

Интересно проследить порядок приоритетов по возрастным группам. Пенсионеры от 60 лет ориентированы на достойную пенсию (несмотря на, в общем-то, неплохие показатели среднедушевых доходов семей пенсионеров, что отмечалось выше) и медицину. Характерно, что пенсионерам не чужды общегородские и общегуманитарные цели — они ратуют за выделение достаточных средств на строительство и реконструкцию дорог, а также на поддержку детей. Причем поддержка статей бюджета на детей среди людей старше 60-ти лет — самая большая.

Возможности отдыха и досуга пенсионеров и лиц пожилого возраста в сравнении со всем взрослым населением Санкт-Петербурга

Отметим, что большинство из представленных видов отдыха за последние шесть лет не изменили сколь-нибудь значимо своих прежних позиций, что свидетельствует об относительной стабильности как летних досуговых предпочтений, так и возможностей для их реализации. Для уточнения последнего обстоятельства был задан вопрос: «Имеете ли Вы финансовую возможность проводить свой летний отдых так, как Вы хотите?» Сумма ответов меньше 100 % на доли отказов отвечать.

В целом, финансовые возможности петербуржцев для проведения летнего отдыха поднялись на новую ступеньку к сентябрю 2009 г. Если в течение 2005–2006 гг. возможности для отдыха находились у 26–27 % от числа всех взрослых жителей нашего города, то с осени 2009 г., несмотря на финансовый кризис, доля этой группы выросла до 31–32 %, и такой остается до сих пор.

Уточнялось место проведения отдыха: за рубежом или в России. По итогам 2011 г. 21,5 % взрослого населения Санкт-Петербурга ездил отдыхать за рубеж.

По показателю этого раздела итоги 2011 г. оказались самыми позитивными за последние четыре года и превысили на 1,5 пункта докризисное значение данного показателя.

На развитие зарубежного туризма решающее влияние оказывает материальное положение петербургских семей. Материальные возможности для зарубежного отдыха у основных доходных групп

Таблица 3

Планы петербуржцев на летний отдых (процент высказавших данное пожелание)

Варианты отдыха	2005 г., май	2011 г., апрель	Варианты отдыха	2005 г., май	2011 г., апрель
Собственная дача	26,2	31,3	Дикарем в другие места России	1,0	1,3
Поездка к родственникам, знакомым	9,4	7,3	Туристические походы, лагеря	0,7	1,0
Выезды на природу, в лес	6,3	4,6	Молодежные лагеря	0,7	0,1
Отдых за границей	5,0	10,6	Авто-, мототуризм	0,3	0,2
Дикарем на юг	4,2	2,3	Альпинизм	0,2	0,1
Отдыхать на даче у знакомых	2,7	1,7	Водный туризм	0,2	0,1
Выезды к воде (купаться)	2,7	3,1	Охота	0,2	0,1
Дом отдыха, санаторий, пансионат	1,8	1,7	Другое	0,8	0,5
Снять дачу	1,7	0,5	Пока не решили	12,8	17,4
Туристические путевки на поездки, круизы по России	1,4	1,5	Отдыхать в городе или отдыха не будет	29,8	23,4
Рыбалка	1,3	2,0	Отказ отвечать	1,3	1,3
Грибы, ягоды	1,1	2,3			

петербуржцев существенно различаются. По этому показателю относительно обеспеченные опережают бедных в 7,4 раза. В качестве дополнительной информации сообщаем, что по итогам 2011 г. к бедным среди опрошенных петербуржцев относили себя 12,1 % со среднедушевым доходом 10 610 рублей, к группе между бедными и средним классом — 23,5 % с доходом 12 711 рублей на одного человека в семье. К среднему классу относили себя 54,8 % опрошенных — среднедушевой доход 18 364 рубля. Относительно обеспеченные (6 %) имели среднедушевой доход 27 818 рублей.

В группе пенсионеров к середине 2012 г. к бедным себя относили 9,3 %, оценивали себя принадлежащими к группе между бедными и средним классом — 39,1 %, к среднему классу 41 %, к относительно состоятельным — 6,3 %, 7 % затруднились оценить свое благосостояние. При этом отметим, что денежные оценки пенсионеров в разрезе

доходных групп несколько отличаются от среднегородских. Однако, как показывает анализ, важны не столько реальные доходы, сколько самооценки, особенно для пенсионеров.

Характерно, что снижение доли тех, кто отдыхал за границей с повышением возраста не сопровождается ростом доли тех, кто не отдыхал (табл. 4).

Таблица 4

Отдых за границей петербуржцев в 2011 г. по возрастным категориям, в процентах

Возраст, лет	Да, отдыхал	Нет, не отдыхал	Дорого, но, может быть, и хотел бы	Отказ отвечать
20–29	33,5	50,7	14,9	0,8
30–39	27,8	50,2	16,8	5,1
40–49	24,3	47,2	24,9	3,6
50–59	17,4	47,2	31,3	4,2
60+	6,5	49,1	42,4	2,0

Планы на зарубежный отдых в 2011 г. оказались не сильно завышенными. Так, планировали отдохнуть за границей 24,1% от числа всего взрослого населения, а отдохнули там — 21,5%. На 2012 г. петербуржцы поставили себе более скромную планку, почти полностью соответствующую реальной доле отдохнувших за рубежом в 2011 г. (21%).

Отметим, что планы пожилых людей фактически так же, как и всего взрослого населения Петербурга, соответствуют реальному положению вещей — то есть планируют отдых за границей столько же людей этого возраста, сколько их отдохнуло предыдущим летом — 6–6,5 %.

Таблица 5

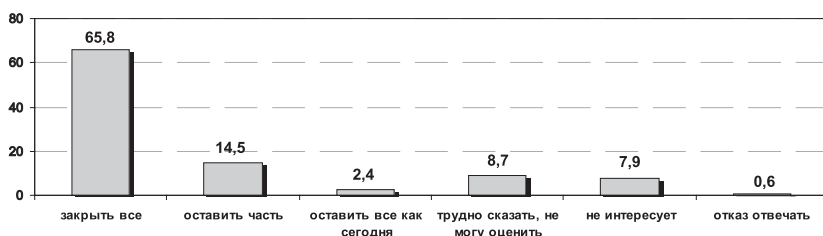
Планы отдыха за границей петербуржцев на 2012 год по возрастным категориям, в процентах

Возраст, лет	Да, собираюсь	Затруднились ответить	Нет, не получится
20–29	39,7	25,1	35,2
30–39	26,0	20,9	53,1
40–49	19,7	22,6	57,7
50–59	15,6	18,8	65,6
60+	6,0	9,0	75,0

Теперь посмотрим на такой экзотический вид проведения досуга как игорный. Об этом виде досуга пожилых людей за границей я писала в начале статьи.

В июне 2009 г. мы спрашивали пенсионеров: «Согласно принятому закону 1 июля в нашем городе будут закрыты все казино, залы игровых автоматов, играющие на деньги. Ваше мнение, в нашем городе надо действительно закрыть все заведения, в которых играют на деньги, или что-то из них оставить?»

Получено следующее распределение.

100% — все взрослое население Петербурга.

Рис. 8. Мнение взрослого населения об игорном бизнесе в Санкт-Петербурге, 2009 г.

Поскольку отношение петербуржцев к игорному бизнесу мы изучаем уже достаточно давно, то результаты июньского исследования 2009 г. оказались полностью прогнозируемыми.

Абсолютное большинство петербуржцев уже давно предлагало закрыть весь игорный бизнес. Однако полагая, что всегда следует учитывать общественное мнение при решении проблем, затрагивающих интересы населения, социологи анализируют результаты опросов и не всегда считают, что общественное мнение правильно подходит к решению той или иной проблемы. В случае с игорным бизнесом оно явно не хочет учитывать интересы меньшинства, не противоречащие интересам большинства. Из одной крайности («однорукие бандиты» на каждом перекрестке) мы шарахаемся в другую (все закрыть). По нашему мнению, это ошибочное решение.

Обратим внимание на то, что запретительные меры по отношению к игорному бизнесу поддерживают не слишком различающиеся по возрастным когортам группы — за запрет голосуют в объеме

63–69 % из каждой возрастной группы. Более значительны различия по возрастным группам в плане разрешительных мер — от примерно 22 % за разрешение игорного бизнеса в когорте до 40 лет, до 10 % среди лиц старше 60 лет. Однако надо отметить, что группа лояльных к игорному бизнесу пожилых людей достаточно устойчива, и среди них немало тех, кто сам играл и желает играть хотя бы на игорных автоматах. И это, исходя из оценки других показателей жизнедеятельности пожилых людей, немало.

Структура ценностных ориентаций пенсионеров и ее взаимосвязь с уровнем благосостояния

Рассмотрим структуру ценностных ориентаций пенсионеров и, по возможности, выясним взаимосвязь уровня благосостояния пенсионеров с образцами поведения и ценностных ориентаций.

Для выяснения того, какие проблемы сегодня больше волнуют петербуржцев, был задан вопрос: «Скажите, пожалуйста, что Вас сегодня больше волнует: проблемы Вашей семьи, нашего города или страны?»

Опрос в июне 2011 г. показал максимальную долю петербуржцев из всех предыдущих опросов (с июля 2005 г.), озабоченных в большей степени проблемами жизни своей семьи. На тот период анализируемый показатель все еще находился под влиянием процесса выхода нашей страны из финансового кризиса. К началу лета 2012 г. многим показалось, что последствия этого кризиса в определенной степени преодолены, и умонастроения значительной доли жителей нашего города снова стали занимать иные значимые проблемы (табл. 7).

Любопытно, что есть некоторое сходство между состоятельными людьми и пенсионерами в плане некоторых ценностных ориентаций и видения путей развития России. А также в отношении дихотомии «семья—государство». Обеспеченные люди в меньшей степени отмечают, что для них важнее всего проблемы семьи, точно так же смотрят на эту проблему и пенсионеры. Правда, основания для такого выбора разные. Для состоятельных людей важно знать проблемы и пути развития государства, чтобы поддерживать свое благосостояние и бизнес. Для пенсионеров основание — это идеология советского периода, когда важнее было думать о государстве, об общих целях и задачах развития общества, а о семье, личности говорить было не слишком принято («Раньше думай о Родине, а потом о себе»).

Таблица 7

Ценностные ориентации петербуржцев

Социальные группы		Ответы представителей данной (% по строке без учета отказов отвечать)			
		Больше пробле- мы семьи	Больше проблемы города или страны	В равной степени все	Трудно ска- зать и ниче- го особо не волнует
Пол	мужчины	38,6	15,8	40,0	5,3
	женщины	53,0	9,3	35,2	1,9
Возраст, лет	до 29	53,7	14,7	25,7	5,5
	30–39	49,2	8,1	39,5	3,2
	40–49	48,3	8,3	41,7	0,9
	50–59	42,8	11,7	43,7	1,8
	60 и старше	40,1	15,6	38,4	4,8
Оценка материального положения своей семьи					
Бедные		52,5	8,5	32,2	6,8
Между бедными и средним классом		49,8	8,9	38,7	2,6
Условно средний класс		46,0	13,1	37,6	2,7
Относительно обеспеченные		40,5	19,0	34,5	6,0
Трудно сказать		41,9	9,7	32,3	12,9

На вопрос: «Ваше мнение, по какому из следующих путей должна идти Россия: по пути развитых демократических стран мира; искать свой путь, принципиально отличающийся от всех; вернуться на путь социализма?» отказались отвечать (в динамике с 2005 г.) 0,1 % — 11,4 % — 3,1 % — 6,4 %.

Как только положение дел в стране стало заметно улучшаться, постепенно стал возрастать общественный запрос на путь следования развитым демократическим странам. Финансовый кризис (результаты замера в марте 2010 г.) временно затормозил развитие данной тенденции, но не качнул наши устремления к возвращению в прошлое (к социализму). По мере выхода из финансового кризиса прогнозировалось постепенное повышение доли считающих, что Россия должна идти по пути развитых демократических стран мира. Такой прогноз подтвердили результаты сентябрьского исследования 2011 г. По его итогам за путь развитых демократических стран вы-

сказалось уже 43 % петербуржцев, что явилось самым высоким ориентиром по этой позиции за последние 19 лет. Однако данный показатель не удержался на позиции 2011 г. Возможные причины таковы: продолжающиеся экономические проблемы в большинстве стран ЕС, разочарование многих результатами последних парламентских и президентских выборов. Но все это общие тенденции. Обратившись к ответам разных возрастных групп, мы обнаруживаем разнонаправленные векторы оценок (табл. 8).

Таблица 8

Представление о векторах развития России, сентябрь 2012 г.

Группы населения		Процент ответивших представителей данной группы				
		путь дем- стран	соб- ственный путь	назад в социа- лизм	другое	трудно сказать
Все петербуржцы		28,9	42,8	7,3	6,4	11,4
Пол	мужчины	25,3	44,7	7,5	7,8	11,6
	женщины	31,7	41,2	7,2	5,4	11,2
Возраст, лет	18–29	41,9	35,8	2,1	5,4	11,7
	30–39	35,9	39,6	5,3	6,5	4,9
	40–49	28,3	45,7	3,4	4,4	15,0
	50–59	19,8	49,1	7,7	9,2	12,8
	60 и старше	19,7	44,3	16,4	6,8	11,5
Оценка материального положения семьи						
Бедные		22,1	39,3	14,7	6,1	12,9
Между бедными и средним классом		24,0	44,9	9,8	6,4	12,7
Условно средний класс		31,4	44,8	4,7	6,2	9,9
Относительно обеспеченные		37,2	39,4	6,4	5,3	6,4

В плане оценки современной ситуации в России и целей развития общества и государства пенсионеры и лица предпенсионного возраста демонстрируют сильнейшие отличия от других возрастных групп, причем их воззрения вполне можно назвать ретроградными и мало связанными с их уровнем материального благосостояния. Так, только пятая часть опрошенных петербуржцев старше 50 лет хочет, чтобы Россия шла по пути развитых демократических стран, а в группе старше 60-ти уже каждый шестой хочет вернуться к социализму. И это вполне со-

ответствует картине ценностных ориентаций людей, которые относят себя к бедным. В то же время отмечу, что по уровню доходов пенсионеры находятся на уровне, значительно превышающем уровень благосостояния бедных людей и практически подходят к среднему классу.

В известной степени вышеприведенные данные подтверждаются и политическими предпочтениями пожилых петербуржцев (табл. 9).

Таблица 9

Партийные предпочтения основных социально-демографических групп избирателей Петербурга (2010–2011 гг.)

Группы избирателей (100% каждая группа)		Выбор представителей данной группы (% по строкам без учета тех, кто партийных симпатий не имеет или отказывается их назвать, или выбрал другие партии)					
		Единая Россия		Справедливая Россия		КПРФ	
		ноябрь 2010 г.	март 2011 г.	ноябрь 2010 г.	март 2011 г.	ноябрь 2010 г.	март 2011 г.
Пол	мужчины	12,3	9,1	3,7	5,5	5,7	7,1
	женщины	17,8	13,8	4,0	5,2	2,1	2,9
Возраст, лет	18–29	14,8	10,2	0,9	0,9	1,0	1,5
	30–39	14,7	13,0	1,5	1,7	1,2	1,6
	40–49	14,4	10,7	2,7	4,4	2,0	2,9
	50–59	15,5	12,2	4,4	7,5	4,1	5,1
	60 и старше	17,1	12,7	8,8	10,7	8,6	10,9
Образование	неполное среднее	18,0	11,0	5,1	7,2	9,0	12,2
	среднее общее и специальное	16,2	12,5	3,4	5,0	3,1	4,8
	высшее и незакончен- ное высшее	14,6	11,0	4,2	5,6	3,9	4,4
Оценка материального положения семьи							
Бедные		12,6	8,1	4,6	7,5	4,5	8,3
Между бедными и средним классом		17,1	12,2	5,0	7,6	4,8	6,4
Условно средний класс		15,5	12,3	3,4	4,1	2,9	3,4
Относительно обеспеченные		16,8	14,7	3,0	3,0	3,2	3,4
Трудно сказать		14,3	9,3	5,5	8,2	7,3	7,2

Таблица 9 (окончание)

Группы избирателей (100% каждая группа)		Выбор представителей данной группы (% по строкам без учета тех, кто партийных симпатий не имеет или отказывается их назвать, или выбрал другие партии)			
		ЛДПР		Яблоко	
		ноябрь 2010 г.	март 2011 г.	ноябрь 2010 г.	март 2011 г.
Пол	мужчины	2,3	3,5	1,4	0,9
	женщины	0,8	1,5	0,7	1,0
Возраст, лет	18–29	2,2	2,5	0,5	0,3
	30–39	1,3	2,2	0,6	0,6
	40–49	1,4	2,4	1,0	0,8
	50–59	1,6	3,1	1,6	1,4
	60 и старше	0,8	1,9	1,3	1,5
Образование	неполное среднее	2,0	1,7	0,0	0,0
	среднее общее и специальное	1,7	2,9	0,5	0,6
	высшее и незакон- ченное высшее	1,3	1,9	1,5	1,3
Оценка материального положения семьи					
Бедные		1,1	3,3	1,3	1,1
Между бедными и средним классом		1,1	2,3	1,0	1,0
Условно средний класс		1,7	2,2	0,9	0,9
Относительно обеспеченные		1,4	3,0	2,0	0,4
Трудно сказать		1,5	1,5	1,1	3,1

Из табл. 9 хорошо видно, что пожилые петербуржцы, особенно в возрасте старше 60 лет, уверенно демонстрируют снижение симпатий к «правящей» партии — «Единая Россия», растет доля голосующих за «Справедливую Россию» и КПРФ, что вполне закономерно соотносится с их желаниями «вернуться в социализм». Таковую приверженность к этим партиям не демонстрируют даже самые бедные слои населения города.

Посмотрим, как пожилые петербуржцы собирались голосовать и как проголосовали на выборах президента страны в марте 2012 г. (табл. 10).

Вопрос: За кого вы скорее проголосуете на выборах Президента РФ 4 марта 2012 г.?

Таблица 10

Распределение голосов на выборах 4 марта 2012 г.

Группы избирателей, твердо собирающихся идти на выборы (100% каждая группа)	Выбор представителей данной группы (% по строке без учета варианта «другое»)						
	Путин	Прохоров	Зюганов	Миронов	Жириновский	Трудно сказать	Отказ отвечать
Пол							
Мужчины	43,5	9,3	12,8	4,5	3,7	6,1	18,7
Женщины	51,7	9,1	5,1	6,8	2,9	6,7	15,6
Возраст							
18—29 лет	44,6	15,3	2,5	6,4	7,0	6,4	15,9
30—39 лет	42,7	16,1	4,0	4,8	4,0	6,5	18,5
40—49 лет	46,6	9,1	5,1	5,1	3,4	9,1	19,3
50—59 лет	48,8	10,0	8,8	7,1	1,2	7,1	14,1
60 лет и старше	53,6	2,2	15,3	5,8	1,8	4,4	16,8
*Образование							
Среднее общее и специальное	49,1	8,4	8,4	6,1	5,9	5,9	15,0
Высшее и незаконченное высшее	47,2	10,0	8,1	5,8	1,3	6,7	18,8
Оценка материального положения семьи							
Бедные	34,9	2,3	14,0	4,7	2,3	12,8	25,6
Между бедными и средним классом	52,2	7,0	9,3	9,3	1,5	5,2	14,8
Условно средний класс	47,2	12,4	7,6	5,2	4,1	6,1	15,9
Относительно обеспеченные	50,8	6,8	5,1	0,0	5,1	6,8	20,3
Все твердо собирающиеся идти на выборы	48,6	9,2	8,3	5,9	3,2	6,4	16,6

Результаты мониторинговых исследований, которые проводил СЦ «Мегаполис» во время президентской избирательной кампании в период января—февраля 2012 г., показали, что наиболее активно кандидатуру В. Путина поддерживали женщины, петербуржцы старших возрастных групп, избиратели со средним образованием и представители

наиболее обеспеченных групп населения. Первые две группы всегда проявляют наибольший уровень консерватизма, последней доходной группе есть что защищать и терять, они исходили из лозунга о стабильности, которую обеспечит президент.

Итоги исследования, проведенного за 10 дней до дня голосования, полностью подтвердили предыдущий вывод, но показали расширение зоны поддержки В. Путина среди доходных групп населения. К 20-м числам февраля 2012 г. наряду с относительно обеспеченными группами населения, Путина стали активно поддерживать и представители такой доходной группы, как «между бедными и средним классом». А как мы упоминали ранее, именно к этой группе по доходным характеристикам относятся и пожилые петербуржцы. Необходимо отметить, что пожилые петербуржцы на второе место с огромным отрывом от остальных групп в качестве возможного президента РФ ставили Г. Зюганова, а не С. Миронова. М. Прохоров, как представитель олигархического капитализма (в определении этой группы населения) получил самое меньше количество голосов — всего 2,2 % (чуть меньше — 1,8 % имел в этой группе населения только В. Жириновский).

Таким образом, можно сделать вывод о сохранении консервативно-советских политических ориентаций пожилых петербуржцев: они склонны поддерживать государственника с социалистическим уклоном (таким Путина представляют, судя по фокус-группам, представители этой группы населения) и руководителя КПРФ Г. Зюганова как идеолога социалистических ориентаций.

Заключение

В рамках изучения особенностей поведения в повседневной жизни различных групп населения нами была предпринята попытка изучения такой специфической группы как «пожилые люди». В ряде исследований эту группу мы сводили к категории «пенсионеры».

Интерес к данной группе населения был вызван тем, что именно им пришлось пройти в своей жизнедеятельности через различные этапы жизни страны, на их долю пришлось много преобразований как в сфере политики, так и в социальной сфере, что не могло не отразиться и на их повседневных практиках, и на их ценностных ориентациях.

Особое внимание к пожилым людям демонстрирует в последнее время и правительство нашей страны. Так, в конце 2012 г. обсуждению этой группы населения было посвящено специальное заседание,

которое провел премьер-министр Дмитрий Медведев. Причем на этом заседании обсуждались не только особенности материального обеспечения пенсионеров, ситуация с пенсионной реформой, но и темы, связанные с повседневной жизнью, трудовой занятостью и т. д. Действительно, эти проблемы сейчас чрезвычайно актуальны, поскольку в числе наиболее важных вопросов, которые придется решать человечеству в ближайшие годы, по мнению разного рода экспертов, будут вопросы старения населения. Именно эта проблема входит в проблемный топ-лист человечества, занимая 4–5-ю строчку наряду с глобальными экономическими проблемами.

Чтобы понять, изменилась ли жизнь пожилых людей в последние годы, нами было проведено несколько исследований, в процессе которых группа пожилых людей наблюдалась в разных аспектах их жизни, включая уровень благосостояния, образцы поведения и ценностные ориентации. Причем все показатели можно было сравнить с показателями других социальных групп.

Анализ полученных результатов (отметим, что это все-таки были не специализированные исследования по проблемам пожилых людей) позволил сделать некоторые выводы. Во-первых, большинство проблем людей пожилого возраста, которые они артикулируют сами и которые выявляют исследователи, связаны не только и не столько с материальным благосостоянием представителей этой группы. Уровень материального благосостояния пожилых петербуржцев, по данным наших исследований, не слишком отличается от среднего уровня доходов населения Петербурга. Этот уровень по разным показателям можно определить как находящийся между теми, кого сами опрашиваемые петербуржцы определяют как «между бедными и средним классом», но никак не нищие. Средний уровень душевого дохода в семьях, где были пенсионеры, осенью 2012 г. составлял около 14 200 рублей, а в семьях без пенсионеров — 17 500. Ниже прожиточного минимума жили 4 % семей без пенсионеров и 6 % — семей с пенсионерами.

Внимательное изучение представленного материала в виде статистических данных и эссеистских наблюдений-размышлений показывает, что нет прямой зависимости, выражающейся в том, что чем выше уровень жизни, тем выше оценки, самооценки и т. п. Все дело в том, что нашим нынешним пожилым людям, пенсионерам, пришлось пройти так называемую двойную адаптацию, когда, с одной стороны, они были вынуждены привыкать к особенностям жизнедеятельности и окружающей среды в определенной возрастной группе (включая прекращение

трудовой деятельности или продолжение работы в качестве пенсионера, когда к тебе демонстрируют в ряде случаев уже совсем другое отношение), а с другой — привыкать к новым экономическим, социальным и политическим условиям, которые принесла перестройка. Для многих групп пенсионеров эти временные периоды совпали.

Несмотря на то, что у значительной части пенсионеров изменились практики повседневной жизни, они по своим ориентациям остаются в прошлом и не приемлют не только то новое, что пришло к нам с изменениями в политической и экономической сферах жизни, но и то новое, что приходит в целом с мировыми глобальными изменениями в современном мире. Как справедливо отмечает В.С. Магун в своей статье «Нормативные взгляды на семью у россиян и французов»: «Заметный сдвиг в сторону новых норм супружества и родительства произошел в сознании россиян примерно на 20 лет позже, чем во Франции. В России им затронуты только поколения тех, кому на момент опроса [2004—2005 гг. — Т.П.] было меньше 40 лет. А во Франции — все, кому на момент опроса было меньше 60. Таким образом, сознание большинства поколений сегодняшних французов несет отпечаток культурного сдвига второй половины 1960-х, символом которого является революция 1968 г. Сознание же более молодых поколений сегодняшних россиян сформировалось под влиянием культурного сдвига второй половины 1980-х — начала 1990-х гг., символом которого выступает августовская революция 1991 г.»⁷ Похоже, что и формирование ценностных ориентаций и новых норм поведения в других сферах жизни, а не только в сфере родительства и супружества, идет у людей так называемого «третьего возраста» со значительным отставанием от тех процессов, которые имеют место в современных развитых странах. Но наш переход от закрытого общества к новой модели, приближающейся к европейским странам, ни в коей мере несравним с трансформацией Франции после 1968 г. Напряженное выражение не сходит с лиц пожилых россиян — они все еще «там», в далеком прошлом. Как будут проходить адаптационные процессы и встраивание пожилых людей нашей страны в современный мир, нужно проверять, опираясь на специальные достаточно широкомасштабные исследования.

⁷ Магун В.С. Нормативные взгляды на семью у россиян и французов // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: Независимый институт социальной политики, 2009. С. 161.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Л.В. ПАНОВА

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ КАК ОСНОВА МНОГОУРОВНЕВОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ¹

В статье рассматривается релевантность многоуровневого подхода в изучении проблем здоровья. В качестве методологической основы такого обоснования выступает анализ модели социальных детерминант здоровья, раскрывающей природу социальных влияний на физическое, психическое и социальное благополучие индивида. Принципиальная особенность рассмотренной модели состоит в том, что в ней учитывается иерархичность многих влияний на здоровье, начиная с социетальных факторов и заканчивая характеристиками индивидуального уровня. Данная модель состоит из трех ключевых блоков, к ним относятся социально-политический контекст, структурные детерминанты, генерирующие социальную стратификацию, и индивидуальные характеристики населения. Такой подход к пониманию влияния на здоровье факторов, формирующихся на различных уровнях организации общества, предусматривает использование многоуровневой методологии. Возможности широкого применения многоуровневых исследовательских дизайнов показывают значительную перспективность такого подхода в исследовании детерминант здоровья.

Ключевые слова: социальные детерминанты здоровья, структура многоуровневого подхода к исследованию здоровья, контекстуальные и индивидуальные факторы, влияния неравенства доходов, социального капитала, места жительства на здоровье.

Введение

Начиная со второй половины XX в. в сфере исследования здоровья доминировал методологический, концептуальный и политический индивидуализм, особенно характерный для развитых

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 11-06-00317а.

стран². Этому подходу в значительной мере способствовала теория эпидемиологического перехода, которая подчеркивала, что роль хронических заболеваний в большей степени зависит от выбора индивидуального стиля жизни (курение, алкоголь, физическая активность), чем от структурных и инвайроментальных условий.

Заметным продвижением в области изучения общественного здоровья с начала 1990-х гг. стало понимание того явления, что не все причины заболеваний можно объяснить индивидуальными характеристиками людей. В своих истоках общественное здоровье, как указывают многие авторы, было по существу экологическим, т. е. связывающим окружающую среду и характеристики места проживания со здоровьем³. В работах, посвященных истории общественного здоровья, отмечается, что в первых же публикациях присутствовал данный подход, связывающий инвайроментальные характеристики с показателями инфекционных заболеваний⁴. Но нарастание в индустриальных странах неинфекционных заболеваний (сердечных, онкологических болезней, диабета), вызвало перемещение факторов риска от инвайроментальных переменных к параметрам индивидуального уровня, таким как поведенческие и биологические характеристики, поскольку им приписывалась ответственность в возникновении хронических болезней⁵. Такое понимание здоровья, формирующегося главным образом за счет свойств индивида, препятствовало изучению влияния макро- или групповых переменных, складывающихся на различных уровнях общества и влияющих на общественное здоровье. Дальнейшие исследования показали недостаточность объяснения только факторами индивидуального характера распространенности неинфекционных заболеваний, что позволило многим специалистам пересмотреть роль окружающей

² *McKinlay J.* A tale of three tails // *American Journal of Public Health.* 1999. Vol. 89 (3). P. 295–298; *Mechanic D.* Social research in health and the American sociopolitical context: the changing fortunes of medical sociology // *Social Science & Medicine.* 1993. Vol. 36 (2). P. 95–102.

³ *Diez Roux A.* The Study of Group-Level Factors in Epidemiology: Rethinking Variables, Study Designs, and Analytical Approaches // *Epidemiology Review.* 2004. Vol. 26. P. 104–111; *Frohlich K., Corin E., Potvin L.* A theoretical proposal for the relationship between context and disease // *Sociology of Health & Illness.* 2001. Vol. 23 (6). P. 776–797.

⁴ *Rosen G.* The History of Public Health. Maryland: Johns Hopkins University Press, 1993.

⁵ *Susser M., Susser E.* Choosing a future for epidemiology: eras and paradigms // *American Journal Public Health.* 1996. Vol. 86 (7). P. 668–673; *Pearce N.* Traditional epidemiology, modern epidemiology, and public health // *American Journal Public Health.* 1996. Vol. 86 (7). P. 678–683.

среды или значимость контекстуальных переменных в статусе здоровья⁶. Можно отметить, что произошло переакцентирование внимания с индивидуальных факторов риска и индивидуальной ответственности за здоровье на детерминанты, формируемые обществом.

Сегодня плохое состояние здоровья рассматривается как следствие неудовлетворительных социальных стратегий и программ, несправедливых экономических механизмов, а также негативных последствий политики в других областях, касающихся здоровья⁷. Причины различий в состоянии здоровья населения включают неравные условия жизни в раннем детстве, различные возможности получения образования, объем социального обеспечения и доступ к здравоохранению, уровень доходов, места и условия проживания индивидов, а также нормы и ценности общества. Все эти факторы на уровне общества рассматриваются как социальные детерминанты здоровья⁸.

Совместное изучение социетальных факторов с переменными индивидуального уровня в исследовании общественного здоровья постепенно привело к созданию многоуровневых моделей социальных детерминант здоровья, которые являются основой нынешнего понимания здоровья.

Модели социальных детерминант здоровья

Формирование концепции социальных детерминант здоровья прежде всего опирается на три основные теории: самостоятельные, но не исключающие друг друга. К их числу относятся: общественное производство здоровья или политическая экономия здоровья, психосоциальные подходы, а также экосоциальные теории и связанные с ними многоуровневые методологии. Эти теории отличаются различными подходами в объяснении социальных и биологических обстоятельств при формировании здоровья населения, главная их особенность

⁶ *Diez-Roux A.* Bringing context back into epidemiology: variables and fallacies in multilevel analysis // *American Journal of Public Health.* 1998. Vol. 88 (2). P. 216–222; *Macintyre S., Ellaway A., Cummins S.* Place effects on health: how can we conceptualize, operationalize and measure them? // *Social Science & Medicine.* 2002. Vol. 55. P. 125–139.

⁷ Предварительный второй доклад о социальных детерминантах здоровья и различиях в состоянии здоровья населения Европейского региона. ВОЗ, Европейское региональное бюро (2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0020/150095/RC61_rInfDoc5.pdf. Дата обращения: 01.08.2013.

⁸ *Tarlov A.* Social determinants of health: the sociobiological translation // *Blane D., Brunner E., Wilkinson R. (Eds.). Health and social organization.* London: Routledge, 1996. P. 71–93.

заключается в том, что они стремятся показать основные механизмы влияния социальных условий на индивидуальный статус здоровья и подчеркивают, что детерминанты здоровья взаимосвязаны и сложным образом переплетены между собой.

В рамках теории общественного производства болезни (политическая экономия здоровья) непосредственно рассматриваются экономические составляющие общества и, прежде всего, влияние общественного богатства и его распределения на здоровье населения. Закономерность состоит в том, что чем больших экономических успехов достигает общество, чем выше размер национального продукта, приходящегося на душу населения, тем более благоприятна ситуация со здоровьем населения⁹. Было отмечено также, что при достижении определенного уровня экономического богатства общества дальнейшее повышение доходов обеспечивает меньший прирост здоровья — более важную роль начинают играть уже не абсолютные, а относительные экономические показатели, фиксирующие характер распределения доходов среди населения. Влияние неравенства доходов на здоровье отражает как отсутствие ресурсов у некоторых индивидов, так и систематическую недостаточность инвестиций в общественную инфраструктуру¹⁰. Таким образом, неравное распределение доходов само по себе является лишь одним из проявлений материальных условий, влияющих на здоровье населения¹¹.

Психологические теории акцентируют внимание на восприятии людьми их личного статуса в неравном обществе, что приводит к возникновению стрессов, и как следствие к плохому здоровью. Эта школа ведет свою историю с классического исследования Дж. Касселя¹², в котором он утверждал, что стресс изменяет восприимчивость индивида к социальной среде, а это ведет к усилению нейроэндокринной

⁹ *Preston S.* The Changing Relation Between Mortality and Level of Economic Development // *Population Studies*. 1975. Vol. 29 (2). P. 231–248.

¹⁰ *Lynch J., Kaplan G., Pamuk E., Cohen R., Heck K., Balfour L., Yen I.* Income inequality and mortality in metropolitan areas of the United States // *American Journal of Public Health*. 1998. Vol. 88 (7). P. 1074–1080; *Smith G., Egger M.* Commentary: understanding it all-health, meta-theories, and mortality trends // *British Medical Journal*. 1996. Vol. 313 (70, 72). P. 1584–1585.

¹¹ *Kaplan G., Pamuk E., Lynch J., Cohen R., Balfour J.* Inequality in income and mortality in the United States: analysis of mortality and potential pathways // *British Medical Journal*. 1996. Vol. 312. P. 999–1003; *Marmot M.* The influence of income on health: views of an epidemiologist // *Health Affairs*. 2002. Vol. 21 (2). P. 31–46.

¹² *Cassel J.* The contribution of the Social environment to host resistance // *American Journal of Epidemiology*. 1976. Vol. 104 (2). P. 107–123.

функции таким образом, что увеличивает уязвимость организма к болезням. Р. Вилкисон, относящийся к более поздним исследователям, попытался связать стрессы и угрозу индивидуальному здоровью через возможности восприятия своего места в социальной иерархии¹³. Такой подход, подтвержденный эмпирическими исследованиями, состоит в том, что различия статуса ослабляют социальную сплоченность, при этом распад общественных связей негативно влияет на здоровье¹⁴.

В последнее время все более широкое распространение получил экосоциальный подход, особенно активно развиваемый Н. Крюгер. В соответствии с ее позицией, эта теория стремится объяснить детерминанты здоровья индивидов влиянием места человека в социальной иерархии и воздействием социально-экономического и политического контекста со всеми его составляющими¹⁵. Концептуальные рамки этого подхода подразумевают выявление разных аспектов здоровья, предполагают понимание материальных и социальных условий жизни человека и включают знания индивидуальных и общественных механизмов его жизнедеятельности. При этом кумулятивное взаимодействие незащищенности, чувствительности и устойчивости относительно каждого фактора здоровья зависит от концептуализации его и на индивидуальном, и на контекстуальном уровне. Экологический уровень может включать территорию непосредственной жизнедеятельности человека, региона обитания, наконец, страны, и помимо этого представлять ряд доменов: например, таких, как домашняя среда, место работы и учебы. Индивидуальное здоровье может значительно различаться в зависимости от соответствующих экологических ниш¹⁶. Именно потому, что в этом подходе исследуются детерминанты, формирующиеся на разных уровнях (от рисков, угрожающих здоровью человека на индивидуальном уровне, до ситуации, сложившейся в обществе с различными экономическими возможностями и общественным порядком), необходимо использовать многоуровневую методологию.

¹³ *Wilkinson R.* The impact of inequality: how to make sick societies healthier. New York, London: The New Press, 2005.

¹⁴ *Social Capital and Health / Ichiro Kawachi, S. V. Subramanian, and Daniel Kim (Eds.).* New York: Springer Publishing Company, 2007; *Smith K., Kirsten P., Nicholas A.* Christakis. *Social Networks and Health // Annual Review of Sociology.* 2008. Vol. 34. P. 405–429.

¹⁵ *Krieger N.* Embodiment: a conceptual glossary for epidemiology // *Journal of Epidemiology Community Health.* 2005. Vol. 59 (5). P. 350–355.

¹⁶ *Krieger N.* Theories for social epidemiology in the 21st century: an ecosocial perspective // *International Journal of Epidemiology.* 2001. Vol. 30 (4). P. 668–677; *Krieger N.* A glossary for social epidemiology // *Epidemiology Bulletin.* 2002. Vol. 23 (1). P. 7–11.

Концептуальные рамки социальных детерминант здоровья начали оформляться в работах зарубежных исследователей в 70-х и ранних 80-х гг. прошлого века, и, как показывает анализ научной литературы, авторы в своих работах исходили из разных теоретических положений. Так, в одной из самых первых моделей основные факторы охватывали широкий круг социальных условий, влияющих через общественные и поселенческие сети на индивидуальные факторы здоровья¹⁷. Среди других концептов социальных детерминант следует отметить модель, которая связывает социальную структуру со здоровьем и болезнью посредством материальных, психологических и поведенческих воздействий и механизмов, в ней подчеркивается также важность особенностей культурной среды для здоровья¹⁸. Совмещение психосоциального подхода и анализа материальных условий жизни составило концептуальную основу исследования, известного как *Acheson report*¹⁹, посвященного изучению социальных неравенств в здоровье населения Англии.

Но наибольшее признание получила модель Ф. Дидирхенса, предложенная им совместно с его коллегами, которая позволяет исследовать воздействие социального положения индивидов и социального контекста на здоровье²⁰. Именно она составила основу концептуальной модели, разработанной Комиссией по социальным детерминантам здоровья Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в 2008 г.²¹

Принципиальная особенность предложенной модели состоит в том, что в ней учитывается иерархичность многих влияний на здоровье, начиная с социетальных факторов, включающих социально-экономические, политические и культурные особенности данного общества, через групповые переменные, отражающие особенности сложившейся

¹⁷ Dahlgren G., Whitehead M. Policies and strategies to promote equity in health. Copenhagen, WHO Regional Office for Europe (1992) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://whqlibdoc.who.int/euro/-1993/EUR_ICP_RPD414\(2\).pdf](http://whqlibdoc.who.int/euro/-1993/EUR_ICP_RPD414(2).pdf). Дата обращения: 01.08.2013.

¹⁸ Brunner E., Marmot M. Social organization, stress, and health. In: social determinant of health / Ed. M. Marmot and R. Wilkinson. New York: Oxford University Press, 1999. P. 17–43.

¹⁹ Acheson Report. The Inquiry into inequalities in health implications for London (1999) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.lho.org.uk/Download/Public/7969/1/acheson4_3.pdf. Дата обращения: 01.08.2013.

²⁰ Diderichsen F., Evans T., Whitehead M. The Social Basis of Disparities in Health / Ed. by Whitehead M., Evans T., Diderichsen F., Bhuiya A., Wirth M. Challenging Inequities in Health: From Ethics to Action. New York: Oxford University Press, 2001. P. 13–23.

²¹ Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. Final report of the Commission on Social Determinants of Health World Health Organization (Geneva, 2008) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.searo.who.int/LinkFiles/SDH_SDH_FinalReport.pdf. Дата обращения: 01.08.2013.

социальной структуры, до композиционного состава населения, включающего характеристики индивидуального уровня. Таким образом, данная модель состоит из трех ключевых блоков, к которым относятся социально-политический контекст, состоящий из политических институтов и экономических процессов; структурные детерминанты, генерирующие социальную стратификацию; и индивидуальные характеристики населения, включающие материальные стандарты, психосоциальные обстоятельства жизни и поведенческие факторы.

Именно эту модель социальных детерминант здоровья широко использует ВОЗ для изучения различий в состоянии здоровья населения Европейского региона²².

Первый блок модели включает социальный контекст, значимый для здоровья. В самом общем виде он определяется как преднамеренно широкий термин, включающий значительный набор тех общественных факторов, которые не могут быть прямо измерены на индивидуальном уровне. Эти переменные отражают множество экономических, культурных аспектов социальной системы, которые не только сопровождаются прямым воздействием на здоровье, но и приводят в действие мощные системообразующие влияния на паттерны социальной стратификации, и таким образом на обстоятельства, связанные со здоровьем людей. Внутри контекста, в определенном смысле, находятся те социальные и политические механизмы, которые порождают, придают форму и поддерживают элементы социальной иерархии, например, рынок труда, система образования, политические институты, такой многокомпонентный феномен, как государство всеобщего благосостояния. Особенно велика роль государственной политики в поддержании здоровья населения. В ряде работ представлены результаты исследований, которые показывают, что качество многих социальных детерминант здоровья обусловлено тем, какая модель государства всеобщего благосостояния реализуется в практической деятельности политических институтов²³.

²² Европейский обзор социальных детерминант и различий по показателям здоровья. ВОЗ, Европейское региональное бюро (2010) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0017/124460/e94370R.pdf. Дата обращения: 01.08.2013; Предварительный второй доклад о социальных детерминантах здоровья и различиях в состоянии здоровья населения Европейского региона. ВОЗ, Европейское региональное бюро (2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0020/150095/RC61_rInfDoc5.pdf. Дата обращения: 01.08.2013.

²³ Esping-Andersen G. Why we need a new Welfare State. Oxford University, 2002; Navarro V., Shi L. The Political context of Social Inequalities and Health International // Journal of Health Services. 2001. Vol. 31. P. 1–21.

Некоторые аналитики подчеркивают, что политические решения воздействуют на широкий круг факторов, влияющих на распределение социальных детерминант здоровья по группам населения²⁴. Политика выбора отражается в способах реализации социальной защиты, в доступности социальных услуг и других ресурсов населению²⁵. В частности, организация здравоохранения в стране, безусловно, является прямым следствием политических решений правительства.

Понимание контекста в общепринятой и наиболее распространенной концепции социальных детерминант может включать в себя ряд следующих основных структурных элементов. Прежде всего, в контекст входит государственное управление в широком смысле: процессы распределения, определяющие уровень потребностей, паттерны различий в жизненных стандартах, участие гражданского общества в государственной политике, прозрачность политических решений и их исполнения. Политика в области денежных ресурсов (в том числе финансовый, денежный, платежный баланс) и основные структуры рынка труда входят в макроэкономическую составляющую жизни общества. Государственная политика в других значимых областях (образовании, здравоохранении и социальной политике, включающей такие факторы, как социальное обеспечение, распределение жилья) является структурным элементом общего контекста. Наконец, социальные и культурные ценности, в рамках которых здоровье рассматривается как коллективный ресурс, также относятся к области контекстуальных переменных²⁶.

Чтобы понять, насколько данные сферы политики полезны для здоровья, весьма важно оценить социальную значимость благополучия и здоровья населения в каждом обществе. Социальная ценность здоровья является важным, но, по мнению многих авторов, часто игнорирующимся аспектом контекста, с учетом которого и должна развиваться

²⁴ *Raphael D.* Social determinants of health: present status, unanswered questions, and future directions // *International Journal of Health Services*. 2006. Vol. 36 (4). P. 651–677.

²⁵ *Raphael D., Bryant T.* Maintaining population health in a period of welfare state decline: political economy as the missing dimension in health promotion theory and practice // *International Union for Health Promotion and Education*. 2006. Vol. 13 (4). P. 236–242.

²⁶ *Grady M., Goldblatt P.* Addressing the social determinants of health: the urban dimension and the role of local government (2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0003/145686/HCP_Liege_09-docDem_government.pdf. Дата обращения: 01.08.2013.

политика не только в области здравоохранения, но во всех сферах, касающихся благополучия населения²⁷.

Для того чтобы оценить, какое внимание уделяется здоровью в данном обществе, важно ответить на следующие вопросы: в какой степени здоровье является одним из приоритетных направлений в государственной и социальной политике, и как это отражено в национальных ресурсах, выделяемых на здравоохранение. Насколько общество создает такие условия, при которых предполагается коллективная ответственность за финансирование и организацию предоставления медицинских услуг. В условиях максимального коллективизма предполагается государственная модель здравоохранения, в которой система медицинских услуг почти всецело связана с бесплатной помощью. В то же время в странах, где преобладает индивидуалистический подход, плохое здоровье и предоставление медицинской помощи рассматриваются как частное дело. Считается, что распределительная политика достигает цели только в том случае, когда общество гарантирует равный доступ к медицинским услугам для всех в случае необходимости.

Вторым элементом общей концепции детерминант здоровья является социальная структура населения, какими бы индикаторами она ни измерялась. Эта структура образует и закрепляет социальное расслоение в обществе и, следовательно, определяет статус здоровья различных групп в зависимости от их размещения в иерархии власти, престижа и доступа к ресурсам различного вида.

В каждом обществе материальные, властные и другие ресурсы распределены неравномерно, и это неравенство, как известно, может быть представлено в виде системы социальной стратификации. Люди достигают различных позиций в социальной иерархии в соответствии с их профессиональным статусом, уровнем образования и уровнем дохода. Не останавливаясь на подробном анализе структурных детерминант, генерирующих социальную стратификацию, отметим те основные переменные, которые используются в практическом измерении социально-экономического положения индивидов. Они включают, прежде всего, такие традиционные факторы, как доход, образование, профессиональная принадлежность, гендер.

²⁷ Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004; Subramanian S., Belli P., Kawachi I. The Macroeconomic Determinants of Health // Annual Review of Public Health. 2002. Vol. 23. P. 287–302; Suhrcke M., McKee M., Arce R., Tsova S., Mortensen J. Investment in Health Could Be Good for Europe's Economies // British Medical Journal. 2006. Vol. 333 (75–76). P. 1017–1019.

Доход служит индикатором социально-экономического положения и самым непосредственным образом измеряет компоненты материальных ресурсов. Как и другие показатели, такой например, как образование, доход оказывает прямое влияние на здоровье, и может оказывать воздействие на широкий спектр материальных обстоятельств, влекущих прямые последствия для здоровья²⁸. Механизмы, посредством которых доход может влиять на здоровье, хорошо известны. К ним относятся доступ к приобретению материальных ресурсов лучшего качества, таких как питание и жилье; обеспечение доступа к услугам, которые могут улучшить здоровье напрямую (в частности, путем получения лучших медицинских услуг, возможности полезного для здоровья досуга) или косвенно (например, через повышение уровня образования). Доход в целом можно представить как обобщающий индикатор доступа к редким материальным ресурсам или стандартам жизни. Улучшение стандартов жизни оказывает прямое влияние на повышение статуса здоровья согласно основным положениям теории социального производства здоровья²⁹. Но и психосоциальные объяснения акцентируют внимание на увеличении стрессовых нагрузок при росте неравенства в доступности ресурсов различного вида. Поляризация социально-структурных позиций сопровождается усилением процессов социального сравнения, а осознание своей ущербности, ненужности, беспомощности оказывает большее влияние на здоровье индивидов, находящихся в нижних слоях социальной иерархии. Ухудшение жизненных стандартов является источником негативных эмоций, стрессов, оказывающих на здоровье как непосредственное воздействие, так и опосредованное — через деструктивные в отношении здоровья поведенческие практики³⁰.

Образование является столь же часто используемым индикатором в качестве меры социально-экономического положения, как и доход. Образовательный уровень служит решающим фактором будущего трудоустройства и получения дохода, отражает материальные, интеллектуальные и другие ресурсы индивида. Те знания и навыки,

²⁸ *Kunst A., Mackenbach J.* Measuring socioeconomic inequalities in health. Copenhagen: World health organization regional office for Europe, 1994.

²⁹ *Galobardes B., Shaw M., Lawlor D., Lynch G., Smith G.* Indicators of socioeconomic position (part 1) // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2006. Vol. 60. P. 7–12; *Lynch J., Smith G., Harper S., Hillemeier M., Rose N., Kaplan G., Wolfson M.* Is Income Inequality a Determinant of Population Health? A Systematic Review // *The Milbank Quarterly*. 2004. Vol. 82 (1). P. 5–99.

³⁰ *Wilkinson R., Pickett K.* Income Inequality and Population Health: A Review and Exploration of Evidence // *Social Science and Medicine*. 2006. Vol. 62 (7). P. 1768–1784.

которые достигаются через образование, могут влиять на когнитивные функции человека, повышать уровень способности к восприятию новых знаний в области здоровья и санитарного просвещения, здорового образа жизни. Как правило, широкий круг общения у лиц, имеющих более высокий уровень образования, дает им возможность получения полной информации об адекватном медицинском обслуживании и доступа к лучшим специалистам и клиникам³¹.

Многие аналитики в своих исследованиях в качестве структурных детерминант используют показатель профессии³², поскольку этот индикатор также может рассматриваться как отражение социально-экономического положения индивида. По мнению этих исследователей (ссылающихся на М. Вебера) именно этот сложный в измерении индикатор характеризует место человека в обществе, связанное с его социальным положением, размером дохода и уровнем квалификации³³. Можно отметить, что среди самых известных измерений профессионального статуса выделяется Британский регистр социального (профессионального) класса, разработанный в 1913 г. Модель имеет пять категорий, основанных на ранжировании профессий в соответствии с уровнем квалификации. Многочисленные работы, начиная с широко известной публикации *Black Report*, в которой были обобщены результаты исследования неравенств в здоровье британских граждан, показывали, что профессия является важным маркером индивидуального здоровья³⁴.

Гендер, как известно, является социальной характеристикой и включает в себя культурно связанные конвенции, договоренности, роли и модели поведения, формирующие отношения между женщинами и мужчинами³⁵. Многие исследования подтверждают, что более длительная по

³¹ Mackenbach J., Kunst A. Measuring the Magnitude of Socio-Economic Inequalities in Health: An Overview of Available Measures Illustrated with Two Examples from Europe // *Social Science and Medicine*. 1997. Vol. 44 (6). P. 757–771.

³² Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009; Kunst A., Mackenbach J. Measuring socioeconomic inequalities in health.

³³ Galobardes B., Shaw M., Lawlor D., Lynch G., Smith G. Indicators of socioeconomic position (part 1).

³⁴ Townsend P., Davidson N. The Black Report. In *Inequalities in Health*, eds P. Townsend, N. Davidson and M. Whitehead. Penguin Books, London, 1988; Krieger N., Williams D., Moss N. Measuring Social Class // *Annual Review of Public Health*. 1997. Vol. 18. P. 341–378.

³⁵ Gender Perspectives Improve Reproductive Health Outcomes: new evidence. USAID Bureau for Global Health (2009) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.igwg.org/igwg_media/genderperspectives.pdf. Дата обращения: 01.08.2013.

сравнению с мужчинами продолжительность жизни у женщин сопровождается большей уязвимостью к хроническим, длительным заболеваниям, и это определено возложенным на них бременем гендерной социальной иерархии³⁶. Пониженный статус их здоровья объясняется неравным положением в обществе, ограниченностью доступа к материальным и социальным ресурсам, формирующим здоровье, а также большими психоэмоциональными нагрузками, связанными с выполнением социальных ролей³⁷.

В целом, рассматривая соотношение социально-политического контекста и структурных детерминант здоровья, следует еще раз подчеркнуть наличие тесной связи между этими основными составляющими модели социальных детерминант здоровья. Во всех обществах структурные детерминанты, определяющие социально-экономическое положение индивида, представляют собой характеристики, сформировавшиеся в конкретных политических и исторических условиях. Это означает, что нельзя изучать влияние структурных факторов на здоровье, если не учитываются контекстуальные аспекты. Как известно, основные составляющие контекста включают в себя макроэкономическое регулирование, социальную политику и государственную политику в других сферах жизни общества. Контекстуальные переменные, в частности макроэкономическая политика и социальная защита, выступают обычно в качестве буфера, оказывающего позитивное влияние на благополучие и здоровье определенных социальных групп населения. В то же время, как указывают О. Солар и А. Ирвинг, «контекст является частью происхождения и поддержания заданного распределения власти, престижа и доступа к материальным ресурсам в обществе и, таким образом, в конце концов создает паттерны социальной стратификации, существующей в обществе»³⁸. А это значит, что изменение структурных детерминант здоровья возможно через це-

³⁶ *Walters V., McDonough P., Strohschein L.* The influence of work, household structure, and social, personal and material resources on gender differences in health: an analysis of the 1994 Canadian National Population Health Survey // *Social Science & Medicine*. 2002. Vol. 54. P. 677–692; *Lahelma E., Arber S., Kivela K., Roos E.* Multiple roles and health among British and Finnish women: the influence of socioeconomic circumstances // *Social Science & Medicine*. 2002. Vol. 54. P. 727–740; *Браун Дж. В., Панова Л.В., Русинова Н.Л.* Гендерные неравенства в здоровье // *Социологические исследования*. 2007. № 6. С. 114–122.

³⁷ *Doyal L.* Gender equity in health: debates and dilemmas. *Social Science & Medicine*. 2000. Vol. 51 (7). P. 931–939.

³⁸ *Solar O., Irwin A.* A conceptual framework for action on the social determinants of health. Geneva: Commission on Social Determinants of Health, World Health Organization

ленаправленное воздействие на контекстуальные параметры, в частности, путем изменения приоритетов в политике.

Категория индивидуальных детерминант составляет третий элемент модели. Именно они оказывают непосредственное влияние на благополучие людей и выступают в качестве медиатора между контекстуальными факторами и здоровьем индивидов³⁹. Источником формирования этих элементов механизма является конфигурация базового социального расслоения в обществе, и именно она определяет различия в воздействии на здоровье и уязвимость к различным условиям жизни. Основные категории, входящие в этот раздел концептуальной модели, составляют материальные условия жизни, психосоциальные обстоятельства, поведение, наносящее ущерб здоровью, и ресурсы социального капитала.

Очень кратко рассмотрим основные элементы механизма, с помощью которого социально-экономическое положение влияет на здоровье. Различия в стандартах материальной жизни являются наиболее важными факторами этой группы и включают объем денежных ресурсов, необходимых для покупки здорового питания, теплой одежды и т. д. Характеристики жилья также считаются важными измерителями социально-экономических обстоятельств⁴⁰. Такие качества городской квартиры или сельского дома, как комфортабельность жилья (или же сырость и холод в помещении) оказывают непосредственное влияние на здоровье. Не менее важной является и насыщенность жилья предметами внешней среды. Эти бытовые удобства, являясь маркерами материального положения, могут быть связаны с конкретным механизмом болезни. Например, отсутствие проточной воды часто приводит к повышенным рискам инфекции. Косвенные эффекты могут быть связаны с местоположением жилья, внешним видом улиц, содержанием в порядке местных рекреаций, т. е. с тем, что называется местом жизнедеятельности, все это называется на восприятии жителями своей среды обитания, и тем самым задействует психосоциальный механизм воздействия на здоровье.

В качестве социально-психологических факторов в рассматриваемой модели детерминант обычно анализируются стрессовые ситуации

(2007. P. 32) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.who.int/entity/social_determinants/resources/csdh_framework_action_05_07.pdf. Дата обращения: 01.08.2013.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ *Singh-Manoux A., Clarke P., Marmot M.* Multiple measure of socioeconomic position and psychosocial health: proximal and distal measures // *International Journal of Epidemiology*. 2002. Vol. 31. P. 1192–1199.

разного происхождения и личностные социально-психологические ресурсы — выраженность индивидуальной ответственности за здоровье, мера оптимистичности в оценке жизненных перспектив и др. Это могут быть так называемые стрессовые события жизни — детские травмы, экстремальные жизненные ситуации, стрессовые ситуации в течение последнего года и хронические стрессоры (такие как отношения в семье, круг общения, проведение свободного времени, состояние здоровья членов семьи). Стресс может быть каузальным фактором и вызвать непосредственно многие формы болезни, длительный стресс может являться причиной, предшествующей многим соматическим заболеваниям. Социально-экономическое положение человека само по себе может быть источником длительного стресса. Во-первых, большинство людей, находящихся на нижней части социальной иерархии, особенно страдают от психосоциального стресса, связанного с социальной изоляцией, отсутствием уважения к себе и более или менее скрытого презрения от окружающих людей. Во-вторых, имеются существенные социальные различия в распространенности хронических стрессоров, связанных с различными доменами жизненных обстоятельств: в частности, с неопределенностью в отношении финансового положения, с неустойчивостью на рынке труда. Обездоленные люди испытывают большую нестабильность, неопределенность и стрессовые события в жизни, что, безусловно, влияет на их здоровье⁴¹.

Рассматривая категорию личностных социально-психологических ресурсов, многие исследователи подтверждают, что эти переменные оказывают существенное влияние на психическое самочувствие и на статус здоровья, особенно низкостатусных групп⁴². Как отмечают аналитики, чем ниже статус, тем меньший контроль люди могут установить над собственной жизнью, и тем меньше у них возможностей социальной включенности в то, что общество может предложить.

⁴¹ *Wilkinson R.* The impact of inequality: how to make sick societies healthier. New York, London: The New Press, 2005; *Wilkinson R., Pickett K.* The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. London: Penguin, 2009.

⁴² *Abbott P., Wallace C.* Talking About Health and Well-Being in Post-Soviet Ukraine and Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2007. Vol. 23 (2). P. 181–202; *Gilmore A., Rose R., McKee M.* Determinants of and inequalities in self-perceived health in Ukraine // *Social Science & Medicine*. 2002. Vol. 55. P. 2177–2188; *Pikhart H., Bobak M., Rose R., Marmot M.* Household item ownership and self-rated health: material and psychosocial explanations // *British Medical Journal of Public Health*. 2003. Vol. 3. P. 3–38; *Siegrist J., Marmot M.* Health inequalities and the psychosocial environment — two scientific challenges // *Social Science & Medicine*. 2004. Vol. 58. P. 1463–1473.

Контроль и социальное участие — это базовые человеческие потребности, и если они не удовлетворяются, страдает здоровье⁴³.

Поведение, наносящее ущерб здоровью, также относится к третьему элементу общей концепции социальных детерминант здоровья, оно включает курение, потребление алкоголя, нерациональный и неполноценный режим питания. Анализируя тенденции здоровья в Европейском регионе, исследователи указывают, что большая часть различий в смертности между восточными и западными странами региона, а также между низшей и высшей социально-экономическими группами внутри стран объясняется главным образом сердечно-сосудистыми заболеваниями, основной причиной которых и являются нездоровые типы поведения⁴⁴. Курение в течение длительного ряда лет, высокий уровень потребления алкоголя и неправильное питание являются широко распространенными явлениями в странах Центральной и Восточной Европы. В России, по данным ВОЗ в 1990 г., около 30 % всех смертей среди мужчин и около 4 % всех смертей среди женщин были связаны с табаком⁴⁵. Учитывая отсутствие какого-либо снижения числа курящих среди мужчин, и их увеличение среди женщин, этот фактор риска будет становиться причиной смертности, по-видимому, еще чаще. Что же касается социальных различий распространенности курения, то во всех странах этого региона, в том числе и в России, наблюдается обратный социальный градиент — более высокая распространенность курения имеет место среди людей с более низким социальным статусом, эта тенденция особенно выражена среди мужчин⁴⁶.

Бесспорно, злоупотребление алкоголем является серьезным поведенческим риском для здоровья, с ним связана высокая смертность в Центральной и Восточной Европе, как и во многих странах западной части Европейского региона. Применительно к России злоупотребление алкоголем несет особую опасность в силу его высокой распространенности, так же как и множественности последствий для здоровья. По данным

⁴³ *Marmot M., Bobak M.* Social and economic changes and health in Europe East and West // *European Review*. 2005. Vol. 13 (1). P. 15–31.

⁴⁴ Предварительный второй доклад о социальных детерминантах здоровья и различиях в состоянии здоровья населения Европейского региона.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Bobak M., Gilmore A., McKee M., Rose R., Marmot M.* Changes in smoking prevalence in Russia, 1996–2004 // *Tobacco Control*. 2006. Vol. 15 (2). P. 131–135; *Русинова Н.Л., Озерова О.В., Сафронов В.В.* Социальные различия в здоровье и приверженности курению и алкоголю в России: тенденции 1994–2009 гг. // *Петербургская социология сегодня: Сборник научных трудов Социологического института РАН*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 35–127.

Международного банка реконструкции и развития, от одной четверти до одной трети всех смертей взрослых мужчин могут быть непосредственно связаны со злоупотреблением алкоголем⁴⁷. Как отмечают эксперты ВОЗ, характер социального распределения уровней потребления алкоголя в странах Европы не закономерен⁴⁸. Только в Финляндии и Швеции исследователи установили, что потребление алкоголя является одной из причин социального градиента смертности среди мужчин, но его роль в других странах не совсем ясна⁴⁹.

Как и в случае других вредных для здоровья видов поведения, связь между социальным статусом и ожирением зависит от того, на каком этапе изменений в структуре питания находится то или иное общество⁵⁰. Как известно из литературы, первоначально ожирение было наиболее распространено среди богатых и образованных людей, потому что они первыми принимают новый образ жизни, и могли позволить себе перейти на более дорогой рацион питания с высоким содержанием животного жира. Однако, как это наблюдается в странах с высоким и даже средним уровнем доходов, социальный градиент распространенности ожирения изменяется в связи с ростом доступности высококалорийных, но бедных питательными веществами продуктов, и со временем ожирение начинает ассоциироваться с бедностью и низким социальным статусом⁵¹. В период 1980–1990 гг. образовательный градиент распространенности ожирения среди мужчин в странах центральной и восточной Европы был аналогичен таковому в странах с низкими доходами, однако к середине 2000-х гг. этот индикатор стал таким же, как и в странах с высокими доходами⁵².

⁴⁷ Рано умирать. Проблемы высокого уровня заболеваемости и преждевременной смертности от неинфекционных заболеваний и травм в Российской Федерации и пути их решения. М.: Алекс, 2006.

⁴⁸ Предварительный второй доклад о социальных детерминантах здоровья и различиях в состоянии здоровья населения Европейского региона.

⁴⁹ *Hemstrom O.* Alcohol-related deaths contribute to socioeconomic differentials in mortality in Sweden // *European Journal of Public Health*. 2002. Vol. 12. P. 254–262; *Makela P.* Alcohol-related mortality as a function of socio-economic status // *Addiction*. 1999. Vol. 94 (6). P. 867–886.

⁵⁰ *Seidell J.* The nutrition transition and obesity in the developing world // *Seminars in Vascular Medicine*. 2005. Vol. 5. P. 3–14.

⁵¹ *Monteiro C., Moura E., Conde W., Popkin B.* Socioeconomic status and obesity in adult populations of developing countries: a review // *Bulletin of the World Health Organization*. 2004. Vol. 82. P. 940–946; *Popkin B.* The nutrition transition and obesity in the developing world // *Journal of Nutrition*. 2001. Vol. 131 (3). P. 871–873.

⁵² Obesity prevalence worldwide (London, International Association for the Study of Obesity, 2009) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iaso.org>. Дата обращения: 01.08.2013.

Две категории социальных детерминант выделены из общей структуры основных блоков модели — это концепт социального капитала и здравоохранение.

Концепт социальной сплоченности и социального капитала сравнительно недавно стал использоваться в исследованиях здоровья. Однако в настоящее время большинство аналитиков рассматривает процессы социальной интеграции, социальной поддержки и социального капитала в качестве ключевых факторов в формировании здоровья индивидов и сообществ людей⁵³. Значительные ресурсы социального капитала позволяют обеспечивать материальную и социальную поддержку, служить буфером для стрессовых воздействий, играть существенную роль в механизме, смягчающем влияние экономических неравенств на благополучие людей, т. е. оказывать позитивное воздействие на статус здоровья⁵⁴.

Между тем, некоторые из авторов концепции социальных детерминант здоровья выражают вполне резонную обеспокоенность возможностью поощрения деполитизированного подхода к здоровью населения и к факторам, его определяющим⁵⁵. Речь идет о том, что концепция социального капитала нередко рассматривается как часть более широкого дискурса, касающегося снижения ответственности государства за здоровье. Следовательно, поскольку развитый социальный капитал обеспечивается индивидуальными и коллективными ресурсами разного вида, то правительство, в значительной мере, может быть освобождено от ответственности за решение вопросов здоровья и медицинского обслуживания.

Более углубленная теоретическая разработка взаимосвязей, составляющих инфраструктуру социального капитала, позволила их структурировать⁵⁶. Общепризнанным является наличие горизонтальных

⁵³ Putnam R. Commentary: 'Health by Association': Some Comments // *International Journal of Epidemiology*. 2004. Vol. 33 (4). P. 667–671; Subramanian S., Kim D., Kawachi I. Social Trust and Self-rated Health in US Communities: A Multilevel Analysis // *Journal of Urban Health*. 2002. Vol. 79 (Supplement 1). P. 21–34; Hawe P., Shiell A. Social Capital and Health Promotion: A Review // *Social Science & Medicine*. 2000. Vol. 51 (6). P. 871–885; Macinko J., Starfield B. The Utility of Social Capital in Research on Health Determinants // *The Milbank Quarterly*. 2001. Vol. 79 (3). P. 387–427.

⁵⁴ Wilkinson R. Income Inequality, Social Cohesion and Health: Clarifying the Theory: A Reply to Muntaner and Lynch // *International Journal of Health Services*. 1999. Vol. 29 (3). P. 525–543; Stephens C. Social capital in its place: Using social theory to understand social capital and inequalities in health // *Social Science & Medicine*. 2008. Vol. 66 (3). P. 1174–1184.

⁵⁵ Solar O., Irwin A. A conceptual framework for action on the social determinants of health.

⁵⁶ Szreter S., Woolcock M. Health by Association? Social Capital, Social Theory and the Political Economy of Public Health // *International Journal of Epidemiology*. 2004. Vol. 33 (4). P. 650–667.

связей, формирующихся между индивидами, имеющими сходные социальные характеристики, и объединяющих людей с различными социальными идентичностями. Но в структуру социального капитала были включены и отношения, складывающиеся по вертикали социальной организации общества, в частности, между гражданами и представителями государственных институтов, т. е. отношения между людьми, находящимися на разных ступенях властной иерархии. Все эти виды социальных взаимодействий, представляя собой различные формы социального капитала, важны для здоровья и благополучия людей⁵⁷. Локальная форма рассматривается как источник необходимой социальной поддержки, связи между членами различных социальных групп определяются как чрезвычайно значимые для развития общественной солидарности и взаимного признания по всему социальному спектру; вертикальные сети способствуют эффективной деятельности политических институтов⁵⁸. Именно третья форма социального капитала является основой для участия граждан в государственной политике, в том числе и для поддержания общественного здоровья. При этом подразумевается участие в распределении полномочий, т. е. перераспределение власти, что позволяет сообществу, обладающему высоким уровнем влияния на процесс принятия решений, участвовать в разработке политики, направленной на благополучие и качество жизни людей.

Поскольку социальный капитал является одновременно коллективным и индивидуальным ресурсом, становится возможным определить эту детерминанту как сквозную характеристику, относящуюся к двум различным блокам модели — к структурным измерениям (второй элемент общей структуры модели) и индивидуальным параметрам (третий блок)⁵⁹.

Здравоохранение, безусловно, является важным фактором в формировании здоровья населения. В силу своей специфики система медицинской помощи является параметром индивидуального уровня,

⁵⁷ *Islam M., Merlo J., Kawachi I., Lindström M., Gerdtham U.* Social capital and health: Does egalitarianism matter? A literature review // *International Journal for Equity in Health*. 2006. Vol. 5 (3) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.equityhealthj.com/content/5/1/3>. Дата обращения: 01.08.2013.

⁵⁸ *Szreter S., Woolcock M.* Health by Association? Social Capital, Social Theory and the Political Economy of Public Health; *Poortinga W.* Social Relations or Social Capital? Individual and Community Health Effects of Bonding Social Capital // *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 63 (2). P. 255–270.

⁵⁹ *Solar O., Irwin A.* A conceptual framework for action on the social determinants of health.

в то же время способы ее организации практически целиком зависят от контекстуальных категорий, в частности, от политики в области распределения ресурсов, способов государственного управления медицинским обслуживанием. В связи с этим здравоохранение считается самостоятельным фактором в воздействии на здоровье и не включает-ся в рассмотренные выше блоки социальных детерминант.

Для индивидуального уровня особенно актуально стоит вопрос о доступности услуг медицинской помощи. Большинство исследований опираются на классификацию причин смерти на две группы: те, которые считаются предотвратимыми при оказании адекватной медицинской помощи, и те, которые не могут быть предотвращены⁶⁰. Авторы ряда работ предполагают, что степень доступа к эффективным медицинским услугам — это одна из причин высокого уровня смертности в странах Восточной Европы⁶¹, особенно от ишемической болезни сердца⁶², и колебаний смертности в России⁶³.

Некоторые аналитики выделяют, помимо доступности медицинских услуг, ряд аспектов деятельности системы здравоохранения, важных для исследования на индивидуальном уровне⁶⁴. Так, чрезвычайно полезным является понимание того, насколько система здравоохранения выполняет миссию уменьшения последствий болезней в жизни людей. Медицинская помощь призвана обеспечить такое положение дел, когда проблемы со здоровьем не должны приводить к дальнейшему ухудшению социального положения индивидов, и содействовать социальной интеграции больных людей. В частности, разрабатываются программы для хронических больных в целях поддержания их реинтеграции на рынке труда, используются соответствующие модели финансирования здравоохранения, которые могут помочь больным людям нести непосильное бремя расходов на медицинское обслуживание.

⁶⁰ Предварительный второй доклад о социальных детерминантах здоровья и различиях в состоянии здоровья населения Европейского региона.

⁶¹ *Boys R., Forster D., Jozan P.* Mortality from causes amenable and non-amenable to medical care: the experience of Eastern Europe // *British Medical Journal*. 1991. Vol. 303. P. 879–883.

⁶² *Bobak M., Hemingway H.* Quality of acute coronary care in emerging economies // *Canadian Medical Association Journal*. 2009. Vol. 180. P. 1190–1191.

⁶³ *Andreev E., Nolte E., Shkolnikov V., Varavikova E., McKee M.* The evolving pattern of avoidable mortality in Russia // *International Journal of Epidemiology*. 2003. Vol. 32. P. 437–446.

⁶⁴ Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. Final report of the Commission on Social Determinants of Health World Health Organization (Geneva, 2008) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.searo.who.int/LinkFiles/SDH_SDH_FinalReport.pdf. Дата обращения: 01.08.2013.

Система здравоохранения чрезвычайно тесно связана с факторами социально-экономического и политического контекста, в частности с макроэкономической политикой распределения, касающегося медицинской помощи. Об этом свидетельствуют данные анализа реформ здравоохранения, проведенного экспертами ВОЗ⁶⁵. Они отмечают, что происходящие в последние десятилетия макроэкономические изменения в значительной мере затронули преобразования в секторе здравоохранения, снизив их полезный эффект. Реформы здравоохранения привели к поощрению системы взимания платы с пациентов, определению пакета услуг, в котором отдается предпочтение рентабельным медицинским вмешательствам в ущерб вмешательствам, воздействующим на социальные детерминанты здоровья, и повышению роли частного сектора в медицинском обслуживании⁶⁶. Результатом всего этого стала, с одной стороны, растущая коммерциализация здравоохранения, с другой — сосредоточенность на высокотехнологичной медицинской помощи, что подорвало развитие всеобщей системы первичной медико-санитарной помощи, призванной содействовать преодолению несправедливости в отношении социальных детерминант здоровья⁶⁷.

Подводя некоторые итоги, показывающие связи структурных детерминант и социально-политического контекста с индивидуальными факторами, отметим следующее. Уровень материальных условий жизни, степень неблагоприятных психосоциальных обстоятельств, распространенность поведенческих факторов, вредных для здоровья, являются производными от макроэкономических пропорций, социальной политики, культурных, социальных норм, ценностей, и социально-иерархической структуры, сложившейся в обществе. Но для здоровья индивида наиболее значимым фактором, влияющим на неблагоприятные условия его жизни, является его принадлежность к определенной социально-экономической позиции. Члены низших

⁶⁵ Closing the gap in a generation.

⁶⁶ *Homedes N., Ugalde A.* Why neoliberal health reforms have failed in Latin America // *Health Policy*. 2005. Vol. 71. P. 83–96; *Lister J.* Globalisation and health care systems change. Background document of the Health Care Systems Knowledge Network of the World Health Organization's Commission on Social Determinants of Health (2007) [Электронный ресурс]. — режим доступа: http://www.who.int/social_determinants/resources/interim_statement/csdh_interim_statement_annexes_07.pdf. Дата обращения: 01.08.2013.

⁶⁷ *Lundberg O., Yngwe M., Sjerne M., Elstad J., Ferrarini T., Kangas O.* The role of welfare state principles and generosity in social policy programmes for public health: an international comparative study // *The Lancet*. 2008. № 372. P. 1633–1640.

социально-экономических групп, живущих в менее благоприятных условиях, чаще участвуют в опасных формах поведения, меньше заботятся о своем здоровье, чем люди, относящиеся к более высокой ступени социальной иерархии⁶⁸. Неравномерное распределение индивидуальных детерминант, относящихся к этому кругу факторов и связанных с различием в воздействии и уязвимости со стороны переменных, наносящих ущерб здоровью, представляет собой основной механизм, с помощью которого социально-экономическое положение порождает различия в здоровье.

Сферы применения многоуровневой методологии

Структура модели социальных детерминант, состоящая из трех блоков факторов (переменных социально-политического контекста, параметров социального положения и ресурсов, влияющих на индивидуальное благополучие) предполагает проведение всестороннего анализа причин, участвующих в формировании здоровья. То обстоятельство, что эти факторы формируются на различных уровнях организации общества, предусматривает использование многоуровневой методологии. Сущность этого метода состоит в том, что он позволяет одновременно оценить влияние на зависимую переменную (в частности, показатели здоровья) как индивидуальных факторов, так и групповых (кластерных), общих для целых групп респондентов⁶⁹. Например, характеристики социально-политического или экономического контекста страны в целом или отдельного региона являются общими для всех жителей рассматриваемой территории. Преимуществом данного метода является возможность исследования набора взаимозависимых переменных, действующих совместно внутри одних и тех же кластеров, и определения меры их взаимодействия. Методы многоуровневого анализа позволяют также оценить величину и вклад переменных индивидуального и группового уровней в объяснение вариативности зависимой переменной на каждом из них.

Многоуровневый анализ или иерархическое моделирование, как отмечают специалисты, используется в социальных науках сравни-

⁶⁸ *Marmot M.* The Status Syndrome: How Social Standing Affects Our Health and Longevity. New York: Henry Holt and Company, 2004.

⁶⁹ *Diez-Roux A.* The Study of Group-Level Factors in Epidemiology: Rethinking Variables, Study Designs, and Analytical Approaches // *Epidemiology Review*. 2004. Vol. 26. P. 104–111.

тельно давно и продолжает пользоваться популярностью⁷⁰. Например, было зафиксировано влияние группового уровня для различных показателей индивидуального уровня в разнообразных исследованиях, касающихся электорального поведения⁷¹, образования⁷², демографии⁷³.

Начиная с конца 1990-х гг. интерес к использованию многоуровневого анализа в исследовании проблем здоровья значительно вырос⁷⁴. Этот рост был вызван возрождением заинтересованности в потенциальных детерминантах любого уровня, будь то характеристики макро-уровня или групповые переменные и их влияние на здоровье. Кроме того, движущей силой в использовании многоуровневой методологии было ускоренное развитие самих статистических методов и сопутствующего программного обеспечения⁷⁵.

Тем не менее, еще в начале 2000-х гг. аналитики отмечали, что многие текущие исследования в области здоровья не используют многоуровневые методологии, связывающие социальные характеристики системы (контекста) с результатами индивидуального здоровья, в силу ряда причин⁷⁶. Во-первых, значительное количество работ сосредотачивается на индивидуальных паттернах здоровья, при этом факторами социального контекста, который составляет основу распределения ин-

⁷⁰ Courgeau D, Baccaini B. Multilevel Analysis in the Social Sciences // Population. Vol. 10 (1) 1998. P. 39–71; Diez-Roux A. The Study of Group-Level Factors in Epidemiology: Rethinking Variables, Study Designs, and Analytical Approaches.

⁷¹ Prysby C., Books J. Modeling contextual effects on political behavior: Static versus dynamic models // Political Behavior. 1987. Vol. 9 (3). P. 225–245.

⁷² Garner C., Raudenbush S. Neighborhood effects on educational attainment: a multilevel analysis // Sociology of Education. 1991. Vol. 64. P. 2601–2624.

⁷³ Hermalin A. The multilevel approach: theory and concepts. The methodology for measuring the impact of family planning programs on programs on fertility // Population Study. 1986. Vol. 66. P. 15–31; Voss P. Demography as a spatial social science // Population Research and Policy Review. 2007. Vol. 26 (5). P. 457–476.

⁷⁴ Von Korff M, Koepsell T, Curry S, Diehr P. Multi-level research in epidemiologic research on health behaviors and outcomes // American Journal of Epidemiology. 1992. Vol. 135. P. 1077–1082; Duncan C., Jones K., Moon G. Context, composition, and heterogeneity: using multilevel models in health research // Social Science & Medicine. 1998. Vol. 46. P. 97–117; Diez-Roux. Bringing context back into epidemiology: variables and fallacies in multilevel analysis.

⁷⁵ Blakely T.A., Woodward A.J. Ecological effects in multi-level studies // Journal of Epidemiology and Community Health. 2000. Vol. 54. P. 367–374; Diez-Roux A. Multilevel analysis in public health research // Annual Review of Public Health. 2000. Vol. 21. P. 171–192; Leyland A., Groenewegen P. Multilevel modeling and public health policy // Scandinavian Journal of Public Health. 2003. Vol. 31. P. 267–274.

⁷⁶ Diez-Roux A. Multilevel analysis in public health research; Krieger N. A glossary for social epidemiology.

дивидуального самочувствия, часто пренебрегают или рассматривают лишь как вытекающий из контекста индивидуальный риск, т. е. контекст не рассматривался в качестве детерминирующих условий. Другим ограничением ряда проводящихся исследований является то, что социальный контекст как детерминанта здоровья разбивается на отдельные аспекты (бедность или дискриминация по признаку пола или этнической принадлежности), а не рассматривается с точки зрения взаимодействующих процессов социальной стратификации, маргинализации и изоляции. Кроме того, как отмечают авторы, считающиеся основоположниками вышеописанной модели социальных детерминант, большинство исследований направлены на услуги медицинской помощи, ориентируясь на биомедицинскую парадигму поддержания здоровья. При этом исследователи опускают важные социальные факторы здоровья — условия, в которых люди рождаются, живут, работают и стареют, и то, что их благополучие зависит от социальных процессов на макроуровне, и прежде всего от распределения ресурсов и власти⁷⁷.

На протяжении десяти последних лет наблюдался экспоненциальный рост использования многоуровневого анализа в области изучения популяционного и индивидуального здоровья. Многоуровневые модели широко применялись при изучении влияния на здоровье независимых и взаимодействующих факторов контекста и индивидуальных характеристик населения на уровне различных стран, регионов и районов внутри страны⁷⁸. Как свидетельствуют исследования, которые проводились для выяснения различия в здоровье в Европе с использованием иерархического моделирования, индивидуальные переменные объясняли 60% вариаций между странами, в то время как 40 % приходилось на макроуровневые факторы⁷⁹.

Многоуровневый анализ также часто используется в исследовании социальных детерминант здоровья. В данной сфере можно выделить наиболее частое применение этой методологии с целью выявления

⁷⁷ *Diderichsen et al.* Op. cit.

⁷⁸ *Bobak M., Murphy M., Rose S., Marmot M.* Societal characteristics and health in the former communist countries of Central and Eastern Europe and the former Soviet Union: a multilevel analysis // *Journal of Epidemiology and Community Health.* 2007. Vol. 61 (11). P. 990–997; *Blakely T., Lochner K., Kawachi I.* Metropolitan Area Income Inequality and Self-Rated Health — A Multi-Level Study // *Social Science & Medicine.* 2002. Vol. 54 (1). P. 65–77; *Subramanian S., Kawachi I., Kennedy B.* Does the state you live in make a difference? Multilevel analysis of self-rated health in the US // *Social Science & Medicine.* 2001. Vol. 53 (4). P. 9–19.

⁷⁹ *Olsen K., Dahl S.* Health differences between European countries // *Social Science & Medicine.* 2007. Vol. 64 (8). P. 1665–1678.

и последующих обсуждений возможных последствий для здоровья влияния таких контекстуальных факторов, как характеристики места проживания индивидов, социетальное неравенство доходов, социальный капитал, выступающий в качестве общественного ресурса.

Наиболее развитую традицию, как отмечают специалисты, имеет исследование непосредственного влияния местной (социальной и физической) среды на здоровье человека⁸⁰. Еще в начале 1970-х гг. отмечалось, что экологические факторы являются чрезвычайно важными детерминантами здоровья и болезней населения⁸¹. Место, в котором живут люди, может влиять на здоровье, действуя через такие механизмы, как доступность услуг здравоохранения, степень инфраструктурной насыщенности разнообразными удобствами, распространенность преобладающего поведения, связанного со здоровьем, стрессы и уменьшение социальной поддержки, репутация сообщества и другие исторические и культурные особенности⁸².

Очевидно, что исследование различия в здоровье в зависимости от места проживания человека включает в себя детерминанты двух уровней — групповые, характеризующие условия проживания людей, и индивидуальные, т. е. свойства самих людей, населяющих данную территорию. До широкого внедрения многоуровневой методологии подобные работы страдали тем, что называется экологической ошибкой, когда уровень групповых данных использовался для того, чтобы сделать вывод об индивидуальном здоровье, без контроля композиционного состава населения. Однако по мере разработки статистической техники, позволяющей комбинировать групповые и индивидуальные факторы в регрессионных моделях, возрастает точность совместного изучения влияния характеристик макроэкономической и социальной среды жизнедеятельности и композиционных переменных на здоровье⁸³.

⁸⁰ *Macintyre S., Ellaway A., Cummins S.* Place effects on health: how can we conceptualize, operationalize and measure them? // *Social Science & Medicine*. 2002. Vol. 55. P. 125–139.

⁸¹ *Cassel J.* The contribution of the social environment to host resistance // *American Journal of Epidemiology*. 1976. Vol. 104 (2). P. 107–123; *Winkelstein W.* Epidemiological considerations underlying the allocation of health and disease care resources // *Intentional Journal Epidemiology*. 1972. Vol. 1. P. 69–74.

⁸² *Macintyre S.* Understanding the social patterning of health: the role of the social sciences // *Journal of Public Health*. 1994. Vol. 16. P. 59.

⁸³ *Pickett K., Pearl M.* Multilevel analyses of neighbourhood socioeconomic context and health outcomes: A critical review // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2001. Vol. 55 (2). P. 111–122.; *Diez-Roux A.* Investigating neighborhood and area effects on health // *American Journal of Public Health*. 2001. Vol. 91 (11). P. 1783–1789.

К контекстуальным переменным локального района в общем виде относятся: физические параметры окружающей среды, благоустройство территории, степень соответствия социальной инфраструктуры в месте проживания основным потребностям человека; сюда же входят и социально-культурные характеристики, к числу которых принадлежат социальная сплоченность и социальный капитал, а также восприятие жителями места своего жительства (репутация района). Перечисленные показатели широко использовались на начальной стадии исследовательских работ⁸⁴. По мере развития данного направления осуществлялись успешные попытки более дифференцированной оценки параметров места проживания и их влияния на здоровье, которые включали подобную характеристику каждого домена контекстуальных факторов⁸⁵. Однако все они группируются в индикаторы социально-экономического статуса местности и показатели социальной среды, и прежде всего — социальной сплоченности и социального капитала рассматриваемой территориальной единицы⁸⁶.

Анализ многочисленных исследований роли места жительства в формировании здоровья показывает, что использование многоуровневых моделей дает положительный результат для выявления роли раздельного влияния среды жизнедеятельности и композиционного состава населения. Контекстуальные факторы в различных сочетаниях оказывают независимое, автономное влияние на здоровье людей того или другого места проживания при контроле характеристик индивидуального уровня⁸⁷.

⁸⁴ Macintyre et al. Op. cit.

⁸⁵ Hillemeier M., Lynch J., Harper S., Casper M. Data Set Directory of Social Determinants of Health at the Local Level. Atlanta: U.S. Department of Health and Human Services, Centers for Disease Control and Prevention (2004) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cdc.gov/dhdsp/docs/data_set_directory.pdf. Дата обращения: 01.08.2013.

⁸⁶ McNeill L., Kreuter M., Subramaniana S. Social Environment and Physical Activity: A review of concepts and evidence // *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 63 (6). P. 1011–1022.

⁸⁷ Chaix B., Guilbert P., Chauvin P. A multilevel analysis of tobacco use and tobacco consumption levels in France: are there any combination risk groups? // *European Journal of Public Health*. 2004. Vol. 14. P. 186–190; Cummins S., Stafford M., Macintyre S., Marmot M., Ellaway A. Neighborhood environment and its associations with self-rated health: Evidence from Scotland and England // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2005. Vol. 59. P. 207–213; Cummins S., Curtis S., Diez-Roux A., Macintyre S. Understanding and representing 'place' in health research: a relational approach // *Social Science & Medicine*. 2007. Vol. 65 (9). P. 1825–1838; Echeverría S., Diez-Roux A., Shea S., Borrell L., Jackson S. Associations of neighborhood problems and neighborhood social cohesion with mental health and health behaviors: the Multi Ethnic Study of Atherosclerosis // *Health & Place*. 2008. Vol. 14 (4). P. 853–865;

Другой сферой применения многоуровневой методологии в исследовании здоровья является изучение связи между неравенством доходов в обществе и продолжительностью жизни, уровнем смертности и другими показателями здоровья. В 1990-е гг. влияние социетальных неравенств доходов рассматривалось как один из «метатеоретических» подходов для определения детерминант здоровья⁸⁸. В редакционной статье *British Medical Journal* гипотеза неравенства доходов определялась как «большая, крупная идея», важность которой состоит в том, что она дает возможность рассмотреть зависимость здоровья не только от общего богатства страны, но и от его распределения в обществе. При этом отмечалось, что уменьшение неравенства в распределении доходов должно сопровождаться улучшением здоровья.

Последующий быстрый рост эмпирических исследований по проверке выдвинутой гипотезы отмечался во многих странах, само изучение явления проводилось как на агрегированном уровне, так и с использованием многоуровневой методологии. Однако следует отметить, что в обзорах, посвященных анализу связи распределения дохода и здоровья населения, отмечается неоднозначность полученных результатов. Так, Дж. Линч, проводивший вместе с коллегами обзор по 98 агрегированным и многоуровневым исследованиям, пришел к выводу, что полученные результаты представляют мало доказательств того, что социетальные неравенства доходов являются важной детерминантой различий в здоровье населения внутри и между странами⁸⁹. Между тем Р. Вилкинсон и К. Пиккет в более поздних обзорах⁹⁰, анализируя ту же проблему по 155 опубликованным работам, представляют другие, более обоснованные, на наш взгляд, результаты. Их данные свидетельствуют, что при проведении межстрановых исследований, 83 % работ подтверждают связь неравенства доходов

Pearce A., Kirk C., Cummins S., Collins M., Elliman D., Connolly A., Law C. Gaining children's perspectives. A multi-method approach to explore environmental influences on healthy eating and physical activity // *Health & Place*. 2009. Vol. 15 (2). P. 614–621.

⁸⁸ Davey S., Egger M. Commentary: Understanding It All—Health, Meta-Theories, and Mortality Trends // *British Medical Journal*. 1996. Vol. 313 (7072). P. 1584–1584.

⁸⁹ Lynch J., Smith G., Harper S., Hillemeier M., Rose N., Kaplan G., Wolfson M. Is Income Inequality a Determinant of Population Health? A Systematic Review // *The Milbank Quarterly*. 2004. Vol. 82 (1). P. 5–99.

⁹⁰ Wilkinson R., Pickett K. Income inequality and population health: A review and exploration of evidence // *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 62 (7). P. 1768–1784; Wilkinson R., Pickett K.E. Income Inequality and Social Dysfunction // *Annual Sociological Review*. 2009. Vol. 35. P. 493–511.

и здоровья. В то же время в статьях, посвященных исследованию этого вопроса внутри стран, когда за единицу анализа принимается крупная территория, подтверждение этой связи отмечается только в 73-х случаях из 100. На уровне небольших территорий получено значительно меньше позитивных результатов при проверке рассматриваемой гипотезы: только 43 % работ подтверждают, что большая дифференциация доходов связана с более низким статусом здоровья населения⁹¹. Примерно такие же данные приводятся и другими авторами⁹².

Сопоставление упомянутых обзоров позволяет сказать, что с течением времени отмечается некоторое нарастание использования многоуровневого метода в изучении связи между неравенством доходов и показателями индивидуального здоровья. Если в 2002 г. многоуровневый дизайн исследований составлял примерно одну шестую представленных в обзоре работ, то в 2006 г. их число увеличивается до одной пятой от общего числа рассмотренных публикаций.

Многоуровневый анализ проверки этой гипотезы включает контекстуальные показатели неравенства доходов, такие, как индекс Джини, реже индекс Робин Гуда или отношение крайних децильных групп при проведении контроля разнообразных индивидуальных характеристик населения (пол, возраст, индивидуальный и семейный доход и т. д.). Различия в здоровье, как правило, оцениваются по таким индикаторам, как самооценка⁹³, симптомы депрессии⁹⁴ и поведение, связанное

⁹¹ Ibid.

⁹² Macinko J., Shi L., Starfield B., Wulu J. Income Inequality and Health: a critical review of the literature // *Medical Care Research and Review*. 2003. Vol. 60 (4). P. 407–452; Subramanian S., Belli P., Kawachi I. The Macroeconomic Determinants of Health // *Annual Review of Public Health*. 2002. Vol. 23. P. 287–302; Subramanian S., Kawachi I. Income inequality and health: What have we learned so far? // *Epidemiology Review*. 2004. Vol. 26. P. 78–91.

⁹³ Blakely T., Lochner K., Kawachi I. Metropolitan area income inequality and self-rated health — a multi-level study // *Social Science & Medicine*. 2002. Vol. 54 (5). P. 65–77; Subramanian S., Kawachi I. Whose health is affected by income inequality? A multilevel interaction analysis of contemporaneous and lagged effects of state income inequality on individual self-rated health in the United States // *Health & Place*. 2006. Vol. 12 (2). P. 141–156; Kondo N., Sembajwe G., Kawachi I., van Dam R.M., Subramanian S.V., Yamagata Z. Income inequality, mortality and self rate health: meta-analysis of multilevel studies // *British Medical Journal*. 2009. Vol. 339 (4471). P. 591–595; Subramanian S., Kawachi I., Kennedy B. Does the state you live in make a difference? Multilevel analysis of self-rated health in the U.S. // *Social Science & Medicine*. 2001. Vol. 53. P. 9–19; Karlsson M., Nilsson T., Lyttkens C., Leeson G. Income inequality and health: Importance of a cross-country perspective. 2009. Vol. 70 (6). P. 875–885.

⁹⁴ Kahn R., Wise P., Kennedy B., Kawachi I. State income inequality, household income, and maternal mental and physical health: cross sectional national survey // *British Medical Journal*. 2000. Vol. 321 (7261). P. 1311–1315.

со здоровьем⁹⁵. Следует отметить, что исследование влияния неравенства доходов проводится на межстрановом уровне⁹⁶, внутри стран, когда за единицу анализа принимается крупная территория (регион, штаты), и по небольшим территориальным образованиям (областям, районам)⁹⁷.

Использование многоуровневой методологии при исследовании влияния социального капитала на здоровье объясняется двойственной природой данного воздействия. До настоящего времени отмечаются значительные расхождения в понимании вопроса о том, является ли социальный капитал коллективным свойством сообщества или общества, или его благотворные качества связаны с индивидами и их социальными связями⁹⁸. Весьма широко распространено понимание того, что социальный капитал является скорее экологическим социетальным конструктом, чем характеристикой индивидов. Р. Патнэм⁹⁹ определяет социальный капитал как характеристики социальной организации (гражданское участие, нормы взаимообмена и доверие к другим), помогающие объединению для взаимной выгоды. Однако не все согласны с тем, что социальный капитал является коллективным ресурсом. Некоторые исследователи считают, что индивидуальная выгода проистекает прямо из собственных социальных сетей. Например, А. Портес определяет социальный капитал как способность индивидов к объединению скудных ресурсов при использовании преимуществ, предоставляемых членством в сетях или в более широкой социальной структуре¹⁰⁰.

Понимание социального капитала как коллективного ресурса соответствует экологическим исследованиям, в рамках которых показатели здоровья и социальный капитал рассматриваются на

⁹⁵ *Diez-Roux A., Link B., Northridge M.* A multilevel analysis of income inequality and cardiovascular disease risk factors // *Social science & medicine*. 2000. Vol. 50 (5). P. 673–687.

⁹⁶ *Karlsson M., Nilsson T., Lyttkens C., Leeson G.* Income Inequality and Health: importance of a cross-country perspective // *Social Science & Medicine*. Vol. 70 (2010). P. 875–885.

⁹⁷ *Backlund E., Rowe G., Lynch J., Wolfson M., Kaplan G., Sorlie P.* Income inequality and mortality: a multilevel prospective study of 521 248 individuals in 50 US states // *Intentional Journal of Epidemiology*. 2007. Vol. 36 (3). P. 590–596.

⁹⁸ *Kawachi I., Kim D., Coutts A., Subramanian S.* Commentary: reconciling the three accounts of social capital // *International Journal of Epidemiology*. 2004. Vol. 33 (4). P. 682–690.

⁹⁹ *Putnam R.* Bowling alone. The collapse and revival of American community. London: Simon and Schuster, 2000.

¹⁰⁰ *Portes A.* Social Capital; Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24.

агрегированном уровне. Считается, что И. Кавачи вместе со своими соавторами был одним из первых, кто эмпирически объяснил связь между социальным капиталом и здоровьем на контекстуальном уровне¹⁰¹. Он показал, что люди, живущие в штатах с низким уровнем социального доверия, имеют показатели субъективного здоровья ниже, чем люди, живущие в штатах со средним или высоким уровнем доверия¹⁰². Эти результаты подтверждены Р. Патнэмом, который доказал, что в штатах с высоким уровнем индекса социального капитала отмечается более высокий индекс общественного здоровья и более низкие уровни смертности¹⁰³. Однако не все экологические исследования показали, что социальный капитал является важной детерминантой здоровья на контекстуальном уровне. Например, Дж. Линч и другие аналитики не обнаружили, что характеристики социальной среды, измеряемые агрегированным доверием и членством в организациях, являются ключевыми факторами понимания различий в здоровье между нациями¹⁰⁴.

В эмпирических исследованиях на индивидуальном уровне было также показано, что индикаторы социального капитала связаны с различными измерениями здоровья. Так, сильные социальные связи и больший размер сетей сопровождались меньшей смертностью¹⁰⁵, а членство в добровольных группах было связано с низким уровнем депрессивных симптомов¹⁰⁶. Но были получены и результаты, опровергающие эти выводы. Например, в Шотландии не обнаружили связи между включенностью в местные ассоциации и самооценкой индивидуального здоровья¹⁰⁷, в Канаде было показано незначимое влияние

¹⁰¹ *Macinko J., Starfield B.* The Utility of Social Capital in Research on Health Determinant // *The Milbank Quarterly*. 2001. Vol. 79 (3). P. 387–427; *Poortinga W.* Social capital: An individual or collective resource for health? // *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 62. P. 292–302.

¹⁰² *Kawachi I., Kennedy B., Lochner K., Prothrow-Stith D.* Social capital, social inequality, and mortality // *American Journal of Public Health*. 1997. Vol. 87 (9). P. 1491–1498.

¹⁰³ *Putnam R.* Bowling alone. The collapse and revival of American community.

¹⁰⁴ *Lynch J., Smith D., Hillemeier M., Shaw M., Raghunathan T., Kaplan G.* Income inequality, the psychosocial environment and health: Comparisons on wealthy nations // *Lancet*. 2001. Vol. 358 (9277). P. 194–200.

¹⁰⁵ *Hawe P., Shiell A.* Social capital and health promotion: A review // *Social Science & Medicine*. 2000. Vol. 51 (6). P. 871–885; *Macinko et al.* Op. cit.

¹⁰⁶ *Rietschlin, J.* Voluntary association membership and psychological distress // *Journal of Health and Social Behaviour*. 1998. Vol. 39. P. 348–355.

¹⁰⁷ *Ellaway A., Macintyre S.* Social capital and self rated health: Support for a contextual mechanism (letter) // *American Journal of Public Health*. 1999. Vol. 90 (6). P. 988–996.

участия в волонтерских ассоциациях на самооценку здоровья¹⁰⁸, в Австралии не было обнаружено связи между гражданским участием и здоровьем¹⁰⁹.

Однако более поздние исследования показали, что как экологический, так и индивидуальный подходы имеют свои ограничения и недостатки. Экологический анализ отчасти проблематичен, так как различия между территориями могут указывать на реальное коллективное влияние, но могут также отражать невыявленные различия в композиционной структуре населения. С другой стороны, чисто индивидуальный подход может заслонить реальные контекстуальные эффекты. Речь идет о том, что поверх индивидуального влияния социальных сетей и поддержки, коллективный социальный капитал вносит свой вклад в субъективное здоровье людей на национальном уровне¹¹⁰.

Многоуровневое моделирование снимает ограничения индивидуального и экологического исследовательских дизайнов, показывая вклад различных уровней анализа — индивидуального и контекстуального. Эта техника дает возможность не только включить предикторы многих уровней: она может использовать межуровневые интеракции, и таким образом показать, что определенные социальные характеристики среды могут по-разному влиять на различные группы населения¹¹¹.

Эти причины побудили исследователей к широкому применению многоуровневого моделирования для проверки воздействия социального капитала на здоровье. Значительный рост числа статей, идентифицируемых как исследование с использованием многоуровневой техники, отмечался в начале прошлого десятилетия. Так, в обзоре литературы по изучению социального капитала и общественного здоровья, представленном в 2001 г., его авторы обнаружили 10 эмпирических исследований, только 1 статья была выполнена с использованием много-

¹⁰⁸ *Veenstra G.* Social capital, SES and health: An individual-level analysis // *Social Science & Medicine*. 2000. Vol. 50 (5). P. 619–629.

¹⁰⁹ *Baum F., Bush R., Modra C., Murray C., Cox E., Alexander K., Potter R.* Epidemiology of participation: An Australian community study // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2000. Vol. 54. P. 414–423.

¹¹⁰ *Poortinga W.* Op. cit.

¹¹¹ *Diez-Roux A.* A glossary for multilevel analysis // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2002. Vol. 56. P. 588–594; *Islam M., Merlo J., Kawachi I., Lindström M., Gerdtham U.* Social capital and health: Does egalitarianism matter? A literature review // *International Journal for Equity in Health*. 2006. Vol. 5 (3) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.equityhealthj.com/content/5/1/3>. Дата обращения: 01.08.2013.

уровневого дизайна¹¹². В течение двухлетнего интервала количество эмпирических исследований в этой сфере утроилось, в том числе отмечалось многократное (в 15 раз) увеличение работ, использующих многоуровневую методологию¹¹³.

Нынешние исследователи по-прежнему подчеркивают важность широких обсуждений, касающихся вопроса о том, какой уровень анализа — контекстуальный или индивидуальный — является наиболее релевантным для изучения влияния социального капитала на здоровье. Однако эмпирические данные в большинстве статей подтверждают, что личностные ресурсы (в виде социальных связей и поддержки) при совместном анализе с контекстуальными характеристиками среды могут объяснить большую часть различий в здоровье¹¹⁴.

Заключение

Подводя некоторые итоги по теоретическому обоснованию релевантности многоуровневого подхода в изучении проблем здоровья, следует отметить следующее. В качестве методологической основы такого обоснования была рассмотрена модель социальных детерминант здоровья, раскрывающая природу социальных влияний на физическое, психическое и социальное благополучие индивида. Принципиальная особенность рассмотренной модели состоит в том, что в ней учитывается иерархичность многих влияний на здоровье, начиная с социетальных факторов, включающих социально-экономические, политические и культурные особенности данного общества, через групповые переменные, отражающие сложившийся уровень социальной структуры, до композиционного состава населения,

¹¹² *Macinko et al.* Op. cit.

¹¹³ *Kawachi et al.* Op. cit.

¹¹⁴ *Habibov N., Afandi E.* Self-rated health and social capital in transitional countries: multilevel analysis of comparative surveys in Armenia, Azerbaijan, and Georgia // *Social Science & Medicine*. 2011. Vol. 72 (7). P. 1193–1204; *Giordano G., Ohlsson H., Lindstrom M.* Social capital and health — Purely a question of context? // *Health & Place*. 2011. Vol. 17. P. 946–953; *Snelgrove J., Pikhart H., Stafford M.* A multilevel analysis of social capital and self-rated health: evidence from the British household panel survey // *Social Science & Medicine*. 2009. Vol. 68 (11). P. 993–2001; *Berry H., Welsh J.* Social capital and health in Australia: an overview from the household, income and labour dynamics in Australia survey // *Social Science & Medicine*. 2010. Vol. 70 (4). P. 588–596; *Fujisawa Y., Hamano T., Takegawa S.* Social capital and perceived health in Japan: an ecological and multilevel analysis // *Social Science & Medicine*. 2009. Vol. 69 (4). P. 500–505.

содержащего характеристики индивидуального уровня. Таким образом, данная модель состоит из трех ключевых блоков, к ним относятся социально-политический контекст, структурные детерминанты, генерирующие социальную стратификацию, и индивидуальные характеристики населения.

Такой подход к пониманию влияния на здоровье факторов, формирующихся на различных уровнях организации общества, предусматривает использование многоуровневой методологии. Сущность этого метода состоит в том, что он позволяет одновременно оценить влияние на здоровье как индивидуальных факторов, так и групповых, общих для целых групп респондентов. Возможности широкого применения многоуровневых исследовательских дизайнов показывают, на наш взгляд, значительную перспективность такого подхода в исследовании детерминант здоровья.

АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ КАК НАУЧНЫЙ МЕТОД

В статье отражены исследования сектора теории и методологии по проблемам совершенствования конструктивных методов качественного социологического исследования. Ранжированы современные подходы к формулированию критериев анализа нечисловой социологической информации. Подтвержден вывод, что в составе компьютерных пакетов, используемых в качественных исследованиях, отсутствуют инструменты, позволяющие аналитически оценивать результаты концептуализации. Утверждается, что компиляция агрегированных понятийных структур, служащая отличительной чертой предложенного ранее контекстно-ориентированного кодирования, является инструментом аналитического оценивания качества концептуализации нечисловой информации. Дан анализ фундаментальных свойств контекстно-ориентированных методов концептуализации в сравнении с базовыми представлениями математических методов в социологии и текстовым инструментарием теоретизирования, составляющим аппарат концептуализации социологического исследования.

Ключевые слова: CAQDAS, анализ качественных данных, качество социологического исследования, концептуализация нечисловой информации.

Введение

Термин CAQDAS (*Computer Assisted Qualitative Data Analysis*, компьютеризированный анализ качественных данных, далее — просто анализ качественных данных или АКД)¹ связывает воедино, с одной стороны, исследовательские процедуры, известные под названием *Qualitative Data Analysis* (QDA, анализ качественных данных)² и традиционно используемые при анализе нечисловых свидетельств, получаемых от информанта в качественном исследовании; с другой стороны этот термин привязан к быстро развивающимся компьютерным методам. Современный АКД представляет собой методологическую исследовательскую область,

¹ Gibbs G.R., Friese S., Mangabeir W.C. (2002, May). The Use of New Technology in Qualitative Research. Introduction to Issue 3 (2) of *FQS* [35 paragraphs]. Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research, 3(2) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-02/2-02hrsg-e.htm>. Дата обращения: 01.08.2013.

² Online QDA. What is Qualitative Data Analysis (QDA) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://onlineqda.hud.ac.uk/Intro_QDA/what_is_qda.php. Дата обращения: 01.08.2013.

которая объединяет ученых разных стран³. АКД развивается в виде многочисленных программных пакетов, среди которых такие известные, как *Atlas.ti*, *MAXQDA*, *NVivo*, *xSight*, *Qualrus*, *Ethnograph* и др.⁴ Одно из последних впечатляющих описаний истории и тенденций развития предметной сферы АКД можно найти в работе М. Джеймса⁵.

Согласно У. Келле, компьютеризированный АКД представляет собой класс программных средств, которые включают в свой состав специальные структурные инструменты, называемые функциями кодирования и реконструирования данных⁶. Эти функции являются компьютерным инструментом, который используется в человеко-машинном режиме и assisteрует исследователю в анализе нечисловой информации, получаемой от информанта в таких форматах, как видео, текст, звукозапись и т. п. Ассистирование основано на структурировании информации с помощью аналитического кодирования, осуществляемого самим исследователем⁷. Функции кодирования и реконструирования данных берут свое начало в аналитических действиях социолога, которые он осуществлял в ходе полевого исследования во времена «карандаша и бумаги», до наступления компьютерной эпохи⁸.

Функции кодирования современного пакета доказали свою практическую эффективность при управлении большими объемами данных нечисловых форматов⁹. Эти возможности администрирования данных на сегодняшний день общепризнаны¹⁰. Однако существуют

³ Computer-assisted qualitative data analysis software / Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Computer_Assisted_Qualitative_Data_Analysis_Software. Дата обращения: 01.08.2013.

⁴ CAQDAS (New Media Methods) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.restore.ac.uk/lboro/research/software/caqdas.php>. Дата обращения: 01.08.2013.

⁵ James M. The validity endeavor. Thesis presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Philosophy (Social Science Methods) at the University of Stellenbosch / Supervisor: Dr. Heidi E. Prozesky. Department of Sociology and Social Anthropology. University of Stellenbosch, 2010 (March).

⁶ Kelle U. Theory Building in Qualitative Research and Computer Programs for the Management of Textual Data // Sociological Research Online. 1997. Vol. 2. № 2, 2.6.

⁷ Ibid. 5.7.

⁸ Online QDA. Examples of coding [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://onlineqda.hud.ac.uk/Intro_QDA/coding_examples.php. Дата обращения: 01.08.2013.

⁹ MacMillan K., McLachlan S. Theory-Building with Nud*Ist: Using Computer Assisted Qualitative Analysis in a Media Case Study // Sociological Research Online. 1999. Vol. 4. № 2, [2.3, 7.3].

¹⁰ James M. The validity endeavor. Thesis presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Philosophy (Social Science Methods) at the University of Stellenbosch. P. 31—33.

исследовательские задачи, при решении которых анализируемые инструменты оставляют желать лучшего. Например, эти функции, по мнению К. Мак-Миллан и С. Мак-Лакхлан, вряд ли помогут исследователю при дискурсном анализе текстовых свидетельств¹¹. Как отмечает С. Веб, не любой вид качественных данных может быть успешно проанализирован с помощью пакета АКД¹².

Отмеченные затруднения свидетельствуют в пользу продолжения научного поиска, направленного на структурное усовершенствование существующих функций кодирования. В наших предыдущих публикациях¹³ было показано, что не стоит искать импульсы такого улучшения в работах социологов, применяющих пакеты АКД в своих научных проектах. Недавно выполненные исследования, затрагивающие проблему критериев качества качественного исследования, осуществленные М. Истербай-Смит, К. Голден-Бидле и К. Локке¹⁴, С. Трэйси¹⁵ и М. Джеймсом¹⁶, дают основания утверждать, что существующие критерии представляют собой исследовательские процедуры, формулируемые вербально. Например, в своей диссертации¹⁷ М. Джеймс приводит такие критерии, как документирование аналитического процесса (*documenting analysis process*), валидизация участия (*member validation*), теоретическая состоятельность (*theoretical consistency*) и другие исследовательские приемы, предназначенные для обоснования техник качественного исследования¹⁸.

¹¹ MacMillan K., McLachlan S. Theory-Building with Nud*Ist: Using Computer Assisted Qualitative Analysis in a Media Case Study, 1999, [5.4].

¹² Webb C. (1999). Analysing qualitative data: computerized and other approaches // Journal of advanced nursing. 1999. Vol. 29 (2). P. 323–330.

¹³ См. например, Каныгин Г.В. Контекстно-ориентированный анализ качественных данных // Петербургская социология сегодня: сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 336–365; Кишинская В.С. Качественные данные и методы социологического исследования // Петербургская социология сегодня: сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 366–373.

¹⁴ Easterby-Smith M., Golden-Biddle K., Locke K. Working with Pluralism: Determining Quality in Qualitative Research // Organizational Research Methods. 2008 (July). Vol. 11. № 3. P. 419–429.

¹⁵ Tracy S.J. Qualitative Quality: Eight “Big-Tent” Criteria for Excellent Qualitative Research // Qualitative Inquiry. 2010 (October). Vol. 1. P. 1–15.

¹⁶ См. прим. 5.

¹⁷ James M. The validity endeavor. Thesis presented in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Philosophy (Social Science Methods) at the University of Stellenbosch.

¹⁸ Ibid. P. 14–22.

Будучи по своей природе продуктами естественного языка, подобные процедуры, так же как и функции кодирования пакетов АКД, не содержат в своем составе никаких средств, которые могли бы оценить без привлечения эксперта, насколько грамотно проведено качественное исследование, в котором они применены¹⁹. Отсутствие среди инструментов АКД такого, который был бы способен оценивать качество концептуальных усилий аналитика без обращения к другому аналитику, оправданно считать недостатком современного компьютеризированного АКД. В ряде публикаций²⁰ М. Джеймс предложил контекстно-ориентированный аппарат кодирования, который позволяет осуществлять аналитическую оценку результатов преобразования нечисловой информации, независимую от эксперта. В данной работе главное внимание уделено научным основаниям предложенного контекстно-ориентированного аппарата, его сравнению с традиционными средствами социологического исследования — математическими методами и программными инструментами.

Концептуализация в социологическом исследовании

Согласно общему представлению о концептуализации²¹, мы можем трактовать эту процедуру в предметной области анализа качественных данных как преобразование потока свидетельств, идущего от информанта, в аналитические дескрипторы (коды), которые создаются аналитиком.

Вместе с тем процедура концептуализации, осуществляемая средствами кодирования в АКД, может быть представлена в более широком научном контексте. Можно посчитать, что оба участника процесса кодирования в АКД заняты объединяющей их задачей — они выражают одни и те же знания и в процессе такого выражения решают проблемы согласования их структурного вида. Такое понимание может быть обосновано, например, взглядами одного из отцов социологического конструктивизма Г. Блумера²². По Блумеру,

¹⁹ Более подробно см. Каныгин Г.В. Контекстно-ориентированный анализ качественных данных. С. 336–365.

²⁰ Там же.

²¹ См. например, Glaser B. Conceptualization: On theory and theorizing using grounded theory // International Journal of Qualitative Methods. 2002. № 1 (2).

²² Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1969.

значение (*meaning*) человеческих суждений возникает в процессе межличностного общения, т. е. является результатом коллективных усилий. Процесс переформулирования свидетельств информанта в аналитических кодах является частным случаем совместных интеллектуальных усилий, приводящих к коллективному знанию.

В традиции качественного исследования, основанного на компьютеризированном анализе нечисловой информации, такой более широкий взгляд на концептуализацию обычно остается за рамками исследовательского внимания. Основной акцент делается на том, в какой степени программные инструменты качественной стратегии способны усовершенствовать традиционную задачу «конспектирования» эмпирического материала, возникшую в полевой работе социолога еще во времена «карандаша и бумаги».

Однако традиции концептуализации нечисловой информации, сложившиеся в социологии, не отменяют общенаучных подходов, развитых вне ее рамок. Более того, представляется, что оправданно попытаться связать качественную традицию и общенаучные методы. В связи с формальным аппаратом АКД, т. е. средствами кодирования в «качественных» пакетах, в данной фазе исследования нас в первую очередь интересуют два развернутых сравнения. Первое представляет собой сопоставление этого аппарата с современными информационными технологиями и их средствами концептуализации, которые мы понимаем как инструментальные механизмы языков программирования высокого уровня (наследование, инкапсуляция, видимость и др.). Второй аспект представляет собой соотнесение средств кодирования с традиционным для социологии аппаратом математических методов (факторным анализом, шкалированием, типологизацией и т. п.).

Зачем нужны эти сравнения? Во-первых, для обоснования предложенных контекстно-ориентированных моделей как инструмента концептуализации не через по-разному интерпретируемые приложения, а путем демонстрации сходства его структурных принципов с современными информационными подходами.

Во-вторых, в результате сравнений удастся показать, каким образом общетеоретические (читай — метафорические) конструктивистские положения социальной методологии могут быть конструктивно выражены с помощью аппарата современных информационных методов.

В-третьих, удастся предложить решение важной проблемы, сдерживающей развитие современных методов управления знаниями. Эти методы, в частности, в их онтологическом виде, имеют сложный синтаксис,

что тормозит их практическое применение в задачах, решение которых требует информации, поставляемой неподготовленным пользователем. В то же время КО АКД, продолжая традиции АКД, оперирует по сути дескриптивной информацией, которая, тем не менее, может быть структурирована на основе современных онтологических принципов.

В-четвертых, будучи включенным в процесс концептуализации, «качественный» исследователь воссоздает аналитически, скорее, тему, общую для него и информанта, чем текст последнего. Тот факт, что эта тема выражена двояко в виде текста и результатов кодирования, не должен восприниматься как «естественно существующий». Если вслед за конструктивистами мы воспринимаем социальный мир как результат взаимодействия между людьми, то должны стремиться к разработке научных средств, способных удовлетворить запросы социальных акторов по созданию социального знания. Знание, возникающее и функционирующее в качественном социологическом исследовании, является лишь одним из частных случаев такого знания. Однако формальные средства его организации представляются поучительными в более широком научном контексте, так как реализуют общую установку на интуитивную понятность процедур создания и оперирования таким знанием.

Методологические особенности контекстно-ориентированного АКД

Для исследований в области методологии социологического исследования характерна дискуссия о соотношении количественных и качественных методов в социологии²³. Аналитическое сравнение традиционного и контекстно-ориентированного АКД дает возможность предложить свой взгляд на возможности конструктивного согласования двух стратегий социологического исследования.

Это сравнение начнем с ответа на вопрос: в какой мере контекстно-ориентированные модели кодирования соотносятся с конструктивной традицией качественного социологического исследования, воплощаемой инструментальными средствами АКД?

Нечисловая природа кодирования в анализе качественных данных. В традиционном АКД элементарной аналитической единицей служит код. Код по своей исходной природе, возникшей в ходе полевой

²³ См. например, *Толстова Ю.Н., Масленников Е.В.* Качественная и количественная стратегии. Эмпирическое исследование в широком смысле // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 101–108.

работы социолога, имеющего дело с размытостью обыденных суждений информанта, не наделен никакой метрической определенностью (измеримыми свойствами). Более того, код не обладает никакими операциональными характеристиками (алгоритмическими правилами, общепринятыми соглашениями и т. п.). Назначение кода состоит в назывании (поименовании) чего-то несформированного, что в АКД, тем не менее, имеет вид так называемых качественных данных. Для того чтобы подчеркнуть конструктивное противопоставление качественным данным, код можно представлять себе как понятие, которое не имеет операциональных свойств.

Такое конструктивное представление становится понимаемым в рамках системы программирования, на которой пишется тот или иной пакет АКД. В программистском смысле код — это один из способов определения вперед (*forward declaration*). Аналитик с помощью кода определяет что-то неясное на момент его создания, но затем, используя уже введенный знак, доопределяет его с помощью связей с другими такими же знаками или какими-то структурами, считающимися известными (например, фрагментами нечисловых данных, поступающих от информанта). Выражаясь языком программирования, код как переменная представляет собой указатель, который не имеет определенного значения и может указывать на любой объект, воспроизводимый в программном виде. Программист может также сказать, что код является аналогом прототипа процедуры, у которой отсутствует реализующая ее программа (тело).

Конечно, исходное предназначение кода в процессе его воплощения в составе компьютерных программ во многих случаях было расширено путем ассоциирования с кодом различных количественных свойств, выражающих собой позитивистские предпочтения разработчиков программ анализа качественных данных. Например, в *MAXQDA* предлагается аппарат оцифровки кодов, превращающий их в переменные²⁴. Таким образом, код в составе отдельного пакета может быть связан с рейтингом, весом или другой количественной мерой. Однако такое преобразование представления о коде не умаляет основополагающего методологического факта — кодирование является инструментом, который в отличие от аппарата переменных используется в тех

²⁴ См., например, определение переменных в пакете *MAXQDA*: MAXQDA. Webtutorial [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.maxqda.com/max10/index-inhalt.html>. Дата обращения: 01.08.2013.

исследовательских случаях, когда количественные меры еще не применимы, а непротиворечивое обозначение исследуемых явлений уже необходимо.

Аналогом классического кода в контекстно-ориентированном АКД служит термин «простейшая аналитическая единица», которая предназначена для того, чтобы исследователь имел возможность создавать непротиворечивые конструкции без использования метрических или других операциональных свойств. В условиях отсутствия «количественных описаний» главным научным ресурсом исследователя оказывается аппарат поименования, включающий в себя механизмы связывания отдельных поименований между собой.

Кодирование как «качественный аналог» признакового пространства. АКД в целом и инструменты кодирования в частности являются общепризнанными представлениями качественного исследования. В этом аспекте они могут быть сопоставлены с так называемым признаковым пространством, на котором основано социологическое исследование, развивающееся на количественных или позитивистских принципах²⁵.

Так, открытые коды, возникающие в ходе так называемого первичного кодирования, играют роль неметрических координат, которые определяют «признаковое пространство», не имеющее измеримых осей. Другие виды кодов, используемые в качественном исследовании, являющиеся вторичными по своей природе (аналитические, категории и т. п.), играют роль «зависимых переменных», которые должны быть сведены к открытым кодам. Такое сведение может трактоваться как «измерение» вторичных кодов. Способы такого сведения задаются архитектурой каждого конкретного пакета АКД.

К сожалению, у открытых кодов, воспринимаемых как «качественные координаты», отсутствует одна важная особенность, которая характеризует даже не «признаковое пространство», а его научного предшественника — систему координат. Для того чтобы представление о системе координат обрело свой научный смысл, координаты в этой системе должны обладать свойством линейной независимости, которое гарантирует, что любой объект, описываемый с помощью этой системы, может быть рассмотрен (операционально управляем) независимо по каждой из координат отдельно.

²⁵ *Barton A.H.* The Concept of Property Space // *The Language of Social Research. A Reader in the Methodology of Social Research.* N.Y.: Free Press of Glencoe, 1962. P. XIII, 40–53.

Конечно, социолог-качественник может не принимать во внимание это неотъемлемое свойство представления о системе координат, особенно если учесть, что и его коллега-позитивист не замечает указанного принципиального различия между физическим пространством и его социологическим омонимом, сопровождаемым эпитетом «признаковое». Такого сорта упущение легко объяснимо, если попытаться ответить на вопрос: каким образом идея декартовой системы координат может быть воспроизведена с помощью текста? Иными словами, с помощью кодов и неструктурированного информационного потока, которые используются в качестве базовых инструментальных средств качественного исследования.

На первый взгляд, невозможно реабилитировать научный статус качественного исследования путем воспроизведения в его инструментальных средствах идеи декомпозиции изучаемого объекта, выраженной в декартовом подходе с помощью представления о координатах. Однако можно вспомнить, что современная компьютерная программа представляет собой набор текстовых блоков, которые с точностью до непринципиальных уточнений могут развиваться разными аналитиками (программистами) независимо друг от друга. Единый выполняемый модуль, т. е. общая картина «изучаемого объекта», генерируется из отдельных блоков с помощью специальной программы, называемой компилятором. Тем самым правила компиляции играют роль отношения линейной независимости, которые обеспечивают возможность соединения координат в единое представление об объекте, помещенном в пространство.

Это наблюдение позволяет надеяться, что, если нам удастся предложить правила компиляции текстовых меток, известных в АКД как коды, то мы можем рассчитывать на развитие методов кодирования на общенаучных принципах, которые недооцениваются в позитивистских концептуальных схемах. Конечно, такие правила не могут быть «подсмотрены» в социальной реальности. Но ничто не мешает сконструировать подобные правила, приняв за образец современные общенаучные методы. В качестве таковых оправданно принять языки программирования высокого уровня, которые включают в себя механизмы наследования, инкапсуляции, видимости и др. В случае успеха мы можем рассчитывать на развитие инструментальных средств социологического исследования на конструктивистских принципах, так как сами правила компиляции представляют собой соглашение, используемое в совместной работе.

Теперь я попытаюсь ответить на второй вопрос: почему контекстно-ориентированные модели расширяют структурный аппарат АКД?

Развитие структурных возможностей инструментального аппарата.

Контекстно-ориентированные модели и алгоритмы предоставляют аналитику структурные методы, которые, оперируя концептами без операциональных свойств, служат аналогами техник современного объектно-ориентированного программирования (ООП)²⁶. Предложенный подход позволяет исследователю, который использует только поименования (номинативные метки), устанавливать между ними отношения контекстной зависимости (инкапсуляции), создавать иерархии контекстов (видимость), ставить множество пояснений термина в одном контексте в зависимость от его разъяснения в другом (наследование структуры разъяснений) и т. п.

В числе новых возможностей структурирования, воспроизводящих методы ООП, следует упомянуть компиляцию общей концептуальной картины из множества отдельных структурных единиц. Результатом компиляции является терминологический граф, который объединяет в себе множество разрозненных контекстно-фиксированных разъяснений²⁷. Так же как алгоритмы компиляции в ООП собирают единый исполняемый файл из разрозненных блоков текста программы, контекстно-ориентированные процедуры объединяют в одну структуру фрагменты свидетельств информантов и собственные комментарии аналитика. Компиляция является практически работающим критерием связности отдельных программных блоков, составленных по правилам соответствующего формального языка программирования. Согласно аналогии с программированием можно сказать, что генерация терминологического графа является методом контроля отдельных концептуальных действий аналитика путем связывания между собой их результатов (КФР) на основе «компилирующих соглашений».

«Начинка», или «семантика» этих соглашений, в принципе, может меняться в зависимости от предметной области, в которой проводится контекстно-ориентированная концептуализация. Однако чтобы осознать неочевидность необходимости таких изменений, обратим более пристальное внимание на то, что можно назвать структурой формального

²⁶ Object-oriented programming // Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Object-oriented_programming. Дата обращения: 01.08.2013.

²⁷ Каныгин Г.В. Контекстно-ориентированный анализ качественных данных. С. 364.

метода, применяемого в социологии. Для примера, который не уменьшает общности наших рассуждений, будем иметь в виду факторный анализ. Эта процедура имеет две принципиально важные компоненты. Наиболее отчетливой из них является составляющая, выраженная алгоритмами, которые позволяют по определенным правилам оперировать значениями первичных переменных и получать новые значения, выражающие собой агрегирующие переменные или факторы.

Однако эта алгоритмическая компонента осмысленна только в том случае, если «объект исследования» помещен в координатное пространство. Это координатное представление является не менее важной составляющей собственно формального метода, чем его алгоритмическая часть. И, как показывает практика применения формальных (математических) методов в социологии, координатное представление не зависит от предметной области применения метода. Ту же особенность демонстрируют компьютерные методы, нашедшие широкое применение в гуманитарных проектах, — аппарат компиляции не зависит от предметной области, в которой применяется язык программирования.

«Стандарт качественных данных». Важно, что «компилирующие соглашения» являются независимыми от базовых контекстно-ориентированных моделей (термина и контекстно-фиксированного разъяснения). Предложенным моделям могут быть сопоставлены различные наборы правил, которые регулируют отношения между терминами, собираемыми в тезаурус. Набор правил, предложенный в наших предыдущих публикациях²⁸ в иллюстративных целях, может быть расширен в дальнейшем с учетом особенностей прикладного применения разработанных методов.

Однако уже на этой стадии развития контекстно-ориентированных методов можно утверждать, что независимость базовых моделей (термина и контекстно-фиксированного разъяснения) от используемых правил компиляции позволяет рассматривать эти модели как перспективный инструмент унификации представления о качественных данных. Такой стандарт данных мог бы быть применен не только в целях консолидации программного обеспечения качественного исследования, но и в задачах сбора данных, получаемых в таком виде непосредственно от информантов. Эта роль стандарта представляется оправданной не только в ходе качественных исследований, но и в задачах социальной

²⁸ Каныгин Г.В. Данные в социологическом исследовании // Социологический журнал. 2004. № 3/4. С. 27–46; Каныгин Г.В. Проблемы анализа качественных данных // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2007. № 1 (31). С. 118–128.

коммуникации, в которых каждый гражданин мог бы оказаться надежным поставщиком социальной информации.

Доступность для академического применения. Отличительной чертой контекстно-ориентированных методов, построенных на принципах ООП, служит доступность методов для социального исследователя, который не является специалистом в области высоких технологий. В настоящее время методы ООП могут быть использованы разработчиками программ, но являются недоступными для конечных потребителей информационного обеспечения качественного исследования.

Как свидетельствует практика развития информационных технологий, инструменты современного программирования являются не только средствами воспроизведения любого наблюдаемого явления, но и интеллектуальной средой, с помощью которой многочисленные работники умственного труда могут консолидировать свои разрозненные интеллектуальные усилия. Благодаря этим консолидирующим особенностям ООП позволяет достичь впечатляющих результатов, одним из которых может служить современное информационное общество. Представляется важным воспроизвести этот опыт интеллектуальной консолидации применительно к качественным исследованиям, одной из важных функций которых является согласование разрозненных качественных методологий²⁹ в виде конструктивных исследовательских методов.

Что такое «качественная теория»? Предложенные контекстно-ориентированные методы концептуализации могут рассматриваться в качестве возможного ответа на заданный К. Мак-Миллан и С. Мак-Лакхлан вопрос «Что такое теория?» применительно к качественному исследованию?³⁰ Этот ответ строится с учетом двух привлекательных инструментальных особенностей обсуждаемых методов. Во-первых, если код может быть уподоблен исследовательскому термину, то код не должен иметь операциональных свойств. Код представляет собой элементарную метку, которая в прикладном исследовании обретает свое научное предназначение за счет связывания с другими «объектами» исследования — иными метками, свидетельствами информанта, комментариями, рисунками и т. д. Такое связывание обычно трактуется как разъяснение или обоснование кода и не обусловлено заимствованием

²⁹ Online QDA. Methodologies [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://onlineqda.hud.ac.uk/methodologies.php>. Дата обращения: 01.08.2013.

³⁰ MacMillan K., McLachlan S. Theory-Building with Nud*1st: Using Computer Assisted Qualitative Analysis in a Media Case Study.

числовых, рейтинговых, пространственных или иных операциональных свойств, которые формируются вне предметной области, в которой проводится качественное исследование.

Во-вторых, оперируя с кодами, человек строит свои действия на интуитивной основе. Ни от информанта, ни от аналитика не требуется знание законов природы, арифметических операций, бухгалтерских правил, положений законодательства и т. д. Оба выражают свой феноменологический опыт, который представляет собой «предмет», скорее, для сопереживания, чем для рационального разъяснения.

Вероятно, неоперациональность и интуитивность методов АКД мешают воспринимать эти методы как полноценный теоретический аппарат. Действительно, трудно себе представить, чтобы «истинная» теория вместо того, чтобы предписывать своему адепту, как действовать, сама спрашивала у него, что делать? Наше картезианское образование отказывается признавать «теорию без предмета» и подсказывает, что мы должны считать теорией только то, что представляет собой «собрание принципов, применяемых для объяснения какого-либо феномена»³¹.

В этой дефиниции ключевым представляется слово «феномен». Отталкиваясь от него, следует поставить вопрос: какого сорта теорию мы должны себе представить, если еще не существует самого феномена? Нетрудно себе вообразить огромное множество ситуаций, в которых люди еще только планируют свои совместные поступки, имея в виду уточнить эти планы в будущем. В этих случаях их участники вынуждены координировать свои предварительные вынужденно неполные намерения, конструируя их в процессе согласования. Этот процесс имеет две ясные особенности. Подобных ситуаций и людей, в них участвующих, огромное множество. Таким образом, с «теоретической» точки зрения, для социального сообщества всегда актуальна задача поддержания тождественности каждого из огромного числа суждений, которые уже высказаны, но еще не операционализированы.

Эти специфические ситуации, постоянно возникающие в процессе конструирования «новых номинативных терминологий» представляют собой еще одну причину различения объективистских и конструктивистских исследовательских методов, которое находится в центре внимания теоретиков, работающих в традиции качественного исследования³².

³¹ Ibid., 5.2.

³² Charmaz K. Grounded Theory: Objectivist and Constructive Methods // Norman K. Denzin & Yvonna S. Lincoln (Eds.). Handbook of Qualitative Research. 2nd edition. Thousand Oaks, Ca.: Sage, 2000. P. 509–535.

Таким образом, «качественная теория» представляется разновидностью аналитических рассуждений, аппарат которых не может использовать операциональные свойства понятий и предназначен для ассистирования теоретику в поддержании тождественности меток (неоперационализированных понятий), имеющих только номинативные и структурные свойства. В традиционном АКД такие метки известны как коды. В контекстно-ориентированном АКД неоперационализированные метки снабжены дополнительными структурными методами, которые, в частности, позволяют аналитику контролировать связность создаваемого им «тела теории».

Заключение

В литературе по исследовательским методам в социологии можно выделить две трактовки термина «метод». Во-первых, это — «количественные методы», т. е. аналитические процедуры, которые выполняют формальные операции агрегирования, упорядочивания, типологизации и др. над объектами в признаковом пространстве («выборкой»). Примерами таких процедур являются факторный, регрессионный, кластерный и др. виды анализа данных.

Во-вторых, «качественные методы», т. е. вербальные процедуры, регламентированные в определенных отношениях, но не предполагающие формальных операций над «выборкой». Предписываемые процедурой операции осуществляются в виде естественно-языковых разъяснений. К их числу можно отнести метод неоконченных предложений, осевое кодирование, конверсационный анализ, критерии качественного исследования и др.

Развивая традиции анализа качественных данных как конструктивного аппарата качественного исследования, противопоставляемого количественным методам, контекстно-ориентированный АКД предназначен не для расширения их инструментального аппарата, а для снятия ограничений в исходном представлении о признаковом пространстве, на котором строится любой формальный метод, принятый в социологии.

Инструментальное усовершенствование, воплощенное в структурном аппарате контекстно-ориентированного АКД, находится в русле современных тенденций развития высоких технологий.

КОНТЕКСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ

В статье описываются основные методологические принципы контекстно-ориентированного анализа качественных данных. Проводится сравнение двух процедур концептуализации текстовых свидетельств, получаемых в ходе прикладного социологического исследования, с одной стороны, осуществляемых с помощью пакета *Atlas.ti*, с другой — программного пакета, работающего на контекстно-ориентированных принципах. Рассмотрены основные инструментальные средства контекстно-ориентированного анализа данных, приведены примеры использования контекстно-ориентированных методов при анализе транскрипта интервью. Исследованы возможности пилотной версии программы, ассистирующей проведению контекстно-ориентированного анализа. Проанализирована роль терминологического графа как инструмента для контроля связей между понятиями.

Ключевые слова: социологическое исследование, качественные данные, методы качественного исследования, качественный анализ, контекстно-ориентированный подход.

Введение

На сегодняшний день становится очевидной возрастающая популярность качественных социологических исследований, расширяется область их применения, они становятся все более востребованными; активно развиваются прикладные программы для анализа качественных данных. В связи с этим возникают вопросы как методологического, так и практического характера, обусловленные отсутствием опыта применения таких программ исследователями. Проблемы методологического характера выражаются в том, что социологи и специалисты других гуманитарных дисциплин, долгое время оперировавшие количественными методами анализа данных, рассматривают нечисловой формат представления данных при анализе как недостаток: такие данные трудоемки для анализа, и специализированное программное обеспечение для анализа таких данных появилось позже, чем программы для анализа количественных данных. Сегодня существует большое количество программных продуктов для поддержки анализа качественных данных, например *Atlas.ti*, *MAXQDA*, *NVivo* и др. Программы этого класса широко используются такими компаниями, как высокотехнологичная *Nokia* и известная западная консалтинговая компания

Flack Consulting Ltd. Один из известных пакетов анализа качественных данных (АКД) *Atlas.ti* используется в Британском Парламенте для поддержки принятия управленческих решений.

Существует проблема использования методов анализа качественных данных в социологических исследованиях. Программное обеспечение, распространяемое сегодня, не обладает инструментами для решения таких задач, как высокотехнологичное обеспечение коллективной работы исследователей, построение объективной модели изучаемого объекта, возможность проверки построенной модели. Проблема использования анализа качественных данных в целях обеспечения поддержки принятия решений почти не разработана. Безусловно, можно обратиться к западным разработкам пакетов АКД, широко применяемым зарубежными исследователями и малоизвестными российскими учеными. С другой стороны, существуют отечественные проекты, посвященные анализу качественных данных, в том числе разработке программных продуктов для АКД. На сегодняшний день с сожалением приходится констатировать, что эти работы слабо освещены в печати и известны только узкому кругу специалистов. Одним из примеров может служить проект, посвященный контекстно-ориентированным методам анализа качественных данных.

В статье рассматриваются основные методологические предпосылки контекстно-ориентированной методологии, также представлен практический пример, иллюстрирующий конструктивные отличия контекстно-ориентированных методов от традиционных методов анализа качественных данных.

Общие методологические требования к построению контекстно-ориентированных структур

Анализируя документ, исследователь сталкивается с проблемой концептуализации исходных данных, т. е. приведения их к виду, позволяющему повысить эффективность их дальнейшего изучения. В анализе качественных данных концептуализация выполняется с помощью функций кодирования. Применяя эти функции, исследователь руководствуется принятыми им субъективными методологическими ориентациями, что затрудняет дальнейшую корректировку и развитие научных взглядов, выражаемых в процессе концептуализации. Вместе с тем в современном АКД отсутствуют формальные критерии, по которым было бы возможно сопоставление выводов исследователей, работающих с качественными данными.

Другая, не менее важная проблема, с которой сталкивается исследователь при анализе качественных данных, это «ловушка естественного языка» или неоднозначность понятий, используемых при кодировании и построении теорий. Подобная проблема свойственна не только социологии, но и другим гуманитарным наукам, где в процессе работы над данными аналитик использует естественный язык. Конечно, в большинстве случаев существует установленный терминологический аппарат, принятый научным или профессиональным сообществом в определенной предметной области, но это не решает проблему по нескольким причинам: во-первых, термины и определения описаны опять же с помощью естественного языка, во-вторых, отсутствует четкий механизм формирования новых терминов. В связи с этим возникает необходимость в инструменте, позволяющем строить понятийные структуры на основе терминов естественного языка при анализе качественных данных. Такой инструмент предлагает контекстно-ориентированный подход к анализу качественных данных (КО АКД), помогающий исследователю при решении проблем, связанных с неоднозначностью понятий естественного языка при работе с документами.

Рассмотрим подробнее ключевые термины данного подхода — абстрактное понятие и контекстно-фиксированное разъяснение — которые служат базовыми инструментами, обуславливающими методологические преимущества КО АКД.

Абстрактное понятие — «это простейший инструмент теоретизирования, который выполняет три главные функции при решении проблемы многосмысленности и контекстной обусловленности теоретических терминов, которое осуществляется исследователем с помощью действий с понятиями». Иными словами, абстрактное понятие выступает своего рода гарантом идентичности в разных контекстах использования, очерчивает границы набора свойств понятия, а также осуществляет связь между самим понятием и действующим лицом (актером), которое оперирует этим понятием. Абстрактное понятие, таким образом, означает что-то, что остается неизменным независимо от контекста рассмотрения.

Контекстно-ориентированный подход основан на утверждении, что, работая с текстом, исследователь фактически объясняет одни понятия через другие, обязательно связывая разъяснения с определенным контекстом. Таким образом, появляется структура, состоящая из понятия, раскрытого через другие понятия, и контекста, в котором данные понятия существуют. Эта структура получила название

«контекстно-фиксированное разъяснение». Разъяснение понятий продолжается до тех пор, пока понятия не будут разъяснены в так называемые «общепринятые понятия» — понятия, которые исследователь считает общими для всей системы разъяснений, в частности, понятными для каждого ее контекста.

Итогом работы исследователя, использующего данный подход АКД, будет структурно упорядоченная система разъяснений, включающая в себя все понятия и контекстно-фиксированные разъяснения, которые, на взгляд исследователя, отражают точку зрения информанта на исследуемую проблему.

Проведем ряд сравнений между традиционным АКД и его контекстно-ориентированным расширением. Отправной структурной единицей в обеих версиях служит дескриптор, известный в традиционном подходе к АКД как *код*. В контекстно-ориентированном подходе дескриптор называется «понятие». Итак, понятие — простейший структурный элемент, используемый в контекстно-ориентированном анализе, своего рода «атом», из множества которых исследователь создает «молекулы», описывающие интересующую его предметную область.

Отвечая на вопрос, каким образом из атомов-понятий складывается целостная система, описывающая предметную область, мы переходим ко второму базовому элементу контекстно-ориентированного подхода: к так называемому *контекстно-фиксированному разъяснению*.

Контекстно-фиксированное разъяснение (КФР) можно определить как простейшее отношение, связывающее между собой понятия. КФР является структурным элементом, который конструируется из простейших понятий с помощью отношения «родитель—дети», пришедшего из теории графов. Схематично описанное отношение можно представить следующим образом:

$$t^{(c)}:t^{(p)}\{t_i\},$$

где $t^{(p)}$ — родительский или разъясняемый термин, $\{t_i\}$ — разъяснение или дочерний термин. Постепенно мы подошли к третьему ключевому понятию в контекстно-ориентированной методологии — к самому *контексту*. Контекстом в нашем случае будет являться $t^{(c)}$; иными словами, контекст — некое условие, своего рода контейнер, в который исследователь помещает разъяснение; контекст играет уточняющую роль в процессе разъяснения, это своего рода идентификатор, добавляющий к имеющемуся разъяснению еще одно измерение: у нас может быть

сколько угодно одинаковых отношений «родитель—дети», но в разных контекстах они будут иметь разное значение, определяемое контекстом.

Теперь рассмотрим, какие конструктивные преимущества для построения теорий и описания предметной области имеют описанные выше структуры, в частности, контекстно-фиксированное разъяснение (КФР).

Прежде всего, необходимо отметить, что КФР является достаточно гибкой структурой, не претендующей на задание единственно правильного отношения между термином-родителем и термином-потомком. Это свойство оправдано не только с точки зрения контекстно-ориентированной методологии, но и с точки зрения классических функций кодирования: ведь известно, что один и тот же поток данных можно закодировать по-разному в зависимости от множества факторов, начиная с целей и задач анализа и заканчивая субъективным взглядом и профессиональными компетенциями аналитика.

Следующий важный момент заключается в том, что КФР позволяет проиллюстрировать сам факт разъяснения с помощью одного термина (контекста), что является интуитивно понятным в качестве обозначения *обстоятельств*, в которых данное разъяснение имело место и *смысл*.

Коллекция понятий, заведенных аналитиком в процессе работы и объединенных им в контекстно-фиксированные разъяснения, называется *тезаурус*. Следует отметить, что не каждое понятие, встречающееся в тезаурусе, должно быть включено в какое-либо КФР; понятия могут существовать в тезаурусе отдельно. Такой термин игнорируется контекстно-ориентированным алгоритмом при построении результирующего *терминологического графа* (об этом будет рассказано ниже). Второй момент заключается в том, что связи между понятиями существуют только внутри конкретного КФР, тезаурус не содержит объектов, напоминающих графы или деревья.

Итак, тезаурус содержит все разъяснения понятий, составляющие терминологию исследователя, которой он пользовался в процессе кодирования. И понятия, и их разъяснения верифицируются (определяются, разъясняются) в тезаурусе аналитиком, производящим кодирование. Исходя из идеи разъяснения, тезаурус может быть определен как концептуальный инструмент, связывающий между собой термины, введенные аналитиком, и общие понятия (*commonplace*).

Завершая описание основных объектов контекстно-ориентированных процедур, можно сформулировать общие правила, регулирующие их применение в процессе концептуализации:

— понятие, представленное в тезаурусе, является *контекстно-определенным*, если оно является разъясненным хотя бы в одном КФР;

— одно и то же понятие может быть определено в нескольких контекстах: в таком случае понятие будет *поликонтекстуальным*. Соответственно, понятие, разъясненное только в одном КФР, будет *моноконтекстуальным*;

— контекстное определение понятия, представленного в КФР, не зависит от набора контекстов, используемых в данном КФР как разъяснения; набор разъяснений может быть и пустым.

Концептуализация как набор разъясняемых понятий

Проиллюстрируем на примере прикладной концептуализации свидетельства информанта отличия контекстно-ориентированных методов от традиционных функций кодирования. Для наглядности приведем два примера кодирования одного и того же из отрывка интервью молодого человека о жизни в пригороде Санкт-Петербурга:

— *Какие недостатки в работе транспорта, по вашему мнению, существуют в нашем городе?*

— *Ну, как для студента в первую очередь для меня важна стоимость проезда. Все-таки 40 рублей за маршрутку до метро — это ощутимое бремя... Да ладно 40 рублей, они бы хоть ходили нормально — а то стоишь на холоде полчаса, очередь с километр длиной, и опаздываешь вечно...*

— *Удовлетворены ли Вы работой медицинских учреждений нашего города?*

— *Мне, к счастью, редко приходится там бывать — вот был за справкой в военкомат. Больше ни за что туда не сунусь — очереди страшные, номерков никогда нет, и еще врач принимает раз в неделю... В общем, хорошего мало.*

— *Удовлетворены ли Вы возможностями для проведения свободного времени в нашем городе?*

— *Нет, конечно! На весь городишко один тренажерный зал — и то со старыми тренажерами, не то что тебе инструктора, даже вахтера не дозовешься, чтобы раздевалку открыл. Было хоть поле футбольное около 2-й школы — и то снесли, строят там спортивный комплекс. Открытых площадок тоже нет — ни кольца баскетбольного, ни волейбольной сетки. С друзьями негде собраться, в кафе полно курящих — а мы не курим, между прочим... А в «Фортуну» не особо хочется идти — музыка не нравится, да и там одни взрослые.*

— Как вы рассматриваете возможность дальнейшего трудоустройства в нашем городе?

— Да никак не рассматриваю. Здесь по моей специальности — я юрист — мне делать нечего. К тому же, все мои друзья в городе, хочется перебраться к ним поближе. Да и платят здесь, куда ни посмотри, копейки. Одним словом — бесперспективняк. Нет, здесь я работать не собираюсь.

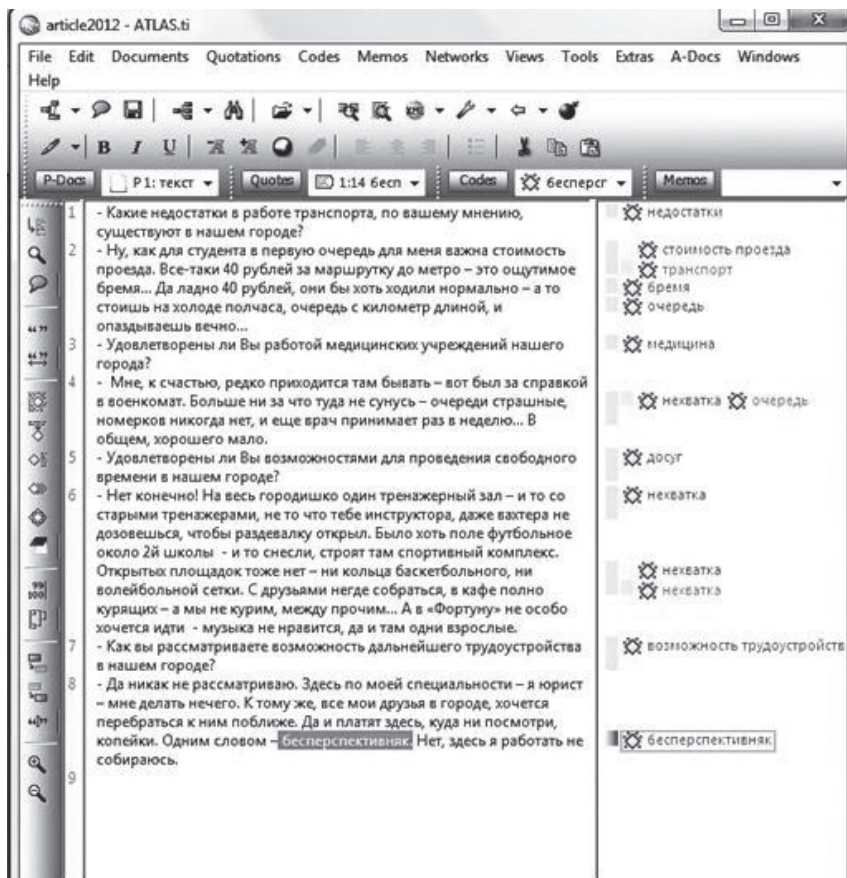
Данный текст взят из пилотажного исследования, посвященного проблемам молодежи Ленинградской области и проведенного автором статьи в рамках производственной практики. В результате анализа предполагается получить упорядоченную информацию о проблемах молодежи Ленинградской области с точки зрения интервьюируемого.

Для анализа свидетельств информанта используется пакет *Atlas.ti*. В процессе анализа мы проведем концептуализацию свидетельств информанта, то есть перейдем от естественного языка к новым структурам (кодам, понятиям). Такой переход необходим по ряду причин: во-первых, естественный язык неоднозначен, его трудно формализовать; во-вторых, переход к концептуальным структурам позволит отделить факты, перечисленные информантом, от его оценок этих фактов, приведенных в этом же интервью.

Первым шагом анализа является кодирование. В *Atlas.ti* можно использовать как открытое кодирование, так и кодирование *in vivo*. Полученные коды отображаются в правой вспомогательной области (см. рис. 1).

На следующем шаге анализа устанавливаем связи между кодами. В пакете существует фиксированный набор связей, которые можно использовать для связывания кодов: часть—целое, причинно-следственная связь, ассоциативная и др. Однако как бы ни был универсален с точки зрения разработчиков набор имеющихся связей, он не отвечает всем требованиям исследователя и не позволяет создавать новые виды связей, что довольно неудобно. Например, в процессе анализа исследователю понадобится новый вид связи, или необходимо будет скомбинировать одну связь из нескольких (что часто бывает при работе с данными на естественном языке).

Представим себе, что исследователю необходимо отразить, что какое-либо событие является следствием нескольких последовательно произошедших до этого событий. Стандартными средствами существующих пакетов АКД такие требования реализовать трудно: придется каждый раз при использовании такой связи ссылаться

Рис. 1. Кодирование в *Atlas.ti*

на цепь произошедших до этого событий. Это приведет к увеличению количества кодов и связей между ними.

Процесс установления связей между кодами показан на рис. 2.

Результат анализа может быть представлен в виде древовидной структуры (см. рис. 3), отражающей связи между кодами.

Исходя из данных, представленных в виде древовидной структуры, аналитик может сделать выводы о структуре изучаемых данных и детально изучить полученные зависимости и связи между кодами.

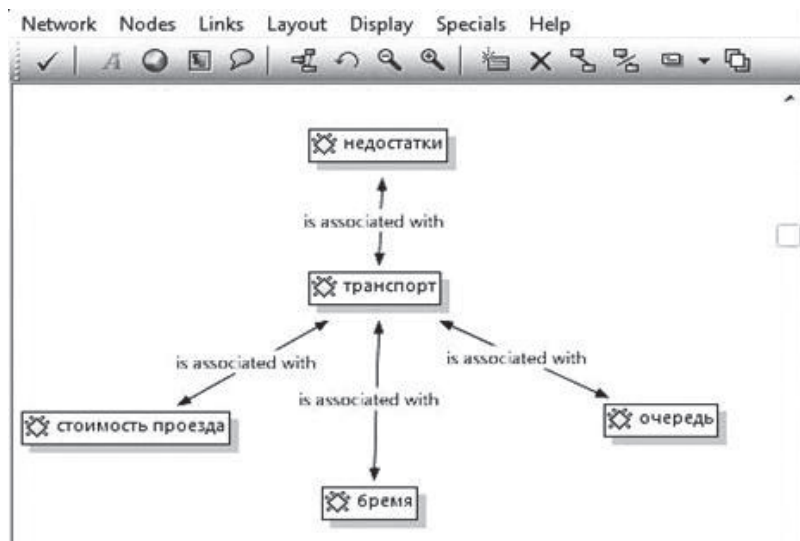

Рис. 2. Установление связей между кодами

Например, в нашем случае налицо следующая закономерность: говоря о каждом из аспектов проживания в пригороде Санкт-Петербурга, респондент описывает недостатки, причем такие недостатки, как очередь и нехватка ресурсов, упоминаются им неоднократно применительно к разным областям (транспорту, медицине и др.). Скажем, очередь как недостаток присутствует в речи респондента во всех затронутых им областях жизни в пригороде: это и очередь на транспорт, и очередь к врачу в поликлинике. Нехватка, недостаток ресурсов тоже упоминается респондентом неоднократно в разных ситуациях: это и нехватка врачей в поликлинике, и нехватка спортивных площадок, мест для проведения досуга молодежи, и, в заключение, нехватка рабочих мест в пригороде.

Далее проведем процедуру анализа данного транскрипта интервью с использованием контекстно-ориентированных методов.

На первом шаге анализа исследователь производит ровно те же действия, какие производил при использовании пакета *Atlas.ti*, а именно вводит в систему понятия, которые понадобятся ему в дальнейшем для анализа. Понятия, заведенные аналитиком, хранятся в базе данных и представлены в виде списка, как это показано на рис. 4.

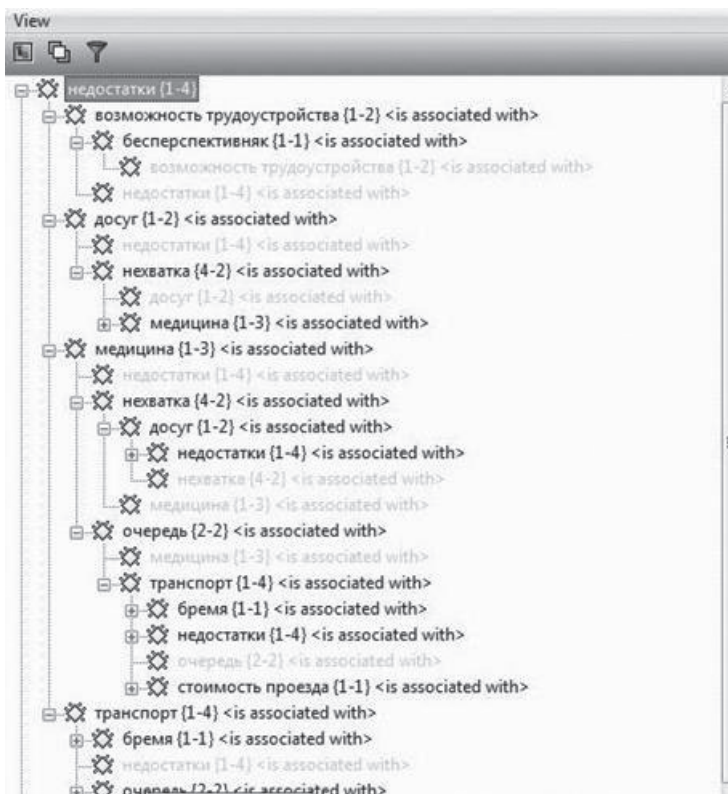

Рис. 3. Древоидная структура кодов

Необходимо отметить некоторые особенности реализованного программного прототипа, наверняка привлечшие внимание читателя на рис. 4. Каждому заведенному в систему понятию (термину, контексту) присваивается уникальный номер (идентификатор), который можно видеть слева напротив каждого термина. По умолчанию понятиям присваивается уникальный идентификатор. Сортировка понятий тезауруса настроена по возрастанию значений уникального идентификатора, поэтому каждое вновь созданное понятие оказывается после создания сверху (это очень удобно при работе с большими объемами информации, когда тезаурус может насчитывать сотни понятий). Далее при работе по концептуализации значение идентификатора может

№	Мнемоника
-3066	ПЛОХО
-3065	ОЧЕРЕДЬ
-3064	ОЧЕРЕДЬ К ВРАЧУ
-3063	ДОСУГ
-3062	ПРИГОРОД САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
-3061	БЕСПЕРСПЕКТИВНЯК
-3060	БЕЗРАЗЛИЧИЕ К ТРУДОУСТРОЙСТВУ
-3059	ВОЗМОЖНОСТЬ ТРУДОУСТРОЙСТВА
-3058	ОЧЕРЕДЬ НА ТРАНСПОРТ
-3057	БРЕМЯ
-3056	НЕХВАТКА
-3055	НЕДОСТАТКИ
-3054	МЕДИЦИНА
-3053	ТРАНСПОРТ
0	MISSING A DEFINITE TERM
1	INTEGER NUMBER
2	TEXTUAL DATA
50	PREDEFINED TERMS
51	CONTEXT RAMIFICATION
52	THIS IS
100	ACTOR
101	DEFINITIVE CONCEPT
121	ACTORS
122	ACTIONS//UNSPECIFIED ACTOR

Рис. 4. Понятия, введенные исследователем для контекстно-ориентированного анализа

быть изменено на положительное для удобства пользователя (при соблюдении требований уникальности). Англоязычные термины, указанные в нижней части рабочей области, являются системными и уже существуют в тезаурусе.

После того как исследователь ввел в систему необходимые понятия, можно приступить к процедуре разъяснения. В процессе этой процедуры исследователь создает контекстно-фиксированные разъяснения, т. е. разъясняет одни понятия через другие в различных контекстах.

Разъяснять можно любое важное с точки зрения исследователя понятие. В нашем случае было выбрано понятие «бесперспективняк», производящее лексику информанта и внесенное в систему в процессе анализа. Это понятие было выбрано по двум причинам: во-первых, оно

привнесено информантом, во-вторых, на взгляд исследователя, оно отражает отношение информанта к обсуждаемому вопросу, в-третьих, это понятие может оказаться довольно емким (т. е. может оказаться, что с помощью этого понятия информант объясняет свое отношение не только к возможностям трудоустройства по специальности, но и к ситуации в пригороде в целом).

Примечательно, что процесс ввода в систему понятий для анализа является итерационным, т. е. по мере углубления в данные аналитик вводит новые понятия, позволяющие полнее раскрыть суть изучаемого. Например, приступая к анализу приведенного выше отрывка из интервью, мы ввели в систему только те термины, которые являлись кодами при обработке транскрипта с помощью *Atlas.ti*. Однако при дальнейшей работе с текстом мы осознали необходимость введения в систему контекстов (например, «пригород Санкт-Петербурга») и оценочных понятий (респондент в тексте дает оценку описываемым событиям, поэтому в систему было введено оценочное понятие «плохо»). Так, шаг за шагом, исходя из целей исследования, аналитик вводит в систему новые термины, устанавливая связи между ними с помощью контекстно-фиксированных разъяснений.

Анализируя представленный отрывок интервью, можно привести следующий вариант контекстно-фиксированного разъяснения: термин «бесперспективняк», разъясненный в контексте «пригород Санкт-Петербурга», определяется через понятия «проблемы с транспортом», «плохая медицина», «отсутствие возможностей проведения досуга», «отсутствие возможностей трудоустройства». Это подтверждает гипотезу исследователя о том, что термин «бесперспективняк» описывает отношение информанта не только к возможностям трудоустройства, но и к ситуации в его городе в целом.

Следует пояснить соотношения между понятиями и контекстами, в которых они определены. Как было сказано выше, под контекстом в системе понимается некое условие, в которое, как в контейнер, помещаются разъясняемые понятия. Контекст, таким образом, способствует однозначному определению понятия, вписанного в него. По умолчанию в системе задан контекст высшего уровня — так называемый «актуальный тезаурус». Этот контекст означает, что все разъясненные в нем понятия определены в рамках конкретной процедуры анализа. Появление этого термина объясняется рядом причин: во-первых, логика работы системы предусматривает необходимость наличия хотя бы одного контекста при построении терминологического графа; во-

вторых, отвлеченные понятия (например, оценочные суждения) могут быть использованы неоднократно при анализе и в разных контекстах, поэтому удобнее разъяснить их в контексте высшего уровня, чтобы корректно использовать в дальнейшем при работе с другими контекстами.

Далее при работе пользователь может создавать свои контексты, в рамках которых будут разъяснены его термины. В нашем примере события, о которых рассказывает информант, происходят в конкретном месте — в пригороде Санкт-Петербурга, в связи с чем целесообразно ввести в систему контекст «пригород Санкт-Петербурга». Вводя такой контекст, аналитик получает возможность в ходе своих формализованных рассуждений явно указывать место совершения событий, привязывать события к определенным условиям, в которых они происходили. Таким образом, понятия «недостатки медицины», «очередь на транспорт» и др. будут однозначно определены в рамках контекста «пригород Санкт-Петербурга».

После того, как исследователь ввел в систему все необходимые для работы понятия и создал КФР, можно приступать к так называемой «финализации термина» или к построению терминологического графа. Смысл процедуры финализации состоит в конструктивном прослеживании связей между всеми терминами, введенными при концептуализации; в частности, в получении ответа на вопрос, каким образом понятия, привнесенные аналитиком для переосмысления текстового свидетельства, соотносены с собственными суждениями информанта. Такое конструктивное прослеживание осуществляется в виде терминологического графа.

Терминологический граф — объект контекстно-ориентированной методологии, представляющий собой древовидную структуру связей между понятиями с обозначением контекстов, в которых они разъяснены. Терминологический граф отображает структуру анализируемых данных и позволяет делать выводы о качестве связей между понятиями. Пример терминологического графа для анализируемого в данной статье транскрипта интервью представлен на рис. 5.

Важно отметить, что процесс анализа данных с использованием контекстно-ориентированных методов является итерационным процессом. Анализируя данные, практически невозможно с первого раза точно определить, какое количество понятий необходимо ввести, чтобы максимально точно описать структуру исследуемого объекта. Создавая КФР, исследователь по мере работы может добавлять вспомогательные контексты и понятия, создавать с их использованием новые КФР.

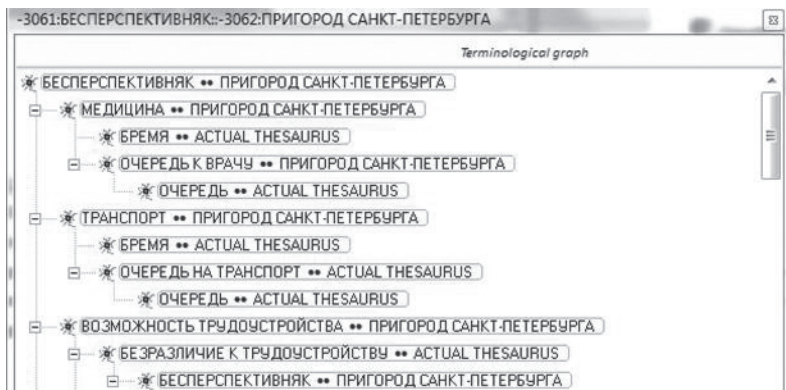

Рис. 5. Терминологический граф

Терминологический граф, таким образом, является инструментом для проверки связей между понятиями; например, если возникает ситуация, когда понятия разъясняются друг через друга, терминологический граф оказывается «зацикленным». Глядя на такой граф, исследователь понимает, что в разъяснениях допущена ошибка, исправляет ее и снова проверяет себя с помощью построения терминологического графа.

Заключение

На сегодняшний день существует проблема использования методов анализа качественных данных в социологических исследованиях. Программное обеспечение, существующее сегодня, не обладает инструментами для решения таких задач, как построение объективной модели изучаемого объекта, возможность проверки построенной модели.

Описанные в статье инструменты контекстно-ориентированного анализа качественных данных (КО АКД) позволяют проводить анализ свидетельств информанта, используя контексты (определяя временную и/или пространственную принадлежность событий к конкретному времени/месту) и специальный инструмент для проверки конструируемой модели — терминологический граф.

Программное обеспечение для проведения контекстно-ориентированного анализа существует сегодня в виде программного прототипа, ведется разработка пилотной версии программы, предназначенной для практического применения.

SUMMARIES

Civilizational Research in Sociology

R.G. Braslavsky. Autonomy of Human Reason: First Project on Civilization Studies

The paper examines the formation of the first project of the civilization studies that is the General history of civilization at the second half of the XVIII century. The discovery of the historical-cultural dimension of a human existence is the main novelty introduced by the notion of civilization.

Keywords: civilization, the Enlightenment, autonomy of human reason, culture, society, civilizational analysis, sociology, modernity.

Y.A. Prozorova. Integrative Perspective in Civilization Analysis

The main purpose of the article is to explore the integrative perspective in civilizational analysis. Attention is mainly focused on the 'micro-macro link' as a crucial theoretical and methodological issue in sociology. Civilizational theories of N. Elias, S. Eisenstadt and R. Collins have an explicitly integrative character and demonstrate a rejection of the micro- or macrolevel determinism, which is now replaced by the principle of interdependency between the macrolevel of institutions, large-scale structures and long-term processes and the microlevel of individual actions, small-scale structures and face-to-face interactions. The contemporary civilizational analysis is also developing other integrative lines — theoretical synthesis as well as integrative analysis of culture, structure and agency and also culture, economy and power as dimensions of civilizational complexes.

Keywords: integrative paradigm, metatheory, civilizational analysis, civilization, micro-macro link, structure, agency, culture, interaction ritual.

J. Subrt. The Civilization Theory of Norbert Elias Today

In *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations* (1939) Norbert Elias formulated a theory to explain the long-term process of continuous change that led to the emergence of modern society. His theory encompasses both the development of human personality structures and behaviour (psychogenetic research) and the development of the social structures of inequality, power, and order (sociogenetic research). Violence and its control are central themes of the theory of the civilizing process. On the question of why the de-civilization processes occur, Elias failed to answer satisfactorily. For his students and followers this omission is a motivation to consider furthering Elias's thinking.

Keywords: civilization, civilizing process, psychogenesis, sociogenesis, self-restraint, de-civilization.

Education and Innovation Development

B.I. Maximov. **Innovation Active Enterprises**

The factors of innovation activity in Russia are considered. The leaderships of directors and top-manages are emphasised. The positive examples of borrowing of innovation activity by Russian manufacturing enterprises are discussed.

Keywords: innovation activity, factor, state, manager.

L.V. Zemnukhova. **“IT-Workers Enjoy Their Job More Often”: Towards Discussion of the Research Results**

The article invites to discuss some results of the conducted research on information technology workers as a professional community. Empirical base of the research is in-depth interviews with IT-sphere representatives. There are key topics for the defining of IT-workers as an independent community, namely: language and communication, experience and qualification, structure and hierarchy, and stereotyped images.

Keywords: professional community, information technology, IT-workers, qualification, experience, structure, hierarchy, communication, language, stereotypes.

A.G. Schelkin. **About Significant Fault of Education Standards of Higher School in the Field of Social Studies**

The paper is devoted to the problem of educational modernization in Russia. Today, education in the higher school is a social institution, which formed a large part of the task that confronts the 21st century in Russia. It is about modernization and innovation. The author discusses how the school is responding to this call, in particular, what “ideology” professed reformers face the imperative of higher education modernization innivation orientation of contemporary society. There is the unpleasant fact that focus on a new type of knowledge (“technoznanie”) begins to dominate. The article argues the use in educational programs of Russian universities such basic concepts as “civilization/civility” with a high social value.

Keywords: humanitarian program, tech-knowledge, civilization.

Social Control

A.A. Yakovleva. **Community Initiatives in the Control of Deviance as a Contemporary Social Institution**

The paper focuses on community initiatives in the field of social control of deviance, which updated as an alternative informal institution of social control on the background of so called “crisis of punishment”. Community initiatives have specific features of social institution and contribute significantly to the expansion of the boundaries of concepts “norm”/“deviation”. They are involved in communication on public arenas, and that makes commonplace ideas and practices of social control of deviance wider.

Keywords: deviation, social control, norm, community initiatives, social institution.

I.N. Gurvich. Perspectives of Investigation of Social Control of Adolescence Deviance from the Social Constructivism Point of View

This is preparatory paper for our cycle of research works on social control of adolescent deviance from the position of social constructivism. It demonstrates necessity of search for alternatives to wide-spread structural-functional approach for investigation on social control of adolescent deviance. The paper gives an account of basic ideas of investigated phenomena in behavioral sciences. The macro-micro-macro model of social control of deviance by T.V. Shipunova, which has been offered in the framework of social constructivism, is inspected as an investigation alternative. It seems that this model is not quite suitable for the investigation of adolescent deviance.

Keywords: social control, adolescent deviance, structural-functional approach, social constructivism, macro-micro-macro model.

Personality and Family

K.S. Divisenko. Values and Attitudes in Lifeworld Structure

The article analyzes the structure of one's lifeworld as an individual model of reality, self-evident knowledge, providing the possibility for a person to live and act. Internalized and externalized intentionality of interaction between a person and external world is a parameter allowing to differentiate two dimensions: the structure of meaning and the value-attitude structure. Values and attitudes as components of a person's lifeworld act as a resource and limitation for development, solution, and evaluation of actual situations faced by the actors. In conclusion, author denotes the possibility of biographical research on the structure of the lifeworld.

Keywords: Lifeworld (Lebenswelt), values, attitude, biographical research.

N.N. Tsvetaeva. Family and Gender Relations in Women's Biographical Narratives

The paper presents some results of qualitative analysis of the Biographical collection obtained by Sociological Institute of the RAS. On the basis of biographical narratives of two generations the author examines how women's everyday views on family and gender relations have been changed in the post-Soviet period.

Keywords: biographical narratives, everyday views on family and gender relations, intergenerational differences.

T.Z. Protasenko. The Reality of Aging in the Social Indicators

The article consists of some results of "unceasing observation" (Igor I. Travin) and sociological monitoring of public mood about the pressing issues of our life (2008–2011). This time, author focuses on elderly people — the residents of St.-Petersburg and also other countries. This text is an essay and as well an analytical review of sociological studies on the social trends in citizens' everyday life.

Keywords: elderly people, living standard, everyday life, social problems, tourism, leisure, political orientations.

Problems of Methodology

L.V. Panova. Model of Social Determinants as the Basis for Multilevel Methodology in Health Studies

In the present article the relevance of the multilevel approach in health is studied. The analysis of the model of social determinants of health serves as the methodology basis of the research. The model of the social determinants of health reveals the nature of social impacts on physical, mental and social wellbeing of an individual, considering the hierarchy of these impacts on health on both societal and individual levels. The model comprises three key blocks: a social-political context, structural determinants, generating social stratification, and individual characteristics of the population. Such an approach to understanding the influence of various factors on health requires the application of the multilevel methodology, as of one of the most thorough and prospective research designs in studying health determinants.

Keywords: social determinants of health, the structure of the multilevel approach in studying health, the impact of income inequality and social capital on health.

G.V. Kanygin. Qualitative Data Analysis as Scientific Method

The paper continues the theory and methodology laboratory's investigations on the constructive methods of social research. The contemporary approaches to formulating criteria for qualitative data analysis are considered. It is argued that CAQDAS methods lack any tool that allow estimating analytically results of conceptualization carried out with help of coding and retrieval functions. The context-oriented models of CAQDAS proposed by the author in earlier publications are considered as a structural basis which allows aggregating results of qualitative data conceptualization by virtue of their compilation. Such compilation is analyzed as a method of estimating analytically results of qualitative data conceptualization. The basic features of the method are examined as compared with mathematical methods in social study and textual tools widely used in qualitative research.

Keywords: CAQDAS, qualitative data analysis, QDA software, quality of qualitative research.

V.S. Koretskaya. Context-oriented Conceptualization of Terms

The paper describes basic methodological principles of context-oriented data analysis. It contains the comparison between two procedures of computer data analysis: one with the help of *Atlas.ti* software, and another with the help of the software based on context-oriented algorithms. Also basic methods of context-oriented data analysis are described on the example of the abstract of an interview, which was analyzed with the help of the context-oriented methods. The investigation of the software working on context-oriented algorithms has been held. In the paper the role of the terminological graph as an instrument which provides the control of the links between terms has been analyzed.

Keywords: sociological research, qualitative data, qualitative methods, qualitative data analysis, context-oriented approach.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Браславский Руслан Геннадьевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург), сектор истории российской социологии. E-mail: braslavru@yandex.ru

Гурвич Иосиф Наумович — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург), сектор социологии девиантности и социального контроля. E-mail: iosif@bk.ru

Дивисенко Константин Сергеевич — кандидат социологических наук, научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург), сектор социологии семьи, сексуальных и гендерных отношений. E-mail: divis@inbox.ru

Земнухова Лилия Владимировна — младший научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург), сектор исследования социальной структуры. E-mail: l.zemnukhova@gmail.com

Каныгин Геннадий Викторович — доктор социологических наук, заведующий сектором теории и методологии Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург). E-mail: genaka@inbox.ru

Корецкая (Кишинская) Виктория Станиславовна — младший научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург), сектор теории и методологии. E-mail: interperfection@gmail.com

Максимов Борис Иванович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург), сектор социологии науки и инноваций. E-mail: maximovbi@mail.ru

Панова Людмила Васильевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург), сектор социологии здоровья. E-mail: l_panova@list.ru

Прозорова Юлия Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург), сектор истории российской социологии. E-mail: yulia.prozorova@gmail.com

Протасенко Татьяна Захаровна — старший научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург), сектор социологии семьи, сексуальных и гендерных отношений.

Цветаева Нина Николаевна — научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург), сектор социологии семьи, сексуальных и гендерных отношений. E-mail: tsvetni12@mail.ru

Шубрт Иржи (Subrt, Jiri) — доцент Карлова университета, факультет гуманитарных наук (Прага, Чешская Республика). E-mail: jiri.subrt@ff.cuni.cz

Щелкин Александр Георгиевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург), сектор социологии семьи, сексуальных и гендерных отношений. E-mail: presss@mail.ru

Яковлева Анна Александровна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург), сектор социологии девиантности и социального контроля. E-mail: anna.yakovleva@hotmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи научных статей на русском или английском языках, ранее не публиковавшиеся, содержащие оригинальные результаты исследований в области социологии. К публикации не принимаются тексты учебно-образовательного, научно-популярного и публицистического характера.

Объем рукописей статей — от 0,5 до 1,5 п.л. (1 п.л. = 40 000 знаков с пробелами).

Помимо текста рукописи публикационный материал должен содержать следующие сведения:

- информацию об авторе (авторах), включающей фамилию, имя и отчество на русском и английском языках, ученую степень и ученое звание, место работы/учебы (полное официальное название учреждения без аббревиатур), должность по месту работы, почтовый адрес (с индексом), номер телефона (с указанием кодов), адрес электронной почты;
- аннотация объемом 80—120 слов на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках;
- название статьи на английском языке;
- приставный библиографический список литературы.

Рукописи принимаются в электронной версии в редакторах Word.

Все сноски, включая ссылки на источники, оформляются постранично.

Библиографическое описание составляется в соответствии с действующим ГОСТом.

Рукописи необходимо высылать на электронный адрес редакции.

Все рукописи рецензируются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Гонорар авторам за публикацию материалов не выплачивается.

Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Социологический институт Российской академии наук, ком. 526.

Тел.: (812) 316-24-96

Факс: (812) 316-29-29

E-mail: si_ras@mail.ru

WWW-адрес периодического издания: <http://www.pitersociology.ru/>

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ – 2012

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Корректор *М.С. Семиколенных*

Оригинал-макет *С.В. Кассина*

Дизайн обложки *С.В. Кассина*

Подписано в печать 25.10.2013

Формат 60×90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 18

Тираж 300 экз. Заказ № 3380

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии

«Нестор-История»

198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21

Тел. (812)622-01-23